

МАРКСИЗМ В ФИЛОСОФИИ: СУДЬБЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Материалы научно-практической
конференции, посвященной
100-летию юбилею М. Н. Руткевича
и 90-летию юбилею И. Я. Лойфмана

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Уральский гуманитарный институт
Департамент философии

МАРКСИЗМ В ФИЛОСОФИИ: СУДЬБЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Материалы научно-практической конференции,
посвященной 100-летию юбилею М. Н. Руткевича
и 90-летию юбилею И. Я. Лойфмана

Екатеринбург, 24–25 ноября 2017 г.

Сборник научных статей и тезисов

Екатеринбург
Деловая книга
2018

ББК 87.3(2)6я43
УДК 101.8
М25

Марксизм в философии: судьбы мировоззрения. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию юбилею М. Н. Руткевича и 90-летию юбилею И. Я. Лойфмана (Екатеринбург, 24–25 ноября 2017 г.): сборник научных статей и тезисов / Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Урал. гум. ин-т, Департамент философии, Каф. онтологии и теории познания ; [науч. ред. Н. В. Бряник]. – Екатеринбург: Деловая книга, 2018. – 268 с.

ISBN 978-5-88687-241-5
ГРНТИ 02.11.21

Сборник материалов научно-практической конференции «Марксизм в философии: судьбы мировоззрения» посвящен 100-летию юбилею философа и социолога, члена-корреспондента РАН, основателя философского факультета Уральского госуниверситета М. Н. Руткевича (1917–2009) и 90-летию юбилею философа, заслуженного деятеля науки РФ И. Я. Лойфмана (1927–2004), которые в своих исследованиях творчески развивали марксизм. Авторами большей части статей являются выпускники философского факультета Уральского госуниверситета. Знакомство с материалами позволяет составить представление об эпохе 60-х – начала 2000-х через призму исканий двух неординарных личностей.

**ББК 87.3(2)6я43
УДК 101.8**

Авторы статей самостоятельно несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях материалов и корректность цитирования

ISBN 978-5-88687-241-5

© Бряник Н. В., Фан И. Б. и др., 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Раздел 1. ТВОРЧЕСКИЙ И ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ М. Н. РУТКЕВИЧА И И. Я. ЛОЙФМАНА	7
Фан И. Б. Об Уральской философско-социологической школе и роли М. Н. Руткевича в её появлении	8
Аверин А. Н. Вспоминая наших учителей философии	26
Меренков А. В. М. Н. Руткевич как социолог	39
Раздел 2. ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ И УЧИТЕЛЬСТВА В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧЕНИКОВ	45
Фан И. Б. О создателе и о себе: воспоминания учеников М. Н. Руткевича	46
Мирошников Ю. И. Руткевича мы звали папой	62
Мирошников Ю. И. Руткевич и Лойфман: двойной портрет на фоне нулевых годов	66
Субботин И. И. Как Далай-лама 14-й помог мне понять И. Я. Лойфмана	80
Субботин И. И. Штрихи к портрету И. Я. Лойфмана	85
Закс Л. А. М. Н. Руткевич – противоречивый сын противоречивого времени (воспоминания и размышления)	88
Раздел 3. РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКИХ ИДЕЙ В УРАЛЬСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЕ	107
Брянник Н. В. Научная школа в области философских наук «Диалектика и теория познания»: основатели М. Н. Руткевич и И. Я. Лойфман, руководитель В. В. Ким	108
Савцова Н. И. Мое вхождение в философию	120
Некрасов С. Н. О М. Н. Руткевиче и И. Я. Лойфмане: об общем и особенном в двух формах марксизма и о себе	130
Брянник Н. В. Концептуальность и сциентизм позиции М. Н. Руткевича и И. Я. Лойфмана в области гносеологии	154

Раздел 4. ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МАРКСИЗМА И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ	165
Лобовиков В. О. Дискретная математическая модель диалектико-материалистического принципа развития как всеобщего взаимопревращения качеств в мире материи (формально-аксиологическая эквивалентность ценностных функций «самопротиворечие» и «всеобщее взаимопревращение» в двузначной алгебре философии)	166
Лоскутов В. А. Марксистско-ленинская философия: жизнь после смерти	178
Шуталева А. В. Реальность как проблема наблюдения в теории познания У. Матураны	221
Ламберов Л. Д. Диалектика тождества и различия в современном теоретико-типовом подходе к основаниям математики	227
Прытков В. П. Атрибуты философской проблематики	232
Коновкин Е. С. Классовый подход в науке и идеологии	238
Иванова Е. В. К проблеме субъекта и объекта в мифологическом творчестве (диалектика архаики и современности)	247
Цейслер В. Э. К проблеме «статуарности» советского человека	258

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для департамента философии УрФУ 2017 год стал особенным. За пятьдесят лет его существования менялись вывески: в 1965 г. философский факультет возник как отделение исторического факультета, в 1966 г. он превратился в самостоятельный факультет, который в течение 45 лет существовал в стенах Уральского государственного университета им. А. М. Горького, а с 2017 г. был трансформирован в департамент УГИ (Уральского гуманитарного института) при УрФУ. Вывески менялись, но что-то теплилось и до сих пор сохраняется от той традиции, которая была заложена при возникновении факультета. Эту традицию несут в своей профессиональной и творческой деятельности те, кто составил костяк первых выпусков факультета и уже сам подготовил не одно поколение учеников.

Среди тех, кто закладывал основы традиции Уральской философской школы, без сомнения, два имени – члена-корреспондента М. Н. Руткевича и заслуженного деятеля науки И. Я. Лойфмана – самые значимые. Только под такую фигуру как М. Н. Руткевич в 1960-е годы, годы оттепели, мог быть открыт философский факультет – факультет, который самым своим названием манифестирует свободу мысли. Многие из того, чего достиг М. Н. Руткевич в области теоретической философии – плод его сотрудничества с И. Я. Лойфманом.

2017 год – юбилейный для них обоих: 100-летие М. Н. Руткевича (02.10.1917) и 90-летие И. Я. Лойфмана (17.12.1927). Нельзя не отметить некоторого символизма в череде событий: 90-летие, 100-летие и назовем еще одну дату – 200-летие. Эта последняя дата связана с 5 мая 2018 г. – 200-летием со дня рождения К. Маркса (05.05.1818–14.03.1883). Всякий символ, в отличие от знака, несет в себе элемент естественности, в нашем случае, объективности. Чем же связаны отмеченные события? Символизм видится в том, что М. Н. Руткевич и И. Я. Лойфман – одни из немногих отечественных мыслителей, которые не только не отказались от марксистского мировоззрения в годы, когда, чтобы оставаться на плаву, надо было отречься от прежней научной позиции, но сознательно отстаивали

и развивали до конца своей жизни то, что они называли «творческим марксизмом».

Символизм данных юбилеев и определил тему конференции, посвященную этим знаменательным датам: «Марксизм в философии: судьбы мировоззрения». Ведь главным для М. Н. Руткевича и И. Я. Лойфмана в их профессиональной деятельности было исследование того, как работают принципы, заложенные основоположниками марксизма-ленинизма, применительно к современной действительности второй половины XX – начала XXI столетий.

Согласно замыслу конференции, материалы сгруппированы в четыре раздела, три из которых посвящены творчеству и достижениям М. Н. Руткевича и И. Я. Лойфмана как в области идей и подготовки научных кадров, так преподавательской и организационной деятельности. Обоснование существования и специфики того, что получило название *Уральской философской школы*, дается в *третьем разделе*. Одни и те же события из жизни наших юбиляров и Уральской философской школы разными авторами, представленными в данных разделах, описываются по-разному; порой даются и взаимоисключающие оценки. Тем самым достигается не только полнота представлений о прошедших событиях, но, по-видимому, и наибольшее приближение к реальности.

В *четвертом разделе* представлены материалы, в которых акцент сделан именно на проблематике самого марксизма в его современном экзистенциальном, мировоззренческом и методологическом значении. Авторы присланных материалов не были ограничены никакими установками – писать «во славу марксизма» или хулить его, не было ограничений и по объему.

Организаторы конференции благодарны всем, принявшим участие в юбилейной конференции и отдавшим дань светлой памяти Исаака Яковлевича Лойфмана и Михаила Николаевича Руткевича.

Раздел 1

**ТВОРЧЕСКИЙ
И ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ
М. Н. РУТКЕВИЧА
и И. Я. ЛОЙФМАНА**

Доктор политических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
E-mail: Irina-fan@yandex.ru

ОБ УРАЛЬСКОЙ ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ И РОЛИ М. Н. РУТКЕВИЧА В ЕЁ ПОЯВЛЕНИИ

ABOUT THE URAL SCHOOL OF PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY AND THE ROLE OF M.N. RUTKEVICH IN HER APPEARANCE

Аннотация. Данный материал представляет собой заочное интервью с М. Н. Руткевичем. В нем содержатся основные вехи биографии ученого, вклад в науку и организацию научных институтов. Все это помогает раскрыть и представить масштабы личности М. Н. Руткевича на фоне эволюции советской философии и социологии.

Ключевые слова: этапы биографии М. Н. Руткевича, физика, философия, история философии, советская социология, Уральская философская и социологическая школа.

Abstract. This material is a correspondence interview with M.N. Rutkevich. It contains the main milestones of the biography of the scientist, contribution to science and the organization of scientific institutions. All this helps to reveal and imagine the scale of the personality of M. N. Rutkevich on the background of the evolution of Soviet philosophy and sociology.

Key words: biography steps M. N. Rutkevich, Physics, Philosophy, History of Philosophy, Soviet Sociology, Ural Philosophical and Sociological School.

Имя М. Н. Руткевича известно российской естественно-научной и гуманитарной интеллигенции нескольких поколений. Он родился 2 октября 1917 г., накануне Октябрьской революции, окончил физический факультет Киевского госуниверситета. Кандидатская диссертация «Практика – основа познания и критерий истины» была им защищена в 1950 г., докторская – в 1961 г.

На Урале, в Свердловске, он провел 19 плодотворных лет жизни: сначала преподавал философию в пединституте, в 1952 г. орга-

низовал кафедру философии пединститута, в 1953 г. организовал кафедру философии в УрГУ и стал ее заведующим, затем отделение философии при историческом факультете и философский факультет. При кафедре была основана социологическая лаборатория. Социологическая лаборатория при УФАН СССР (впоследствии УНЦ, а затем УрО РАН).

Этапы его биографии – это этапы развития советской философии и социологии. М. Н. часто выступал в качестве творца не только собственной судьбы, но и формирования целых социальных институтов, влияющих на судьбы тысяч людей. Дипломы философского факультета УрГУ, основанного М. Н. Руткевичем в 1965 г., более чем за 40 лет существования факультета получило несколько тысяч человек! Создание Уральской философской и социологической школ (последней – задолго до организации Института конкретных социальных исследований АН СССР, преобразованного затем в Институт социологических исследований), учреждение журнала «Социологические исследования» (1974) – каждого из этих дел было бы достаточно для одного человека. С 1972 по 1976 гг. М. Н. был директором Института социологических исследований АН СССР. М. Н. Руткевич – доктор философских наук, с 1970 г. – член-корреспондент АН СССР, ныне РАН, с 1971 г. – вице-президент Философского общества СССР–РФ, член редколлегии журналов «Философские науки» (1956–1972 гг.) и «Социологические исследования» (с 1976 г.), советник Института социально-политических исследований РАН (с 1991 г.). Избирался председателем Советской социологической ассоциации (1972–1976 гг.), членом исполкома Всемирной социологической ассоциации (1974–1978 гг.). Он – автор 30 монографий и учебников и более 500 статей в коллективных трудах, в отечественных и зарубежных изданиях; участник всемирных философских и социологических конгрессов (Мексика, Вена, Варна, Торонто). Под его руководством подготовлено более 100 кандидатских диссертаций, 25 из которых – в Уральском университете, 17 их авторов стали докторами наук. Награжден 15 орденами и медалями, в том числе, орденами Красной Звезды, Отечественной войны, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени.

Сведения об истории Уральской философской школы, о научном вкладе и биографии ученого содержатся в ряде изданий: Уральская философская школа: становление и развитие. 1966–1996 [1]; Руткевич М. Н. К истории «шестидесятых» на Урале [2]; Любутин

К. Н. Философский факультет УрГУ и Уральская философская школа [3]; Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды [4]; Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 2000 [5]; Уральская энциклопедия [6]; Научная элита. Кто есть кто в РАН [7].

Ниже приведены ответы М. Н. Руткевича на вопросы заочного интервью.

Член-корреспондент РАН М. Н. Руткевич:

Присланные мне вопросы ориентируют либо на исповедь, а я к ней еще не готов, несмотря на весьма почтенный возраст, либо на литературное произведение входящего в популярность жанра: история семьи как срез истории определенного социального слоя за столетие. Будучи «потомком» в третьем поколении, (дед, отец и я заканчивали Киевский университет) той части старой русской интеллигенции, которая в первые десятилетия советской власти страшно обнищала и подвергалась репрессиям, я бы, при наличии времени, мог (бы) взяться за выполнение этого заманчивого замысла. Но у меня на это нет ни времени, ни соответствующего таланта, ни семейного архива – все документы, письма и т.д. сгорели в Киеве во время войны. Поэтому я ограничусь здесь лишь теми биографическими сведениями, без которых трудно будет понять мои размышления об «Уральской философско-социологической школе» и роли Руткевича в ее появлении. Впрочем, эта тема однажды уже была освещена в печати – по любезному приглашению В. П. Лукьянина, тогда главного редактора журнала «Урал» (см. № 8/12, 1997). Поэтому из многих поставленных вопросов отвечу только на два: 1) Почему убежденный в неповторимой красоте родного города киевлянин оказался на Урале и считает Свердловск (Екатеринбург) своей второй родиной? и 2) Почему, имея на руках диплом с отличием физического факультета КГУ, более того, будучи в 21 год автором статьи в ЖЭТФ (№ 10, 1939 г.) – тогда самом авторитетном физическом журнале СССР (замечу в скобках, что я увидел этот номер журнала уже не в Киеве, а в солдатской казарме), я оказался в итоге философом и теоретиком-социологом?

Ответить на первый вопрос легко. В Свердловске я оказался после шестилетнего пребывания в армии, после госпиталя, получив отпуск, потому что с 1934 г. в этом городе жил и работал в качестве заведующего кафедрой всеобщей истории пединститута са-

мый близкий мне человек – отец, Руткевич Николай Паулинович. И не только. В мае 1945 г. именно в Свердловске произошли два самых радостных события в моей жизни – я встретил День Победы и вскоре после него познакомился с моей будущей женой – Ириной Ивановной Павловой, с которой постарался в самый короткий срок вступить в брак. Отец, проживший войну в голоде, холоде и тяжелых жилищных условиях, к этому времени тяжело болел (он безвременно скончался в 1949 г. в возрасте 55 лет), а молодая жена после пребывания на фронте в составе Уральского добровольческого танкового корпуса восстанавливала свой статус студентки университета и к тому же ждала ребенка. Таковы два человека и одновременно два житейских обстоятельства, которые определили решение не возвращаться в Киев, где ни родных, ни жилья после войны у меня не осталось.

Ответ на второй вопрос окажется несколько более пространственным. Мои научные симпатии с детства испытывали известное раздвоение или, говоря современным языком, мои детские и юношеские интересы «складывались неоднозначно». С одной стороны, мой дед по материнской линии (ставший с 17 г. «лишенцем», т. е. человеком, лишенным, по сути, основных гражданских прав) вскоре ослеп, и в мою обязанность входило регулярно сопровождать его на прогулках от нашего дома, расположенного против Андреевской церкви (той самой, построенной Растрелли, в которой мне присвоили имя Михаила), до Владимирской горки и обратно. Дед был шахматистом высшего класса, участвовал в турнирах, я видел его фотографию вдвоем с Чигориным; будучи слепым, он играл на десяти досках и выигрывал. Именно он научил меня к 4–5-ти годам возводить в квадрат четырехзначные числа и многому другому, прежде всего, любви к математике. С другой стороны, отец и дядя были гуманитариями, оба закончили историко-филологический факультет Киевского университета и к тому же параллельно консерваторию (отец по вокальному отделению, дядя по фортепианному). Дом был полон книг по истории, географии, экономике и тьмой художественной литературы. Портрет Блока висел на самом почетном месте, а засыпал я под музыку Шопена и Шумана, а также марша Прокофьева из оперы «Любовь к трем апельсинам» и 2-го этюда Скрябина. По сей день это самые любимые фортепианные произведения. Кроме того, в Киеве в так называемом Купеческом саду летом чуть ли не ежедневно играл симфонический

оркестр и грех было не сбежать туда, чтобы бесплатно послушать классическую музыку. Такова была общая атмосфера дома.

Но главная роль в моем воспитании принадлежала отцу. После того, как они с матерью вернулись из украинской «глубинки», куда отправились учительствовать в 1918 г., чтобы выжить в голодные годы (отец преподавал историю, мать – русский язык и литературу), мы с отцом с 1927 по 1929 гг. совершали многокилометровые прогулки по Киеву и окрестностям. Отец досконально знал историю каждой церкви и монастыря, чуть ли не каждого камня, который был связан с тысячелетней историей Руси. Вскоре они с матерью разошлись, отец уехал сперва в Нежин, а в 1932 г. в Краснодарский пединститут, где читал курс новой истории; и очень разумно сделал, что уехал, все его друзья были арестованы год спустя по фальшивому обвинению в «украинском буржуазном национализме, связи с разведками западных стран» и т. д. К этому времени я закончил в Киеве обучение в «семилетке» и уехал к отцу. Прогулки возобновились, но теперь история соединилась с политэкономией и философией, притом в системе: я получал указания, что прочитать к такому-то сроку. Кстати сказать, статью отца по критике австрийской школы политэкономии я недавно перечитал не без пользы, поскольку идея «предельной полезности» предлагаемого на рынке товара в век зомбирования населения телевизионной рекламой, навязывающей потребителю покупку определенных предметов и услуг, обрела «второе дыхание». Особо сильное впечатление произвела на меня тогда работа Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах». Можно считать, что к 16 годам я стал приверженцем марксистской теории и социалистического переустройства общества.

Существование математического и гуманитарного начал в моей душе закончилось при выборе факультета в пользу первого в известной мере случайно, под влиянием друзей, с той разницей, что в отличие от них мне после окончания 9 класса не было полных 17 лет, равно как и аттестата о среднем образовании. Мне памятен решающий визит к тогдашнему ректору Киевского университета Русько: «Я не маю права тебе прийняти, але коли ти одержиш усі екзамени на відмінно, – приходи знова». Я выполнил условие и стал студентом.

После войны физику я основательно подзабыл, работа в оптической лаборатории на военном заводе после демобилизации удовольствия не доставляла в силу своей рутинности. Я стал сдавать заочно экзамены за истфак (за год сдал половину) и одновременно

выступать с лекциями о причинах Победы СССР в Отечественной войне – это я знал не только из литературы, три года на фронте не прошли даром. Кстати, именно на фронте я полностью убедился в том, что, несмотря на все издержки, включая массовый террор, политика партии и Сталина, сумевших подготовить страну к обороне от более сильного агрессора и выиграть ценой невероятных жертв войну, была в основе правильной. Поэтому предложение Д. И. Чеснокова, тогда секретаря Горкома КПСС, перейти на работу в лекторскую группу Горкома партии и одновременно поступить к нему в заочную аспирантуру по философии, мною было принято. К сожалению, Д. И. Чесноков после весьма резкого выступления на философской дискуссии 1947 г. был затребован в Москву, и я продолжал осваивать теорию познания самостоятельно: она меня более всего интересовала в связи с естествознанием. К лету 1949 г. диссертация была в основном готова, и меня рекомендовали в Академию общественных наук при ЦК КПСС сроком на 9 месяцев для ее завершения. Через год диссертация под названием: «Практика – основа познания и критерий истины» была завершена и успешно защищена, а вскоре издана в Москве в издательстве «Мысль» и переведена на пять языков. Я вернулся «на коню» в ставший родным Свердловск и определенно в пединститут преподавать философию, как бы заместив в списках личного состава этого учебного заведения ушедшего из жизни отца.

В 1952 г. в институте моими усилиями была организована кафедра философии, приняты аспиранты (первым из них защитился Г. М. Коростелев, заведовавший затем кафедрой философии пединститута до конца своих дней). Жизнь, казалось, приобрела некоторую устойчивость, но, как оказалось, ненадолго. В 1953 г. из Свердловска смог уехать обратно в Москву М. Т. Иовчук, «сосланный» на Урал Маленковым в 1949 г. за то, что дал свою подпись под некрологом погибшего в Минске Михоэлса; будучи секретарем ЦК КПБ, он не знал подлинных причин этого трагического события. Меня вызвали в Обком партии и предложили занять кафедру в Уральском университете, где по совместительству я преподавал с 1951 г. Так начался длинный (19 лет) и самый плодотворный период моей жизни, связанный целиком с Уральским университетом.

О роли Д. И. Чеснокова и М. Т. Иовчука как подлинных основателей во Свердловске заметной во всеобщем масштабе философской школы, я писал неоднократно, в том числе в упомянутой выше

статье в журнале «Урал». Оба они были специалистами по истории отечественной философии (их книги о Герцене и Белинском, равно как монография В. С. Кружкова по Добролюбову и ряд других) были хорошо написаны и сыграли в то время весьма положительную роль, поскольку способствовали пробуждению интереса к истории русской общественной мысли, воспитанию русского патриотизма. Не обошлось, как всегда, без некоторых перехлестов в оценке этих мыслителей, а также попыток раздвинуть рамки русской философии XIX в.; ввиду исчерпания списка хорошо известных имен М. Т. Иовчук загружал своих аспирантов темами о философских воззрениях Салтыкова-Щедрина и Мамина-Сибиряка...

Мою деятельность в УрГУ можно разделить на два периода: на общеуниверситетской кафедре философии и на философском факультете.

Период «собрания сил»

Работа на кафедре была периодом «собрания сил»: повышения собственной квалификации, создания весьма крепкого по составу коллектива преподавателей, которые составили в последующем костяк преподавателей философского факультета, подготовки большого числа аспирантов. Содействовало росту авторитета кафедры, а затем созданию факультета издание моего курса лекций по диалектическому материализму для естественных факультетов в Москве (1959 и 1960 гг.), защита докторской диссертации в 1961 г., созданные вместе с москвичами коллективные монографии по теории познания. Эта ориентация кафедры нашла выражение и в подборе аспирантов. Особенно запали в память защиты кандидатских диссертаций И. Я. Лойфмана по диалектике взаимодействия сил притяжения и отталкивания и Е. Ф. Молевича по закономерностям эволюции живой природы. Первая была высоко оценена физиками из УФАН (впоследствии УНЦ, а затем УрО РАН), вторую предварительно прочитал и одобрил такой выдающийся биолог, как академик С. С. Шварц, с которым я впоследствии не раз выступал в печати по философским вопросам экологии.

Союз философии и естествознания

В связи с первой из упомянутых диссертаций уместным представляется отвлечься от темы и сделать замечание принципиального характера насчет эвристической роли материалистической

диалектики. Во второй половине XIX в. получило широкое распространение расширительное понимание открытого Клаузиусом второго закона термодинамики (закон энтропии) как неизбежности «тепловой смерти Вселенной»: когда все остальные виды энергии превратятся в тепловую, а последняя рассеется по бесконечному пространству Вселенной, в результате повсеместно установится температура чуть выше абсолютного нуля (-273 градуса по Цельсию). Задолго до того, как физик Л. Больцман доказал математически несостоятельность этой теории, философ Ф. Энгельс в заметках, вошедших в опубликованную позднее «Диалектику природы» (Больцман о них не мог знать), писал об этой теории: она предполагает, что «мировые часы были первоначально кем-то заведены», стало быть нынешнему состоянию материи во Вселенной должен был предшествовать «толчок извне», т. е. божественное творение, и поэтому данная теория должна быть отвергнута.

Если теория «тепловой смерти Вселенной» предполагала полную победу сил притяжения над силами отталкивания, то данная Джинсом, Эддингтоном и другими видными физиками в 20-е гг. XX в. трактовка открытого Хабблом разбега галактик (так называемое «красное смещение») привела к преобладанию среди физиков вплоть до самого конца этого столетия предположения, что Вселенная имела начало в виде ничтожно малого ядра материи высочайшей плотности, а затем начала и продолжает расширяться уже 15 млрд. лет. От объяснения этого явления либо уклонялись, либо приходили к мысли о первоначальном толчке как творения мира богом (в одной из энциклик папы Иоанна XI сие провозглашается в качестве безусловной истины). К чести советских философов-материалистов, в том числе автора этих строк, они отвергали последнее объяснение, полагая, что последующий прогресс науки даст разгадку упомянутого разбега галактик в Метагалактике. Приведу в качестве примера отрывок из своей книги «Диалектический материализм. Курс лекций для философских факультетов», увидевшей свет в 1973 г. в Москве тиражом 70 тыс. экз. и являющейся отредактированной стенограммой лекций, прочитанных студентам философского факультета УрГУ: «все дело в том, что известную нам сегодня часть Вселенной нельзя отождествлять со всей бесконечной Вселенной, и, следовательно, расширение следует рассматривать как гигантский, но тем не менее местный эффект» (с. 116–117).

В № 10 за 2001 г. «Вестника Российской Академии наук» помещен доклад члена-корреспондента РАН И. Д. Новикова «Инфляционная модель ранней Вселенной», в котором нашли обобщение новейшие данные астрономических наблюдений. Основной вывод автора таков: «из-за квантовых флуктуаций в различные моменты времени случайным образом происходит превращение «кипящего вакуума» в отдельные пузыри раздувающихся вселенных»; «потом возможен коллапс отдельных пузырей, и они снова перейдут в квантовое кипение» (с. 891). Иначе говоря, расширение нашей Метагалактики, т. е. господство сил отталкивания над силами притяжения является для бесконечной Вселенной «местным эффектом». Я не знаю, читал ли автор упомянутого доклада, вызвавшего полное одобрение Президиума РАН, философские труды, в которых эта мысль была высказана задолго до того, как развитие естествознания ее подтвердило. Но подтвердило, что еще и еще раз свидетельствует о необходимости и плодотворности союза естествознания с материалистической философией, о котором писал Ленин еще в 1922 г., и очень много говорилось в советские годы (меньше делалось), но теперь зря позабыто.

Социологические исследования на Урале

Еще до возникновения факультета при кафедре была основана социологическая лаборатория, которая сосредоточила усилия на изучении двух процессов: а) соотношении планов молодежи на будущее жизнеустройство и структуры системы образования; б) планах социального развития предприятий, территорий, а затем и отраслей промышленности. Если по первому вопросу работало сравнительно немного исследовательских коллективов (Лисовский в Ленинграде, Шубкин в Новосибирске и др.), то вторая из этих тем стала чрезвычайно популярной, ее разрабатывали применительно к местным условиям практически во всех уголках страны, где имелись подготовленные кадры социологов, экономистов, юристов, ибо проблема носила сугубо комплексный характер. Свердловские ученые в рамках Уральского Отделения ССА (Советской социологической ассоциации) координировали свои усилия по этой теме с учеными всех указанных специальностей в Уфе, Перми, Челябинске и других городах региона. Рассказывать об исследованиях по обоим этим направлениям подробно здесь нет возможности. Скажу только кратко об их общественной значимости и результатах.

Проблемы молодежи и образования

Проблемы молодежи и образования стали в центр общественного внимания после провала хрущевской реформы 1958 г. Образовался разрыв между тягой молодежи к получению среднего специального и особенно высшего образования и потребностью страны в рабочих кадрах. Попытка учить, как предлагала реформа 58 года, всех подростков в школе 11 лет и давать им одновременно среднее полное образование и рабочую профессию провалилась полностью: уровень знаний, получаемых в школе, снизился, а по полученным в специально созданных учебных комбинатах либо непосредственно на предприятиях профессиям, шли работать 5–10 выпускников одиннадцатилетки. В середине 60-х годов реформа была отменена и после долгих поисков была найдена форма «средних ПТУ», которые для той части молодежи, которая ориентировалась на получение рабочих профессий, давала возможность получить одновременно диплом о среднем образовании и тем самым открывала возможность продолжить образование в высшей школе. И эта форма «срабатывала» далеко не полностью, но к концу 80-х гг. в СССР около 90 % молодежи в возрасте до 20 лет в разных формах (средняя школа, вечерняя школа, «средние» ПТУ, средние специальные учебные заведения) получала среднее образование, а тем самым цель, поставленная в Конституции 1977 г., была в значительной мере выполнена. О многолетних исследованиях по данной проблеме в Свердловске, начиная со сборника «Жизненные планы молодежи» (1966), а затем в Москве, выполненных под руководством автора в сотрудничестве с Ф. Р. Филипповым, Л. Я. Рубиной и многими другими учеными, можно будет прочесть в моей книге: «Социология образования и молодежи. 1965–2002», которая должна скоро выйти в свет.

Социальная сфера

Что касается второй темы, то она была вызвана к жизни отставанием социальной сферы, возникшей еще в годы индустриализации и резко обострившейся в годы войны при эвакуации промышленности на Восток. Станки начинали работать иной раз в чистом поле или под легким навесом при температуре минус тридцать; бараки строились не сразу, да и жизнь в них была несладкой из-за уплотненности, отсутствия элементарных удобств и т. д. Предприятия Свердловской области (как и всего Урала, да и не только Ура-

ла) обратились к помощи ученых для того, чтобы часть получаемой ими прибыли наиболее рационально расходовать на строительство жилья, школ, клубов и в целом на улучшение жизненных условий персонала; это касалось в равной мере поселков и городов, как тех, где «социальная сфера» находилась на балансе предприятий, так и тех, которые вынуждены были содержать социальную сферу за счет скудных бюджетных ресурсов поселков, городов, областей.

Масштабность этой проблемы была осознана ВЦСПС, под эгидой которого в 70-е гг. вышел трехтомник, посвященный типовым планам социального развития предприятий, регионов и отраслей хозяйства. Мне пришлось быть членом редколлегии всех трех томов и главным редактором одного из них. Закончилась кампания по составлению особых планов социального развития тем, что правительство переименовало планы хозяйственного развития в планы экономического и социального развития страны, отраслей, регионов, предприятий, колхозов и совхозов. Социальные разделы в этих комплексных планах, впрочем, были представлены недостаточно, да и на практике решались не в первую очередь.

Тем не менее в обоих случаях работа социологов в сотрудничестве с учеными-обществоведами других специальностей не была напрасной. Во-первых, планы социального развития сыграли известную роль при решении администрацией проблем на предприятиях и в территориальных единицах, а исследования по молодежи и образованию использовались местными органами управления в этой сфере, во-вторых, и те, и другие через научную печать и публицистику оказывали существенное влияние на формирование общественного мнения и, в конечном счете, на принятие определенных, хотя не всегда адекватных ситуации решений, органами управления, вплоть до высших органов руководства страной.

В заключение следует отметить, что эта работа социологов, в том числе уральских, была продиктована заботой о нуждах страны и народа и соответствовала общему поступательному ходу экономического и социального развития советского общества до середины 80-х гг.; одновременно она способствовала открытию многочисленных социологических отделений, а затем факультетов в вузах страны и воспитанию молодых научных кадров. О нынешнем состоянии общеобразовательной школы и социальной сферы здесь говорить не к месту, это особая тема, которой автор посвятил немало научных исследований во времена горбачевской «перестройки»

и ельцинских «реформ» (которые теперь находят продолжение в «модернизации») и довели СССР до развала, нынешнюю Российскую Федерацию до положения полукolonиального сырьевого придатка развитых стран Запада, а подавляющее большинство народа до бедности или нищеты; по официальным данным весной 2002 г. треть населения имеет душевой доход ниже крайне скупо рассчитанного прожиточного минимума.

«Не все обстояло гладко...»

Конечно, далеко не все обстояло гладко на описываемом первом этапе моей деятельности в качестве философа. Должен откровенно сказать о двух неприятностях личного плана и о двух тяжелых периодах в преподавании философии, как и других общественных наук в УрГУ, да и не только в УрГУ, а во всех вузах Союза.

Личные неприятности были приурочены к моменту защиты диссертаций – кандидатской в 1950 и докторской в 1961 гг. В первом случае дело обстояло следующим образом. За две недели до защиты, когда реферат был разослан, а оппоненты назначены, я был вызван в партком АОН при ЦК КПСС. «Вы скрыли свое социальное происхождение, – безапелляционно заявил секретарь парткома. – Мы снимаем диссертацию с защиты, так как ваш дед был белоэмигрантом, а дядя сидел в тюрьме по политической статье». Я попросил секретаря затребовать мое личное дело, и он смог там прочесть, что в нем моей рукой черным по белому было отмечено при ответе на соответствующие вопросы анкеты, что дед по отцу, будучи членом правительства Центральной Рады, эмигрировал в Польшу в 1918 г., а дядя отбывал «срок» в самой известной киевской тюрьме Лукьяновке в 20-е гг. К счастью, хотя мы тряслись от страха каждую ночь, в 37–38 гг. его не тронули, он сидел тихо, преподавал историю в школе. Но там же было указано далее, что этот мой родственник, будучи легко ранен в самом начале войны, бежал из плена, а затем, чуть подлечившись, пошел довоевывать в партизанский отряд на Житомирщине, за что был награжден. Сия история весьма типична, ибо многие из тех, кого объявляли «врагами народа», на деле были патриотами до мозга костей. К защите меня, естественно, допустили.

Защита докторской диссертации

Перед защитой докторской диссертации в Институте философии АН СССР я был несколько удивлен скоплением народа в ко-

ридоре перед началом заседания. Оказывается Г. А. Курсанов, мой бывший коллега по лекторской группе и по проведению семинаров в институтах УФАН, притащил с собой на Ученый Совет несколько естественников, которых я подверг критике в курсе диамата для естественных факультетов, который незадолго до этого был издан в Москве. Я не мог знать заранее, что скажут неофициальные оппоненты. А они разговорились не на шутку. Иваненко говорил 40 минут, я отвечал ему «с ходу» 20, исходя из беглой записи произнесенного оппонентом; Станюкович говорил 20 минут, я отвечал ему 10 и т. д. Сам Курсанов, чувствуя, что дело оборачивается круто, пробормотал нечто малопонятное, ему я и отвечать не стал. В результате из 27 членов Совета «за» проголосовали 23. Игра была сыграна не в пользу нападавших, но для себя я сделал вывод, что доверять людям, которые долго прикидываются твоими друзьями, надо с большой осмотрительностью.

События не личного характера

Сложнее дело обстоит с событиями далеко не личного характера. Закрытый доклад Хрущева на XX съезде с критикой в адрес Сталина, как известно, не обсуждался и не утверждался на Политбюро. Доклад произвел страшный шум во всем мире, вскоре был нелегально распространен массовым тиражом и прочтен всеми желающими. Особенно сильное впечатление он произвел на студенчество. Начались собрания и митинги на всех факультетах, особенно бурными они были на факультете журналистики. Мне, как и другим преподавателям общественных наук, пришлось разъяснять митингующим студентам, где тут правда, а где наветы. Это была тяжелая работа. Не надо объяснять сегодня, что означал доклад Хрущева для страны, наших союзников и друзей. Накопившаяся в душе неуча и авантюриста Хрущева ненависть к Сталину, перед которым он трепетал и паясничал, обернулась большим ущербом для партии, страны, авторитета СССР за рубежом. Принятое 30 июня того же года взвешенное и разумное Постановление ЦК расставило все по своим места: ошибки Сталина были отмечены на фоне его заслуг перед страной, особенно во время Отечественной войны. Но это Постановление было принято с запозданием по меньшей мере на 5 месяцев. Если бы оно было принято до и вместо указанного доклада, ситуация была бы в корне иной. Надо вспомнить, как повели себя в сходной ситуации китайцы. «Культурная революция»

Мао Цзэдуна унесла сто миллионов жизней и натворила в Китае бед, непоставимых с ошибками и подлинными грехами Сталина. Но после прихода в 1978 г. к власти Дэн Сяопина Мао остался лежать в мавзолее, его продолжали (и продолжают) чтить, но при этом политику изменили на 180 градусов, так что Китай к середине XXI века станет самой мощной страной в мире по экономическому потенциалу. А СССР имел 20 % этого потенциала, сейчас Россия имеет 1,5–2 %, призывы президента Путина догнать через 25 лет одного из самых слабых членов ЕС, Португалию, повисли в воздухе. Сейчас президент настаивает уже не на 10 % роста экономики в год, а на 8 %, но правительство Касьянова упорно доказывает, что более 4 % «никак не получится». И, действительно, при нынешнем социально-экономическом курсе не получится!

Второй эпизод для общественных наук обошелся, пожалуй, еще дороже. Принятая на XXI съезде КПСС в 1961 г. по инициативе Хрущева новая Программа КПСС, центральным пунктом которой был тезис о построении в СССР основ коммунизма за 20 лет, т. е. к 1980 г., была научно совершенно несостоятельной. Страна находилась на одной из ступеней раннего социализма, вынуждена была тратить на оборону перед лицом агрессивного блока НАТО во главе с США 20–25 % (США не более 6 %), раны войны еще не зажили, предложенные темпы экономического роста (в 2,5 раза в первые 10 лет и еще в 2,5 раза в последующие 10 лет, итого в 6,25 раза), были явно высосаны из пальца. Мало-мальски грамотному марксисту все это было очевидно, как и основной тезис о вступлении в фазу коммунизма через 20 лет. Приходилось радоваться, что в курсе философии эти воздушные замки можно было обходить стороной. Но начальство в Москве приняло решение и ввело вдобавок к истории КПСС, философии и политэкономии еще один предмет марксистского цикла – теорию научного коммунизма, в основу которого должна была лечь указанная Программа. На специально созванном по этому поводу Всесоюзном совещании руководителей кафедр общественных наук в старом Кремлевском дворце ярче всех выступил наш коллега – зав. кафедрой политэкономии УрГУ В. М. Готлобер, в годы войны комиссар бригады морской пехоты. Он «на пальцах» доказал ненужность введения этого предмета, повторяющего куски из политэкономии социализма, истории партии и исторического материализма. Ему дружно похлопали в зале, но новый курс все равно ввели. В Свердловске долго искали канди-

датуру на эту должность в УрГУ, ибо руководители кафедр университета по традиции одновременно возглавляли соответствующие секции городского семинара, объединяющего преподавателей всех 15 вузов города. Многие отказывались, согласился мой заместитель по кафедре Л. Н. Коган, согласился из чисто карьерных соображений и долго новой должностью бравировал. Это не помешало ему после прихода к власти Ельцина публично сжечь свой партбилет.

Организация и становление факультета

Второй этап моей деятельности в УрГУ связан с организацией и становлением философского факультета, базой которого явилась кафедра философии. Факультет сначала (1965 г.) получил статус отделения истфака и только через год факультета. Вот почему юбилей факультета, на мой взгляд, следует отмечать, ведя отсчет от этой даты, ибо никакой связи или тем более подчинения руководству истфака первый год мы не ощущали, да и первый выпуск на факультете был произведен в 1970 г. Поддержку в создании факультета мне как его организатору («Создателем» в шутку меня назвал К. Н. Любутин в одной из своих эпиграмм по аналогии с «Создателем» в известном спектакле театра кукол С. Образцова) оказали две инстанции: Минвуз РСФСР и Свердловский Обком КПСС, особенно Отдел науки последнего в лице А. А. Добрыденя и З. Т. Серковой, но при известном сопротивлении ряда профессоров университета, особенно историка Кривоногова. Главная поддержка находилась внутри коллектива кафедры, которая разрослась, воспитала многих талантливых преподавателей.

О создании факультета я подробно рассказал читателям в упоминавшейся выше статье в журнале «Урал». Поэтому здесь остановлюсь только на принципах, которые были положены в его работу с первого дня. Во-первых, программа и учебный план уральского факультета существенно отличались от программ и учебных планов философских факультетов МГУ и ЛГУ. Я был убежден в том, что в XX веке философ должен быть широко образованным, эрудированным в науке и культуре специалистом. При слабости программ и невысоком качестве знаний большинства выпускников средней школы я считал необходимым внести в учебный план первых двух лет обучения курсы по физике, астрономии, биологии, математике (что особенно важно для будущих социологов), а также всеобщей истории. Нам пошли навстречу и взялись читать адаптированные для

философов курсы старейший историк университета М. Я. Сюзюмов, проректор УрГУ биолог А. Т. Мокронос (впоследствии академик РАН), С. С. Шварц, тоже академик, декан мехмата Н. Ф. Сесекин, видный астроном профессор К. А. Бархатова, физик И. К. Кикоин из УФАН и многие другие видные специалисты.

Во-вторых, философский факультет с самого начала включал три специализации соответственно трем кафедрам: собственно философии (кафедра диамата), социологии (кафедра истмата), культурологии (кафедра этики, эстетики и научного атеизма); кафедры истории философии и логики обслуживали всех студентов. Впоследствии число кафедр выросло, а социология и культурология переросли в самостоятельные отделения или факультеты. Специализация учитывалась с третьего курса в учебных планах.

В-третьих, философ должен был быть в курсе политической и культурной жизни страны. Свердловск как крупнейший культурный и научный центр страны создавал для выполнения этой задачи необходимые условия. Студенты посещали премьеры спектаклей драмтеатра и участвовали в их обсуждении, так же как премьеры наиболее значимых художественных фильмов в кинотеатре «Космос». На факультете систематически проводились вечера вопросов и ответов на любые темы, на них стекались студенты других факультетов. «Капустники» факультета пользовались также большой популярностью; помню, как искренне хохотал ректор С. В. Карпачев, когда его стиль достаточно вежливо высмеивала студентка Г. Затевахина на одном из таких вечеров. Была введена общественно-политическая двухнедельная практика в цехах заводов и различных учреждениях города. Стенгазета факультета «Логос» (редакторы «братья» Заботины), т. е. студенты Закс и Субботин) допускала немало «вольностей», по поводу которых декану подчас приходилось объясняться в соответствующих инстанциях. Всего не перечислишь. Декан не знал отдыха, ибо наряду с ведущими преподавателями по вечерам еще периодически посещал студенческие общежития. Но подлинным организатором политической и культурной жизни было партбюро факультета, без его участия все колесики внеучебного воспитательного процесса вертелись бы вхолостую. Мне кажется, что студентам факультета было интересно на нем учиться. Но лучше пусть они сами скажут об этом, прежде всего студенты выпусков 1970 и 1971 гг., с которыми я лично работал. Особенно радостен был первый выпуск студентов в 1970 г., кстати,

половина из них уже стала докторами наук. Это значит, что первоначальную закалку факультет им дал неплохую.

Выше уже говорилось о поддержке местных партийных органов. Так было при секретарях Обкома Кутыреве, Николаеве, Кириленко: последний, будучи членом Политбюро, сидел в президиуме Второй всесоюзной конференции по социальной структуре общества, которую мы проводили в здании драмтеатра. Ситуация в корне изменилась, когда к руководству Обкома на смену высокообразованному и тактичному К. Николаеву пришел Я. Рябов. В начале 1972 г. на бюро был поставлен вопрос о работе философского факультета УрГУ. Обстановку недоброжелательности я ощутил сразу. После доклада декана последовали вопросы такого рода: «почему студенты вашего факультета на лекциях по политэкономии социализма читают Гегеля?». Я согласился с тем, что на лекциях надо слушать лектора, но вместе с тем заметил, что в библиотеке университета сочинения Гегеля имеются всего в одном экземпляре, студенты стоят за ними в очереди, а когда очередь до них доходит, читают всюду, где только могут. Надо бы приобрести философские труды классиков философии в достаточном количестве, иначе растущий по численности студентов факультет задохнется от недостатка литературы. Кстати, Гегеля любил читать В. И. Ленин, делая конспекты к его работам. Были и другие вопросы и ответы аналогичного порядка. В заключение Я. Рябов, обращаясь к присутствовавшим на заседании профессорам факультета, сказал повелительным тоном: «Вы его (подразумевалось декана) не слушайте!»

После этого заседания я стал задумываться над предложениями, которые мне делали до присвоения звания члена-корреспондента АН СССР и после этого радостного события в 1970 г. Ранее я отвергал их напрочь. Мне в Свердловске было хорошо и жить, и работать: факультет развивался, студенты мои лекции воспринимали с видимым вниманием, сыновья поступили в вузы, друзей у меня и жены, коренной свердловчанки, было очень много, театры и филармония находились на расстоянии 10–15 минут ходьбы от дома... Чего еще желать? Но после этого казуса я понял, что мне и факультету помогать далее не будут, что для местного начальства я персона *non grata*. Поэтому предложение Президиума АН СССР о занятии поста директора академического института в Москве, поступившее в конце марта того же года, я принял. Оставлял я свою «вторую родину» и незавершенный строительством факультет с бо-

лью душевной, но началась новая страница моей личной истории, и о ней я поведаю читателю в другой раз.

Что касается факультета, то я его передал в хорошие руки – профессора Л. М. Архангельского, который был еще на кафедре в 50-е гг. моим заместителем. Но вскоре Леонид Михайлович переехал в Москву, где возглавил в соответствии со своей специальностью Отдел этики Института философии АН СССР; после неудачной операции он безвременно скончался. Факультет же перешел надолго в ведение моего ученика профессора К. Н. Любутина, заведующего кафедрой истории философии. Поэтому о дальнейшей судьбе философского факультета УрГУ в 70–90 гг. лучше и полнее кого-либо другого может рассказать Константин Николаевич; я надеюсь, что он продолжит интересующую вас тему о развитии Уральской философской школы.

В Свердловске у меня остался старший сын, много друзей и учеников. Я их очень люблю, со многими переписываюсь и нередко встречаюсь в Москве.

*Член-корреспондент РАН М. Н. Руткевич
23 июня 2002 г.*

Литература

1. Уральская философская школа: становление и развитие. 1966–1996. Екатеринбург, 1996.
2. Руткевич М. Н. К истории «шестидесятых» на Урале // Урал. 1997. № 8/12. С. 202–215.
3. Любутин К. Н. Философский факультет УрГУ и Уральская философская школа // Современная философия в поисках сущностей и смыслов: материалы научно-практической конференции (25–27 октября 2001 г.). Екатеринбург, 2001.
4. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. М., 1993. 695 с.
5. Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 2000. 616 с.
6. Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Академкнига, 2000. 640 с.
7. Научная элита. Кто есть кто в РАН. М., 1993. 448 с.

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социально-гуманитарных, экономических
и естественно-научных дисциплин Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия)
E-mail: anaverin1947@mail.ru

ВСПОМИНАЯ НАШИХ УЧИТЕЛЕЙ ФИЛОСОФИИ

REMEMBERING OUR TEACHERS OF PHILOSOPHY

Аннотация. Рассматривается вклад М. Н. Руткевича и И. Я. Лойфмана в развитие марксистской философии, создание и становление философского факультета Уральского государственного университета, кафедры диалектического материализма, развитие Уральской школы философии.

Ключевые слова: диссертация, доцент, профессор, социология, университет, философия, философская школа, философский факультет.

Abstract. The contribution of M. N. Rutkevicha and I. Loyfmana in the development of Marxist philosophy, creation and formation of the philosophy faculty of the Ural state university, chair dialectical materialism, the development of the Ural school of philosophy are considered

Key words: dissertation, associate professor, professor, sociology, university, philosophy, philosophical school, Faculty of philosophy.

Студентов философского факультета Уральского государственного университета первого набора и первого выпуска (1965–1970 гг.) учили философским, социально-гуманитарным и естественным наукам много замечательных педагогов. Преподаватели готовили новые учебные дисциплины для студентов вновь созданного философского факультета, стремились дать фундаментальную систематическую научную подготовку, воспитывать высококвалифицированных специалистов. Их работа заслуживает самой искренней глубокой благодарности. Вспоминая добрым словом преподавателей, следует особо назвать Михаила Николаевича Руткевича (в год столетия со дня его рождения) и Исаака Яковлевича Лойфмана (в год девяностолетия). У них мне довелось учиться и под их руководством работать.

Мое знакомство с заведующим кафедрой философии, доктором философских наук, профессором М. Н. Руткевичем состоялось в 1965 году, когда приступил к занятиям в качестве студента философского отделения исторического факультета УрГУ, и продолжалось до его ухода из жизни. М. Н. Руткевич (02.10.1917–16.07.2009) – выдающийся философ и социолог, создатель философского факультета, Уральской философской школы. Можно выделить четыре основных периода его жизни – киевский, военный, свердловский и московский. Родился в семье преподавателей: отец – историк, мать – филолог. В 1934–1939 гг. – студент физико-математического факультета Киевского государственного университета, который окончил с отличием. Дипломную работу по разработке математической модели излучения электронов с поверхности пленочного катода опубликовал в 1939 г. в «Журнале экспериментальной и теоретической физики». С 1939 по 1945 г. служил в Советской армии. Проходил действительную военную службу в саперном батальоне 74-й стрелковой дивизии. С 22 июня 1941 по 9 мая 1944 г. был на фронте, в 1943 году стал членом партии. Будучи старшим сержантом, командовал саперным взводом, впоследствии было присвоено воинское звание старшего лейтенанта. До осени 1945 г. проходил действительную военную службу в Московском и Уральском военных округах.

Свердловский период жизни продолжался с 1945 по 1972 г. В Свердловске начал работать в оптической лаборатории на военном заводе. Затем перешел на работу лектором горкома партии. Учился в заочной аспирантуре в УрГУ. Для завершения диссертации направлен в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Диссертацию по теме «Практика – основа познания и критерий истины» на соискание ученой степени кандидата философских наук защитил в 1950 г. С 1950 по 1953 г. работал в Свердловском педагогическом институте, где организовал в 1952 году кафедру философии. В 1951–1953 гг. вначале являлся совмещителем, затем в 1953 г. перешел на постоянную работу в УрГУ, 1953–1966 гг. – заведующий кафедрой философии. При кафедре существовала социологическая лаборатория, сотрудники которой под его руководством изучали соотношение планов молодежи на будущее жизнеустройство и структуры системы образования; планы социального развития предприятий, территорий, отраслей промышленности. С 1956 г. являлся председателем Уральского отделения Советской социоло-

гической ассоциации. Ученое звание профессора присвоено в 1960 г. Диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук защитил в 1961 г. в Институте философии АН СССР по совокупности опубликованных работ, прежде всего, учебника «Диалектический материализм», написанного для студентов естественных факультетов УрГУ. В 1970 г. избран членом-корреспондентом АН СССР по Отделению философии и права (философия).

М. Н. Руткевич – организатор и первый декан философского факультета УрГУ. В 1965 г. по его инициативе на историческом факультете создано философское отделение, которое в 1966 г. преобразовано в философский факультет. В РСФСР это был третий факультет после Московского и Ленинградского государственных университетов. Возглавлял факультет и кафедру диалектического материализма, созданную на базе кафедры философии, в 1966–1972 гг., до переезда в Москву.

Был высококвалифицированным и талантливым педагогом. Для всех студентов первого набора читал лекции по диалектическому материализму, который студенты изучали по его учебнику «Диалектический материализм. Курс лекций для естественных факультетов». Учебник подготовлен на основе чтения лекций студентам физического факультета УрГУ, издан в 1959 и переиздан в 1960 г. Студенты философского факультета получали фундаментальное классическое философское образование. Были сформированы три студенческие группы по специализациям: диалектический материализм; исторический материализм; этика, эстетика и научный атеизм. Специализации по названию соответствовали созданным по его инициативе кафедрам. Позднее в 1969 г. организована кафедра истории философии. По каждой специализации читались специальные курсы. В студенческой группе по специализации диалектический материализм прочитал спецкурсы «Роль практики в процессе познания» и «Ленинская теория отражения». Руководил курсовыми и дипломными работами, принимал участие в итоговой государственной аттестации выпускников факультета – приеме государственных экзаменов по диалектическому материализму, историческому материализму, защите дипломной работы. Моя дипломная работа по теме «Диалектика взаимосвязи биологического и социального» написана под научным руководством М. Н. Руткевича.

Его лекции были глубокими, содержательными, интересными, дискуссионными, яркими и доходчивыми по форме изложения.

Всесторонне рассматривались философские проблемы на высоком теоретическом и методическом уровне с привлечением историко-философского, конкретно-научного и общественно-политического материала. Двухгодичный лекционный курс по диалектическому материализму по структуре изложения материала был логически обоснован, приведен в стройную систему философских принципов и категорий. Был строгим профессором и на лекциях не допускал посторонних разговоров, которые отвлекали внимание лектора и студентов от основной темы изложения материала. На лекциях, в выступлениях и научных публикациях, будучи марксистом, отстаивал свои философские, научные, политические и культурные взгляды, обладал качествами блестящего полемиста. И. Я. Лойфман отмечал, что «по философской позиции М. Н. Руткевич, без сомнения, убежденный марксист, сторонник диалектического материализма» [1, с. 85]. «Для уральской школы в теоретической социологии, – писал М. Н. Руткевич, – была характерна верность основным положениям марксистской теории» [1, с. 71].

М. Н. Руткевич придавал большое значение подготовке студентов философского факультета не только по философским дисциплинам, но и по фундаментальным математическим, естественно-научным, историческим, экономическим, психологическим и педагогическим наукам. Для проведения занятий привлекались ведущие профессора и преподаватели других факультетов УрГУ, известные ученые институтов Уральского филиала АН СССР. Составной частью учебного процесса было прохождение студентами лекционно-пропагандистской и педагогической практики, подготовка курсовых и дипломных работ. Лекционно-пропагандистская практика проходила на предприятиях, в организациях и учреждениях, педагогическая – школах и высших учебных заведениях. Практики дали возможность приобрести опыт чтения лекций по общественно-политической тематике и проведения учебных занятий, который в дальнейшем нам пригодился как для преподавания в высших учебных заведениях, так и для чтения лекций перед населением. В процессе написания курсовой и дипломной работы приобретался опыт научной работы.

В центре внимания М. Н. Руткевича находилась воспитательная работа со студентами. Проводились вечера вопросов и ответов, диспуты, политбои, «капустники», работали студенческое научное общество, для школьников – Комсомольский университет юно-

го марксиста, выпускались стенгазета «Логос» и «Вестник НСО» [2, с. 25–30].

Первый выпуск студентов философского факультета состоялся в июне 1970 года. Тридцать два выпускника получили дипломы государственного образца по специальности «Философия» с присвоением квалификации «Философ, преподаватель философии и обществоведения». «Особенно радостен, – писал М. Н. Руткевич, – был первый выпуск студентов в 1970 году, кстати, половина из них уже стала докторами наук. Это значит, что первоначальную закалку факультет дал им неплохую» [1, с. 49].

Государственная комиссия распределила меня на работу в УрГУ, был принят на должность ассистента кафедры диалектического материализма философского факультета, в 1970–1972 гг. работал на кафедре под руководством М. Н. Руткевича. Трудовую деятельность начал 1 августа 1970 г. До начала учебного года по его поручению занимался поиском абитуриентов для обучения на подготовительном отделении, которые через год после окончания отделения могли стать студентами философского факультета. М. Н. Руткевич придавал большое значение работе подготовительного отделения как резерва абитуриентов для поступления на философский факультет. Работать на кафедре под его руководством было интересно и ответственно. В процессе общения с ним продолжалось углубленное освоение проблем диалектического материализма, культуры, политики. Он проявил себя как творческий человек, отличный организатор учебной, научной, методической и воспитательной работы, авторитетный, требовательный и принципиальный руководитель. На заседаниях кафедры регулярно обсуждались научные доклады по актуальным проблемам диалектического материализма, учебные и методические вопросы преподавания философии. Издавались сборники научных работ. Кафедра представляла собой дружный коллектив работников, нацеленный на решение качественной подготовки студентов и проведение научных исследований по диалектическому материализму.

Необходимо отметить значительный вклад М. Н. Руткевича в создание, становление и развитие философского факультета, являющегося основой Уральской философской школы. «Уральская школа в философии, – отмечал он, – появилась в конце 1940-х годов благодаря трудам Д. И. Чеснокова, М. Т., Иовчука, В. С. Кружкова <...>. Почти параллельно с историей русской философии в Уральском

университете началась активная разработка проблем диалектического материализма, т. е. по сути философии марксизма, его онтологии и гносеологии. Эта работа была начата в конце 40-х годов, и должен, без ложной скромности, признаться, что основная роль в ней принадлежала мне и моим ученикам» [1, с. 60]. И. Я. Лойфман подчеркивал решающую роль М. Н. Руткевича в ее создании. «О роли М. Н. в создании Уральской философской школы, – отмечал он, – многое уже сказано. Тем не менее, выскажу следующее. На пустом месте ничего не возникает. Какие-то предпосылки для формирования крупного философского центра создавались еще во время заведования кафедрой философии УрГУ М. Т. Иовчуком. При кафедре была аспирантура. Но предпосылки есть предпосылки. Они могут быть отнесены к рубрике «Условия по созданию Уральской философской школы». А реально действующий фактор – это был, конечно, М. Н. Руткевич. Именно вокруг него формировался круг людей – первостроителей философского факультета. Это были люди по преимуществу с естественно-научной подготовкой. Все мы были прямыми учениками М. Н. Руткевича» [1, с. 76].

Московский период жизни начался в мае 1972 г., когда его назначили директором Института конкретных социальных исследований АН СССР, затем переименованного в Институт социологических исследований, в котором работал в 1972–1976 гг. В 1973 г. в издательстве «Мысль» опубликован учебник «Диалектический материализм. Курс лекций для студентов философских факультетов», подготовленный на основе прочитанных лекций в УрГУ. Учебник был основным по изучению диалектического материализма студентами философского факультета УрГУ. С 1976 по 1978 г. исполнял обязанности заведующего кафедрой научного коммунизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, с 1978 по 1990 – заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Академии народного хозяйства при Совете министров СССР, с 1990 – главный научный сотрудник, советник Института социально-политических исследований РАН, советник РАН. Был членом бюро Отделения философии, социологии, психологии и права РАН, членом Совета Российского гуманитарного научного фонда.

Моя совместная работа с М. Н. Руткевичем продолжилась в 1978 г., когда по его приглашению был переведен из ЦК ВЛКСМ на работу в Академию народного хозяйства при Совете Министров СССР. В Академии он создал кафедру марксизма-ленинизма, был

заведующим кафедрой на протяжении всего времени ее существования с 1978 по 1990 г. Академия была организована в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР в конце 1977 г. для обучения руководителей союзных и республиканских министерств, ведомств, советских органов, объединений, предприятий и организаций. Слушатели получали образование по очной форме обучения в течение двух лет. В структуре академии имелся Институт повышения квалификации руководящих кадров, слушатели которого обучались три месяца. Кафедра обеспечивала проведение занятий по актуальным проблемам марксистско-ленинской философии и научного коммунизма; политической экономии; внешнеэкономической интеграции социалистических стран; международному коммунистическому и рабочему движению; историческому опыту КПСС; социальной политике КПСС и советского государства. М. Н. Руткевич читал лекции по учебной дисциплине «Актуальные проблемы марксистско-ленинской философии и научного коммунизма». При чтении лекций принимал во внимание высокий образовательный уровень слушателей, их высокий социальный статус руководителей разного уровня управления, значительный жизненный опыт. Все слушатели имели высшее образование, некоторые из них были кандидатами и докторами наук. Слушатели понимали серьезное и уважительное отношение к ним и всегда давали высокую оценку теоретическому и методическому уровню, содержанию читаемым им лекций. Провел огромную работу по формированию кафедры, подбору высококвалифицированных профессоров и доцентов, подготовке программ учебных дисциплин, организации учебной, учебно-методической и научной работы. За кафедрой на постоянной основе была закреплена академическая группа слушателей, которые под руководством преподавателей готовили дипломные работы, некоторые из них – диссертации. При кафедре существовали учебно-методический кабинет и социологическая лаборатория. Сотрудники лаборатории помогали слушателям проводить эмпирические социологические исследования. Под его председательством работал диссертационный совет по защите диссертаций. Наиболее способные в научном отношении слушатели защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Преподаватели, научные сотрудники, слушатели готовили к изданию учебные пособия, статьи, которые публиковались в кафедральных сборниках научных трудов. Наша совместная

с ним статья «Эмпирическое и теоретическое в социальном познании: анализ категорий» опубликована в журнале «Философские науки», переведена на немецкий язык и издана в ГДР. Все мои опубликованные учебные и научные работы, докторская диссертация предварительно рассматривались заведующим кафедрой. Под его руководством мне довелось работать старшим преподавателем, доцентом, профессором, заместителем заведующего кафедрой по учебной работе, быть Ученым секретарем диссертационного совета. Мой профессиональный преподавательский и научный рост на кафедре проходил при самом непосредственном активном его участии.

В научном сообществе широкую известность получили труды М. Н. Руткевича по философии, в которых содержится глубокая содержательная научная разработка проблем онтологии, гносеологии, творческого отражения мира, теории познания марксистской философии, практики, диалектики как методологии мышления и научного познания, системы категорий диалектики. Научной общественности известны опубликованные его работы по социологии, посвященные исследованию проблем взаимосвязи философии и социологии, общей теоретической социологии, теории социальной структуры общества, прежде всего, социально-классовой структуры, социальной мобильности, социологии образования и молодежи, социального планирования развития коллективов предприятий, территорий, отраслей. Он участвовал в организации эмпирических социологических исследований по актуальным проблемам развития советского общества.

Опубликовал в отечественных и зарубежных изданиях свыше 450 работ, которые известны в нашей стране и за рубежом. Автор и соавтор многих монографий, коллективных научных трудов, учебников, научных статей. Основные научные труды: «Практика – основа познания и критерий истины»; «Диалектический материализм»; «Век науки и искусства» (соавтор А. Ф. Еремеев); «Актуальные проблемы ленинской теории отражения»; «Социальные перемещения» (соавтор Ф. Р. Филиппов); «Диалектический материализм»; «Диалектика и социология»; «К социальной однородности»; «Общественные потребности, система образования, молодёжь» (соавтор Л. Я. Рубина); «Макросоциология. Методологические очерки»; «Общество как система. Социологические очерки»; «Социология образования и молодёжи. Избранное (1965–2002)».

Осуществлял научное руководство аспирантами и соискателями, являлся научным консультантом докторантов, председателем советов по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Под его научным руководством 10 докторантов, 75 аспирантов и соискателей успешно защитили докторские и кандидатские диссертации, подготовлены высококвалифицированные специалисты, работавшие в высших учебных заведениях, научных организациях, органах государственной власти и местного самоуправления, сфере бизнеса в нашей стране и странах ближнего зарубежья.

Неоднократно участвовал в работе всемирных философских и социологических конгрессов, всесоюзных и всероссийских научных конференций, редакционных коллегий журналов «Философские науки» и «Социологические исследования». В 1972–1976 гг. избирался председателем Советской социологической ассоциации, 1974–1978 – членом исполнительного комитета Всемирной социологической ассоциации.

Заслуги М. Н. Руткевича за участие в Великой Отечественной войне, педагогическую, научную, административную и общественную работу по достоинству оценены государством. Награжден высокими государственными наградами: орденами Октябрьской Революции, Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, многими медалями.

Следует отметить огромную работоспособность на протяжении всей его жизни. В последние годы, будучи нездоровым человеком, продолжал заниматься наукой, публиковать свои работы, интересоваться и активно откликаться на перемены, происходящие в нашей стране и мире. Был всесторонне развитым человеком, умным, интересным и эрудированным собеседником. Проявлял постоянный интерес к актуальным проблемам общественной жизни, хорошо знал литературу, поэзию, классическую музыку, живопись, регулярно посещал театры, филармонию, концертные залы, картинные галереи, переводил стихотворения некоторых белорусских и украинских поэтов, опубликовал работу «Из современной белорусской и украинской поэзии в переводах Михаила Руткевича».

Учеником, соратником и коллегой М. Н. Руткевича был И. Я. Лойфман (17.12.1927–05.03.2004), доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Родился 17 декабря 1927 г. в селе Соболевка Винницкой области. После эва-

куации в начале Великой Отечественной войны в Свердловск работал на военном заводе, окончил школу рабочей молодежи. В 1951 г. окончил физико-математический факультет УрГУ. В течение 9 лет преподавал физику в средней школе, затем работал на кафедре общей физики в Уральском политехническом институте.

В биографиях М. Н. Руткевича и И. Я. Лойфмана есть похожие моменты. Оба родились в Украине, пришли в философию после получения физического образования, вместе работали в УрГУ. И. Я. Лойфман принимал активное участие в создании, становлении и развитии философского факультета, на кафедре диалектического материализма был заместителем М. Н. Руткевича. Под его руководством в 1961 году защитил диссертацию «Философское значение категорий притяжения и отталкивания» на соискание ученой степени кандидата философских наук. М. Н. Руткевич отмечал, что особенно запала в память защита кандидатской диссертации И. Я. Лойфмана по диалектике взаимодействия сил притяжения и отталкивания, которая была высоко оценена физиками из Уральского филиала Академии наук [3, с. 43]. «Как научный руководитель, – писал И. Я. Лойфман, – М. Н. был очень требовательным, он внимательно читал работу, подробно правил текст» [3, с. 74]. Они опубликовали совместные научные работы – «Диалектика и теория познания»; «Основы гносеологии». И. Я. Лойфман принимал самое активное участие в развитии основных идей Уральской философской школы.

Будучи кандидатом философских наук, доцентом И. Я. Лойфман в нашей студенческой группе по специализации диалектического материализма проводил семинарские занятия по диалектическому материализму, прочитал спецкурс «Основные формы движения материи». Являлся высококвалифицированным педагогом и лектором. Его лекции и семинарские занятия были приведены в строгую логическую систему, излагались доходчиво, содержательно и интересно. В 1972 г., повышая квалификацию в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при УрГУ, я тщательно конспектировал его лекции по диалектическому материализму. Лекции послужили фундаментальной основой при подготовке к лекциям и семинарским занятиям со студентами УрГУ. В 1972–1974 гг. И. Я. Лойфман был заведующим кафедрой диалектического материализма. Под его руководством мне довелось работать на кафедре ассистентом, старшим преподавателем.

Возглавляя кафедру непродолжительное время, он показал себя отличным организатором, требовательным и доброжелательным руководителем. Следует отметить, что в свое время было принято незаслуженное и несправедливое решение о его переводе с кафедры диалектического материализма философского факультета на кафедру философии ИПК преподавателей общественных наук при УрГУ. Время показало, что ИПК приобрел блестящего педагога, ученого, методиста, принимавшего активное участие в развитии кафедры философии, философский факультет все это потерял.

И. Я. Лойфман имел много учеников, осуществлял научное руководство аспирантами и соискателями ученой степени кандидата философских наук, консультировал докторантов, являлся членом диссертационного совета. Первоначально моим научным руководителем диссертации «Гносеологический анализ понятия „опыт“» на соискание ученой степени кандидата философских наук был М. Н. Руткевич. После его отъезда в Москву научным руководителем стал И. Я. Лойфман. Позднее он давал ценные и нужные советы при подготовке и обсуждении автореферата докторской диссертации по теме «Гносеологические проблемы управления при социализме», которая была мною защищена в 1985 г. в диссертационном совете в УрГУ. Благодаря ему мне удалось опубликовать ряд научных статей в сборниках научных трудов по теории познания и диалектике.

И. Я. Лойфман проводил глубокие содержательные научные исследования. В 1975 г. защитил диссертацию «Принципы физики и философские категории» на соискание ученой степени доктора философских наук. Был автором многочисленных научных статей, в том числе опубликованных в журнале «Философские науки», научным и ответственным редактором, составителем вузовских и межвузовских сборников научных трудов, учебных пособий, привлекая к их подготовке преподавателей из разных регионов, образовательных и научных организаций, в том числе выпускников философского факультета УрГУ. Неоднократно выступал на научных конференциях с интересными и содержательными докладами. Его научные интересы были разнообразными. Внес существенный вклад в исследование актуальных проблем онтологии, теории отражения и познания, методологии научного познания, научной картины мира, категорий диалектики, общенаучных категорий, мировоззренческих универсалий культуры, взаимосвязи духовно-практического, познавательного-теоретического, практического

уровней отношения человека к миру и их ценностно-ориентационных форм, преподавания философии в вузах, непрерывного гуманитарного образования. Стал доктором философских наук, профессором, получил почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Наиболее известные его работы: «Принципы физики и философские категории» «Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии»; «Единство природы и круговорот материи» (соавтор В. П. Стадник); «Дух диалектики (теоретико-методологические проблемы)»; «Мировоззренческие штудии. Избранные работы».

Пользовался заслуженным авторитетом в философском сообществе. Его вклад в философию оценен по достоинству теми, кто учился у него или работал вместе с ним. Об этом свидетельствует то, что в Екатеринбурге в память о нем проводятся научные конференции «Лойфмановские чтения». Награжден медалями «За доблестный труд» и «Ветеран труда».

М. Н. Руткевича и И. Я. Лойфмана связывали многолетние личные дружеские отношения. Они доброжелательно, с симпатией и глубоким уважением относились друг к другу, вели регулярную переписку и телефонные разговоры, обсуждали актуальные философские и другие проблемы. В целом следует отметить, что завоевали признание и уважение людей, которые у них учились, вместе с ними работали. Для многих людей они были и остаются Учителями марксистской философии.

Литература

1. Руткевич М. Н. Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70 гг. XX в.). М.: Центр социального прогнозирования, 2003. 89 с.
2. Емельянов Б. В., Русаков В. М. Уральская философская школа: 1965–2005 гг. Екатеринбург: УрГУ-ИФип УрО-РАН, 2005. 120 с.
3. Аверин А. Н. Руткевич Михаил Николаевич // Элитология культуры: культурная элита России XX века: энциклопедический словарь / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. Астрахань: Астраханский университет, 2017. С. 295–298.
4. Руткевич М. Н. Практика – основа познания и критерий истины. М.: Госполитиздат, 1952. 243 с.
5. Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М.: Соцэкгиз, 1959. 528 с.

6. Руткевич М. Н., Еремеев А. Ф. Век науки и искусства. М.: Молодая гвардия. 267 с.
7. Руткевич М. Н. Актуальные проблемы ленинской теории отражения. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. 234 с.
8. Руткевич М. Н. Социальные перемещения (соавтор Ф. Р. Филлипов). М.: Мысль, 1970. 253 с.
9. Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М.: Мысль, 1973. 528 с.
10. Руткевич М. Н. Диалектика и социология. М.: Мысль, 1980. 356 с.
11. Руткевич М. Н. К социальной однородности. М.: Прогресс, 1984. 248 с.
12. Руткевич М. Н. Общественные потребности, система образования, молодёжь (соавтор Л. Я. Рубина). М.: Политиздат, 1988. 222 с.
13. Руткевич М. Н. Макросоциология. Методологические очерки. М.: ОФСПИ РАН, 1995. 187 с.
14. Руткевич М. Н. Общество как система. Социологические очерки. СПб.: Алетейя, 2001. 446 с.
15. Руткевич М. Н. Социология образования и молодёжи. Избранное (1965–2002). М.: Гардарики, 2003. 544 с.
16. Руткевич М. Н. Из современной белорусской и украинской поэзии в переводах Михаила Руткевича. СПб.: Алетейя, 2000. 432 с.
17. Руткевич М. Н., Лойфман И. Я. Диалектика и теория познания. М.: Мысль, 1994. 383 с.
18. Руткевич М. Н., Лойфман И. Я. Основы гносеологии. Екатеринбург, 1996. 176 с.
19. Лойфман И. Я. Принципы физики и философские категории. Свердловск, 1973. 136 с.
20. Лойфман И. Я. Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии. Свердловск, 1987. 111 с.
21. Лойфман И. Я. Единство природы и круговорот материи (соавтор В. П. Стадник). Свердловск, 1988. 136 с.
22. Лойфман И. Я. Дух диалектики (теоретико-методологические проблемы). Екатеринбург, 2000. 104 с.
23. Лойфман И. Я. Мировоззренческие штудии. Избранные работы. Екатеринбург, 2002. 100 с.

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой прикладной социологии,
директор департамента политологии и социологии
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия)
E-mail: anatology.mer@gmail.com

М. Н. РУТКЕВИЧ КАК СОЦИОЛОГ

M. N. RUTKIEWICZ AS A SOCIOLOGIST

Аннотация. В статье раскрывается деятельность известного философа, социолога профессора, доктора философских наук М. Н. Руткевича. Показана его роль в становлении социологии на Урале в 60–70 гг. XX в., организации подготовки молодых специалистов по социологии на базе созданного им в 1966 году философского факультета. Анализируется его исследовательская деятельность в сфере социологии образования, развития России в период перехода к рыночной экономике.

Ключевые слова: социология, М. Н. Руткевич, развитие социологии, российская социология, социология на Урале.

Abstract. The article reveals the activity of the famous philosopher, sociologist Professor, doctor of philosophy M. N. Rutkevich. Showing its role in the formation of sociology in the Urals in the 60–70 years of the twentieth century, the organization of training of young specialists in sociology on the basis of the philosophical faculty created in 1966. His research activity in the sphere of sociology of education, development of Russia during transition to market economy is analyzed.

Key words: sociology, M. N. Rutkevich, development of sociology, Russian sociology, sociology in the Urals.

Михаил Николаевич Руткевич – доктор философских наук, профессор, опубликовавший в течении жизни более 500 научных работ, известен в нашей стране как разносторонний исследователь, проявивший себя как философ, исследующий проблемы онтологии, теории познания, так и социолог, многие годы изучавший актуальные проблемы развития социальной структуры советского общества, а затем России после перехода к рыночной экономике. При этом не всегда его огромный вклад в развитии отечественной социологии с 60-х гг. XX в. до начала XXI оценивается по достоинству. В октябре 2017 г. исполнилось 100 лет со дня рождения этого исследователя,

что побуждает обратиться к анализу его роли в изучении актуальных проблем социокультурного развития нашей страны во второй половине прошлого века.

М. Н. Руткевич является сыном своего времени, основным вектором которого было решение сложнейшей задачи создания общества, в котором будет достигнуто полное социальное равенство людей, независимо от пола, этнической принадлежности, материального положения. Поэтому он с конца 50-х гг. XX в., когда вновь появилась возможность в СССР заниматься эмпирическими социологическими исследованиями, стал изучать процессы и социальную структуру советского общества, включающую рабочих, крестьян и социальную прослойку интеллигенцию. Являясь в это время заведующим кафедрой философии Уральского государственного университета им. А. М. Горького, он создал в 1960 г. первую на Урале и Сибири социологическую лабораторию. Ее сотрудники стали исследовать положение разных социальных групп, молодежи крупнейшего в стране промышленного региона, каковым являлся Средний Урал, считающийся «опорным краем державы». Изучалась удовлетворенность трудом рабочих разных промышленных предприятий региона, их ориентация на повышение квалификации, рационализаторскую работу, культурную деятельность в свободное время. Была показана заинтересованность молодых рабочих в получении специального профессионального и высшего образования, реализации творческих способностей как на производстве, так и самодеятельном искусстве. Под его руководством появился цикл работ, раскрывающих содержание жизненных планов учащейся молодежи в зависимости от места проживания, принадлежности семьи к определенной социальной группе.

М. Н. Руткевич понимал, что качественное проведение социологических исследований требует подготовки молодых кадров, способных заниматься теоретическими и эмпирическими исследованиями процессов, происходящих в советском обществе. Благодаря активности, умению достигать, несмотря на все трудности, поставленные цели, ему удалось добиться от центральной власти принятия решения об открытии в 1966 г. первого на Урале и в Сибири философского факультета. В то время они были только в МГУ и Ленинградском государственном университете (ныне СПбГУ).

При этом сразу поставлена была задача подготовки студентов по трем направлениям философского знания: диалектическому

и историческому материализму, этике и эстетике. В то время социология рассматривалась как часть исторического материализма, и студенты, обучающиеся по этому направлению, в количестве 25 человек, получали возможность не только изучать общую марксистскую теорию общественного развития, но и знакомиться с методами сбора, обработки и анализа эмпирической социологической информации. Студенты старших курсов проходили социологическую практику на промышленных предприятиях, в организациях города и Свердловской области.

В 1972 г. М. Н. Руткевич организовал первую Всесоюзную конференцию по проблемам изучения социальной структуры советского общества. Во время ее проведения на материалах эмпирических исследований рассматривались такие вопросы, как сближение по социокультурным показателям рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, выявлялась роль образования в повышении культуры труда, быта, досуга населения. Была отмечена тенденция повышения образовательного уровня рабочих, что являлось важным условием роста производительности труда, активного включения их в рационализаторскую и изобретательскую деятельность. Урал был признан в качестве ведущего центра развития советской социологии труда, культуры, духовной жизни.

В дальнейшем уже в Москве продолжил свою активную работу как социолога, сосредоточившись на проблемах изучения трансформаций, которые происходили в то время в системе общего и профессионального образования. В 1988 г. на материалах теоретических и эмпирических исследований М. Н. Руткевич совместно с профессором Л. Я. Рубиной подготовили монографию «Общественные потребности, система образования, молодежь» [1].

После распада СССР, перехода России к рыночной экономике вся научная деятельность М. Н. Руткевича была направлена на исследование тех противоречий, которые возникли в стране в ходе перестройки экономики, политики, системы образования, воспитания. Он считал, что «Россия на глазах превращается в сырьевой придаток, в свалку отходов мирового хозяйства и резервуар дешевой квалифицированной рабочей силы, в страну дикого «периферийного» капитализма, где компрадорская буржуазия переплетается с организованной преступностью» [2, с. 33].

В публикациях, посвященных проблемам изменений в жизненных ориентациях выпускников общеобразовательных школ,

он отмечал разрушение ценности добросовестного труда на благо общества, утверждение установок на реализацию индивидуалистических интересов. Воспитательная составляющая общего образования стала исчезать. Деятельность учителя, по его мнению, стала направленной сугубо на формирование у учащихся определенной суммы знаний, без выработки представлений о том, где и как их можно эффективно использовать для реализации целей общественного развития [3].

На материалах исследований, проведенных в середине 90-х годов среди выпускников школ, им были выявлено возрастающее неравенство возможностей в получении профессионального образования и трудоустройства. Состоятельные родители получили возможность обучать в вузах на платной основе своих детей, которые не продемонстрировали в школе ни наличия обще-учебных навыков, ни способностей к сложной умственной работе. Выходцы из бедных семей оказались лишенными на равных конкурировать с ними при поступлении в престижные высшие учебные заведения. По мнению М. Н. Руткевича, такая ситуация неизбежно снижает общий интеллектуальный потенциал страны, ограничивая возможность России активно развивать науку, создавать передовые технологии, технические устройства в разных сферах производства [4].

Следует отметить, что он был одним из немногих социологов, которые в 90-е годы столь критично оценивал проводимую в то время политику государства в сфере демографии, развития науки, промышленного производства, образования. Так, в статье «Депопуляция или вымирание?» М. Н. Руткевич на материалах статистических исследований показал, как резкое сокращение рабочих мест, в результате закрытия тысяч предприятий в городах, развал колхозов и совхозов ведут к лишению огромных масс населения источников жизни [5]. В итоге, по его мнению, происходит вымирание страны из-за непродуманных социально-экономических экспериментов. Все его публикации, обобщенные в изданной в 2002 г. монографии «Общество как система. Социологические очерки», пронизаны острой болью человека, ученого, понимающего негативные последствия, которые ждут его любимую страну, которую он защищал в Великую Отечественную войну [6].

В настоящее время уже почти всеми признана ошибочность внешней и внутренней политики России в первое десятилетие рыночных преобразований. Но тогда, когда ее изучал как непредвзято

мыслящий социолог М. Н. Руткевич, критическую оценку давали немногие из его коллег.

В начале нового столетия он продолжил критический анализ социокультурных процессов, происходящих в стране. Тогда федеральная власть стала предпринимать действия, направленные на преодоление негативных последствий реформ, проведенных в 90-е гг. Однако этот процесс шел медленно, противоречиво, поскольку отсутствовали четкие ориентиры необходимых изменений, которые требовалось провести в экономике, культуре, образовании. М. Н. Руткевич считал, что сохраняется и усиливается основное противоречие российского общества между господствующим классом и людьми наемного труда, вызванное тем, что не происходит переход к более высокой ступени общественного развития. «Дикий» капитализм не может обеспечить поступательное развитие страны. Люди, которые в начале 2000-х гг. вошли в состав Правительства России, по его мнению, не были ориентированы на проведение политики в интересах народных масс [7, с. 49–52].

Анализируя процессы, происходившие в то время в системе образования и науки, М. Н. Руткевич дает критическую оценку положения, в котором оказались учителя школ, преподаватели вузов. Они вынуждены выживать в условиях низких зарплат, резкого снижения интеллектуального уровня учащейся молодежи, у которой исчезла ориентация на приобщение к достижениям предшествующих поколений, стремление реализовать себя в интересах возрождения страны [8]. Как профессионал он считал, что нужно срочно менять социальную политику государства для того, чтобы обеспечить существенное улучшение положения огромных масс населения, развитие науки, промышленности.

Рассматривая деятельность М. Н. Руткевича как социолога, следует отметить у него редко встречающуюся способность быть преданным тем идеалам научной работы, которые у него утвердились на начальном этапе изучения общественных процессов, происходящих в современном обществе. Он всегда стремился анализировать данные эмпирических исследований на основе четко обоснованных теоретических разработок. С ним можно было спорить, противопоставлять иные подходы, но при этом выводы его было сложно опровергнуть. Они подтверждались всей последующей жизнью. Поэтому его можно рассматривать как определенный образец исследователя, который направляет свои усилия на выявление

ние проблем и противоречий, возникающих из-за того, что власть руководствуется в своей деятельности не наукой, раскрывающей закономерности общественного развития, – она реализует интересы отдельных групп, использующих ее для получения частной выгоды. Социология, по мнению М. Н. Руткевича, должна находить те варианты решения актуальных проблем общественного развития, реализация которых ведет к улучшению положения больших масс населения, раскрытию творческого потенциала народа, повышению его образования и культуры.

Литература

1. Руткевич М. Н. Депопуляция или вымирание? // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 104–110.
2. Руткевич М. Н. Динамика образованности населения России в XX в. // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 5–14.
3. Руткевич М. Н. Общество как система. Социологические очерки. СПб.: Алетейя, 2001. 446 с.
4. Руткевич М. Н. О роли субъективного фактора в современной ситуации // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 31–38.
5. Руткевич М. Н. Основное социальное противоречие современного российского общества // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 49–60.
6. Руткевич М. Н. Социальная ориентация выпускников средней школы // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 53–59.
7. Руткевич М. Н., Потапов В. П. После школы : Социал.-проф. ориентации молодежи: Опыт социол. исслед. / М. Н. Руткевич, В. П. Потапов; Всерос. науч.-практ. центр проф. ориентации и психол. поддержки населения. — М.: Всерос. науч.-практ. центр проф. ориентации и психол. поддержки населения, 1995. 224 с.
8. Руткевич М. Н., Рубина Л. Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. М.: Политиздат, 1988. 224 с.

Раздел 2

**ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ
И УЧИТЕЛЬСТВА
В ВОСПОМИНАНИЯХ
УЧЕНИКОВ**

Доктор политических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
E-mail: Irina-fan@yandex.ru

**О СОЗДАТЕЛЕ И О СЕБЕ:
воспоминания учеников М. Н. Руткевича**

**ABOUT THE CREATOR AND MYSELF:
memories of the disciples of M. N. Rutkevich**

Аннотация. В данной статье приводятся воспоминания учеников М. Н. Руткевича, создателя и первого декана философского факультета УрГУ. Эти воспоминания касаются основных научных интересов, сфер жизни и деятельности декана и помогают составить его целостный портрет.

Ключевые слова: М. Н. Руткевич, Уральский государственный университет имени А. М. Горького, философский факультет, Уральская философская школа, стиль научного руководства.

Abstract. In this article the memoirs of MN's students are given. Rutkevich, the creator and first dean of the Faculty of Philosophy of the USU. These memories relate to the main scientific interests, spheres of life and activities of the dean and help to form his holistic portrait.

Key words: M. N. Rutkevich, Ural State University named after A. M. Gorky, the Faculty of Philosophy, the Ural School of Philosophy, the style of scientific leadership.

В 2002 г. накануне 85-летия М. Н. Руткевича мне поручили взять у него интервью, что я и сделала (Фан И. Б. Ипостаси харизматической личности // Дискурс-Пи. 2002. Вып. 2). Однако еще тогда мне показалось, что портрет основателя философского факультета будет более объемным и целостным, если добавить к интервью воспоминания его бывших учеников, впоследствии ставших Учителями. Эти воспоминания, собранные мной в том же 2002 году, составляют основу данной статьи.

I. Стиль научного руководства и взаимоотношений с аспирантами

И. Я. Лойфман, доктор философских наук, профессор:

Я окончил физико-математический факультет УрГУ, девять лет работал преподавателем физики в школе. В 1954 г. я пришел к Михаилу Николаевичу, тогда зав. кафедрой философии УрГУ, для разговора о поступлении в аспирантуру и сдаче экзаменов кандидатского минимума. До этого я не знал его. Но читал статью его отца, Николая Паулиновича в «Ученых записках педагогического института» о причинах Первой мировой войны. Статья поразила меня. И я подумал: «Если такой папа, то и сын не хуже». Спустя годы, на 70-летие М. Н., я подарил ему книгу с этой статьей отца. При разговоре с М. Н. я изложил ему свои соображения по поводу темы будущей работы – проблемы прерывности и непрерывности. М. Н. предложил иную постановку вопроса и тему «Философское значение категорий притяжения и отталкивания» под рубрикой «Философские проблемы естествознания» и дал добро на сдачу экзаменов.

Потом в моей судьбе произошел поворот – меня пригласили работать на кафедру общей физики в УПИ. Одновременно я вел почасовые занятия по философии и писал диссертацию по предложенной М. Н. теме. В 1961 г. (я ведь еще и шестидесятник!) в «Философских науках» была опубликована моя статья. При обсуждении диссертация была одобрена. А дальше я получил приглашение работать ассистентом на кафедру философии пединститута. М. Н. Руткевич, узнав об этом, добился моего зачисления на кафедру философии УрГУ в сентябре 1962 г. В декабре этого же года состоялась защита моей диссертации. Одним из оппонентов на защите был С. В. Вонсовский, которого я тоже считаю своим учителем, пробудившим во мне интерес к философским проблемам естествознания. Как научный руководитель М. Н. был очень требовательным, он внимательно читал работу, подробно правил текст – не так, как к примеру, Курсанов, который аспирантам писал заключения на французском языке.

К. Н. Любутин, доктор философских наук, профессор:

После окончания философского факультета МГУ у меня были неплохие шансы для поступления в аспирантуру. Во время учебы я работал в комитете ВЛКСМ МГУ. Однажды я был вызван в парт-

ком, где мне сказали: ты идешь в аспирантуру и будешь секретарем комитета ВЛКСМ. Но тут, а это было в 1957 г., вышел указ Н. С. Хрущева о том, что поступающий в аспирантуру должен иметь двухгодичный трудовой стаж. Для отработки стажа я поехал преподавать в училище в Нижний Тагил. В 1957 г. философию включили в число обязательных предметов в вузах. Кандидатский минимум можно было сдать при кафедре М. Н. Руткевича. Обязательной была и сдача вступительных экзаменов в аспирантуру. Я все это сдал и в 1959 г. М. Н. Руткевич зачислил меня к себе в аспирантуру. Диплом я писал по Фейербаху. Т. И. Ойзерман рекомендовал мой диплом к печати. Статья была опубликована в журнале «Философские науки». Когда в самом начале нашего знакомства я пришел к М. Н. Руткевичу, он предложил мне тему о М. Планке. Но когда статья вышла, он более серьезно отнесся к моим научным интересам и сказал: «Пиши, что угодно, но руководить буду я!». Каким он был в качестве научного руководителя? С точки зрения формальной, он действовал в соответствии с Положением ВАК, суть которого заключалась в следующем: руководитель не должен участвовать в работе над диссертацией! С содержательной точки зрения, он предоставил мне свободу, не мешал самостоятельной работе. Он сообщал о формальных требованиях к диссертации и жестко следил за выполнением плана. В целом на кафедре М. Н. установил такой порядок, в соответствии с которым аспиранты должны были делать доклады на кафедре по материалам своих работ, некоторые из них публиковались в кафедральных сборниках.

Л. Я. Рубина, доктор философских наук, профессор:

С М. Н. Руткевичем меня связывают почти 40 лет совместной работы, научного сотрудничества, дружбы с ним и его семьей. Это слишком большой срок, чтобы кратко охарактеризовать его как человека явно неординарного, творческого, имеющего всегда свой взгляд на жизнь, людей и проблемы. Он вернулся с войны лейтенантом, пройдя нелегкий путь войны с ее первого дня, и на всю жизнь остался бойцом, умеющим держать удар.

Я пришла на его кафедру философии в УрГУ в 1963 г. после 6 лет работы в школе. Моя аспирантская тема была на стыке эстетики и этики, руководителем назначили Л. М. Архангельского. Но перед зачислением в аспирантуру я была приглашена на собеседование к М. Н. Руткевичу. Дрожа от страха перед его авторитетом, я так

старательно и «правильно» отвечала на его вопросы, что он сказал в заключение: «Ну, хорошо, в аспирантуру мы вас берем, но шкрабство придется из вас выбивать, и чем быстрее, тем лучше». Не знаю, как скоро я избавилась от синдрома отличницы и учительских интонаций, но уже через год очная аспирантура для меня преобразовалась в заочную, так как Михаил Николаевич предложил работу на кафедре ассистентом, через год – старшим преподавателем, далее, по общепринятым правилам, после защиты кандидатской диссертации – доцентом и т. д.

Д. В. Пивоваров, доктор философских наук, профессор:

Руководство аспирантами Михаил Николаевич осуществлял весьма квалифицированно. Тексты читал досконально, делал правку с едкими замечаниями на полях. Как-то в начале аспирантуры одну статью мне пришлось переделывать раз пять. Это было хорошей школой, можно сказать, что и собственный стиль у меня сложился во многом благодаря его замечаниям и работе со мной. Со мной он работал на совесть. Давал мне иностранную литературу (как член академии, Михаил Николаевич пользовался возможностью получать англо-американскую научную литературу). С его помощью у меня была возможность знать соответствующую зарубежную литературу непосредственно, а не через Москву. Я всегда прислушивался к его советам и замечаниям. Но, критикуя, М. Н. не навязывал исключительно собственный подход, свою точку зрения, он всегда ценил творческую свободу аспирантов.

II. Характер руководства факультетом

И. Я. Лойфман:

О роли Михаила Николаевича в создании Уральской философской школы многое уже сказано. Тем не менее, выскажу следующее. На пустом месте ничего не возникает. Какие-то предпосылки для формирования крупного философского центра создавались еще во время заведования кафедрой философии УрГУ М. Т. Иовчуком. При кафедре была и аспирантура. Но предпосылки есть предпосылки. Они могут быть отнесены к рубрике «Условия по созданию Уральской философской школы». А реально действующий фактор – это был, конечно, М. Н. Руткевич. Именно вокруг него формировался круг людей – первостроителей философского факультета. Это были

люди по преимуществу с естественно-научной подготовкой. Все мы были прямыми учениками М. Н. Руткевича. Во время создания факультета я стал его заместителем по кафедре диамата. Остальные возглавили создаваемые кафедры: Л. М. Архангельский – кафедру истмата, К. Н. Любутин – кафедру истории философии и т. д.

Стиль руководства факультетом М. Н. можно оценить так. Он прошел армейскую школу. Человек требовательный и по отношению к себе, и относительно других людей: если задача поставлена, ее надо выполнять! Если оценивать всех деканов факультета за прошедшие три с лишним десятилетия, то выявляются большие различия в стиле руководства. М. Н. в качестве декана выступал как самодержец, Л. М. Архангельский – как миротворец, и т. д.

Его стиль в науке – это сплошные дискуссии! Полемика с оппонентами содержится во всех статьях и книгах М. Н. Руткевича. У В. И. Ленина есть одно высказывание о том, что нельзя развивать новых взглядов иначе как полемически. Так вот, все работы М. Н. Руткевича полемичны, как философские, так и социологические. Настоящее исследование должно учесть альтернативы. Правда, к научной полемике иногда присоединяются и межличностные отношения, ненаучные факторы, т. н. «контры» и т. д. Дискуссионный характер носят и его книги последних лет. Одной из недавних работ была статья М. Н. Руткевича в «Вопросах философии» по проблемам нации, где он полемизирует с В. Тишковым.

О высоких способностях М. Н. Руткевича в ведении дискуссии, об умении отстоять свои философские убеждения говорит тот факт, что защита его докторской диссертации в Институте философии в Москве длилась 8 часов. И хотя он собственно саму диссертацию не писал, а защищался на основе написанного им и впоследствии доработанного и переизданного учебника «Диалектический материализм», и у него было много противников, все же М. Н. сумел аргументированно и стойко защитить собственную концепцию и вполне заслуженно получил степень доктора философских наук.

Л. Я. Рубина:

Было много общих дел, в которых довелось участвовать вместе со всеми: создание философского факультета, координация научных исследований в Уральском регионе, организация конференций, множество коллективных мероприятий – учебных (вроде «Школы юных марксистов»), научных, досуговых (формальных

и неформальных). Декан факультета в них не просто участвовал, он был их организатором, вникая во все, до мелочей.

Затевая какой-либо проект, Михаил Николаевич всегда имеет в голове его целостный план, от и до, начиная с названия, с определения проблемы, в которых значимо каждое слово. Он никогда не против инициативы, если она «по делу», дает всегда конкретные задания. Правда, поручая что-либо одному человеку (особенно в оргработе), он иногда, для подстраховки, поручает это еще одному-двум, что не всегда нам нравилось, но ему давало нужный результат.

Приходилось не раз слышать, что у него трудный характер. С этим можно и согласиться, особенно зная его в разных ипостасях. Но я не уверена, что с характером легким можно добиться больших успехов, признания, уважения. И обычно отвечаю: «Трудно, но интересно». Михаил Николаевич настойчив, упрям, может, как говорится, «надавить», «заставить», «убедить», что для деловых отношений совсем не бесполезно. В дружеском же общении он вполне открыт к диалогу, обсуждению, может согласиться с мнением других, особенно в тех сферах, где не считает себя специалистом, к примеру, в быту.

Можно вспомнить, как он редактировал научные издания кафедры – не просто стилистически совершенствуя текст, но заставляя авторов доводить свои идеи до удобоваримой формы. Свою первую аспирантскую статью для сборника трудов кафедры я переделывала после замечаний Михаила Николаевича не менее 4-х раз, и это было хорошей школой, позволившей позже не только писать диссертацию, но набраться смелости готовить общие материалы и книги в соавторстве с ним. Как правило, план издания был у него в голове, я вносила свои предложения, затем «делили» главы и разделы примерно поровну, писали раздельно, взаимно обсуждали, корректировали и т. п. Главные требования были всегда такими: четкость мысли и формулировок, доказательность выводов, строгость в интерпретации статистических и эмпирических данных. За каждой его идеей – огромная эрудиция, логика, нестандартность мысли.

К. Н. Любутин:

На факультете авторитет декана был непререкаемым. Сначала он был единственным доктором наук на факультете, затем доктор-

ами стали Л. Н. Коган и Л. М. Архангельский. Во всех видах деятельности декана: учебной, научной, административной, – он проявлял себя как человек энергичный, решительный, конструктивный. К преподавателям и студентам относился строго, но начальству своих в обиду не давал. С отъездом М. Н. Руткевича в Москву факультет пережил потрясение. Когда спустя два года уехал еще и Л. М. Архангельский, сложилась особо драматическая ситуация – сказывалась нехватка докторов наук.

Д. В. Пивоваров:

В его бытность деканом Михаил Николаевич фактически дал образец философского образования. Не было после него, и нет сейчас такого образца! Ведь какую программу факультета он создал: ввел 64 (!) учебных дисциплины, половину которых составляли естественно-научные курсы, а вторую половину – гуманитарные. Один перечень предметов чего стоит! Важно еще не только что изучалось, но и как! Курсы по каждой из дисциплин читались ведущими уральскими учеными из УрГУ и Уральского научного центра АН СССР (ныне УрО РАН). Биологию захватывающе нам читал А. Т. Мокроносов, декан биофака. Физиологию растений и животных нам преподавал доцент Подсосов, физиолог. Занимались мы в виварии, резали лягушек! Девочки в обморок падали... Неорганическую и органическую химию у нас вели профессора В. П. Кочергин и В. И. Есафов. Историю средних веков читал М. Я. Сюзюмов, он же вел у нас историю византийской философии. И как! До сих пор все помнится прекрасно! Новейшую историю нам давал В. И. Шихов.

Сейчас факультет стал почти гуманитарным. Стало в два раза меньше дисциплин, учиться стало легче. А нам приходилось довольно трудно, мы много занимались. К тому же был немалый отсев неуспевающих студентов. Но в то же время Михаил Николаевич к студентам относился в какой-то степени лучше, чем к преподавателям: студенты свободно заходили в его кабинет, а преподавателей он приструнивал. При Михаиле Николаевиче на кафедре строго спрашивалось за опоздания, без его разрешения никто не ездил в командировки. Работали напряженно – по две-три методических разработки в год делали. М. Н. Руткевич учредил и порядок взаимного посещения лекций преподавателями, пуская желающих и на свои лекции. После посещения практиковался критический разбор лекций. В традиции было и обсуждение разных методических мате-

риалов. Он давал и свои материалы для критического обсуждения и учитывал замечания; на совесть занимался всем: и методикой учебного процесса, и наукой, которой уделял огромное внимание. Тогда весьма активно работало студенческое научное общество. Под руководством М. Н. Руткевича вышел сборник студенческих научных работ, позже регулярно выходил «Вестник НСО», а к нему – юмористическое приложение под названием «Бочка Диогена».

И каковы плоды деканства М. Н. Руткевича?! Первый выпуск дал самый большой процент докторов наук и сделавших карьеру по иной линии – ректоров, проректоров. Так он поставил школу, показал образец!

В своих устных выступлениях Михаил Николаевич поражал всех своими бойцовскими качествами. Он же и во время войны занимался философией. Очевидно, его стиль сложился еще тогда. Как он побивал В. В. Орлова! Это тоже образец для презентации своей позиции. У него была моментальная реакция на вопросы, реплики, замечания оппонентов. Хорошая логика в речи: на три части все разделяет и по пунктам разобьет. Прекрасная литературная речь – уверенная, немного снисходительная, убежденная! Хороший стилист! Свои тезисы аргументировал и железной логикой, и репрезентативными фактами. Этому соответствовал и внешний облик декана: Михаил Николаевич всегда был весьма элегантно и с иголки одет! Одним словом, несмотря на всю неоднозначность, М. Н. Руткевич – оригинальная личность и талантливый человек!

В. О. Лобовиков, доктор философских наук, профессор:

М. Н. Руткевич нам читал спецкурс «Актуальные проблемы ленинской теории отражения». Особо интересно в его изложении высветились перед нами проблемы онтологии и гносеологии. Даже немного жаль, что он ушел потом в социологию, поскольку именно в диаматовской проблематике М. Н. Руткевич предстал перед нами как глубокий ученый и яркая личность. Самым запоминающимся в его спецкурсе была яростная полемика. Острой критике он подвергал пермского Орлова, югославскую группу «Праксис», других оппонентов ленинской теории отражения. Его стилю критики можно провести некоторые параллели: нечто подобное характерно для критики К. Поппером Гегеля, Маркса, Вольтера, Ленина, несмотря на все различия их «лагерей». Вольтер, кстати, очень ядовито вы-

сказывался о Шекспире. Поражала бойцовская манера М. Н. Руткевича, неповторимый ораторский стиль.

О. Ф. Русакова, доктор философских наук, профессор:

В моей судьбе М. Н. Руткевич сыграл особую роль. За два года до поступления в университет я вместе с Л. М. Андрюхиной и С. Н. Некрасовым занималась в КУЮМе (Комсомольском университете юного марксиста). Михаил Николаевич вел там занятия по современной философии. Под его руководством я писала реферат по А. Тойнби и У. Росту под рубрикой «Критика современных буржуазных концепций общественного развития». Совместная работа с ним сыграла судьбоносную роль в моей жизни, она стала стимулом для поступления на философский факультет УрГУ. Такое же влияние встреча с М. Н. Руткевичем, скорее всего, оказала и на судьбу моих товарищей по КУЮМу. Три года моей студенческой жизни, с 1969 по 1971, были временем, когда факультетом руководил М. Н. Руткевич. На первом курсе в группе диалектического материализма мы учились вместе с Алексеем, сыном М. Н. Руткевича. Михаил Николаевич был строгим и властным деканом и на каждой своей лекции требовал от старост, в том числе и от меня как старосты первой группы, краткие отчеты о каждом из отсутствующих студентов. Вспоминается даже сам вход М. Н. в аудиторию. Это было похоже на действие, а сам он – на актера! Иногда, когда Михаил Николаевич увлекался в процессе лекции, он снимал пиджак и, оставаясь в красном джемпере с галстуком, садился на стол. Помнится еще и момент встречи его студентами в новом качестве члена-корреспондента АН СССР. Михаил Николаевич предстал перед нами особо торжественным, а наш курс устроил ему овацию. М. Н. Руткевич «держал» факультет. Его стиль деканства – это особый, неповторимый стиль. У него была харизма!

Лекции и учебник М. Н. Руткевича по диалектическому материализму стали для меня одной из основ философской подготовки. На педпрактике в Новосибирске я благодаря этому получила высокую оценку. После его отъезда мы все с гордостью читали вышедшие из-под его пера книги. Заочный интеллектуальный контакт с ним продолжается до сих пор. С таким же вниманием сейчас мы следим за успехами его сына – А. М. Руткевича, доктора философских наук, профессора, крупного специалиста в области западной философии, блестящего переводчика.

III. М. Н. Руткевич и Уральская философская школа

И. Я. Лойфман:

Основная струя исследований М. Н. Руткевича в науке – диалектика как методология научного познания. Это единая методологическая концепция, которая может быть воплощена в разных областях и на разных уровнях философского знания. Михаил Николаевич – создатель и автор журнала «Социс» на протяжении многих лет. Его обобщающая книга «Общество как система: социологические очерки» (СПб.: Алетейя, 2001) – это презентация его социологических взглядов. Но я считаю, и свое мнение я высказал в рецензии на эту книгу в газете «Наука Урала», что точнее жанр этой книги было бы охарактеризовать как философско-социологические очерки. Любое социальное построение опирается на решение методологических проблем. Здесь срабатывает методологический нерв. Последние работы, написанные нами совместно, – «Диалектика и теория научного познания» и «Основы гносеологии» – в полной мере воплощают данную позицию. В них лишь некоторые акценты расставлены несколько иначе, чем раньше.

К. Н. Любутин:

Картину философской жизни советского времени нельзя сводить к апологетике власти и толкованию «Краткого курса ВКП(б)» И. Сталина. Всегда были философы, находившиеся как бы вне официальной линии, идеи которых именно сегодня оказались востребованы не только российской, но и мировой философией. Были такие и среди уральских философов. Сам термин «Уральская философская школа» впервые употребил в конце 60-х гг. член-корреспондент Б. П. Колесников, бывший в то время ректором университета. Конечно, никаких особых школ в философии, как и в других гуманитарных науках, официально не признавалось, была одна – марксистская школа. Б. П. Колесников назвал так философский факультет по аналогии со школами в естественных науках. Но М. Н. Руткевичу формулировка ректора понравилась. Можно было сопоставлять свой факультет с философскими факультетами МГУ, ЛГУ, Киевского университета.

После XX съезда КПСС (1956) рухнула сталинская версия философии марксизма, хотя при поддержке М. Сулова она все же дотянула до «перестройки». В рамках партийной парадигмы тех лет

преодоление сталинской версии философии марксизма шло как возрождение той традиции, которая восходит к Гегелю и Энгельсу, развивалась Плехановым и Лениным. О какой-либо специфике взглядов Маркса на философию сторонники этой позиции речи не вели.

Первым учебником, содержащим последовательную сциентистскую трактовку философии марксизма, был учебник «Диалектический материализм», подготовленный заведующим кафедрой философии Уральского госуниверситета М. Н. Руткевичем (на основе курса лекций для студентов естественных факультетов университета). Он вышел в свет в 1959 г. и не только обладал необходимыми для такого рода издания учебно-методическими характеристиками, но одновременно носил характер подлинно научного исследования. В 1973 г. «Диалектический материализм» в переработанном варианте вышел как курс лекций для студентов философских факультетов. Определение диалектического материализма, данное М. Н. Руткевичем, стало классическим и так или иначе варьировалось у многочисленных авторов. Вот оно: «диалектический материализм есть наука о соотношении бытия и мышления и о наиболее общих законах развития бытия и мышления. Бытие здесь понимается как материальное бытие, как природа и общество. Если учесть, что отношение мышления, как вторичного, к бытию, как первичному, тоже выступает как закон, характеризующий взаимосвязь этих основных сторон реальности, а законы диалектики являются законами развития бытия и мышления, рассматриваемых в их взаимосвязи, можно сказать еще более кратко: наука о наиболее общих законах бытия и мышления». Сциентистская версия философии марксизма оказала существенное позитивное воздействие прежде всего на развитие естественных наук в послесталинский период как в СССР, так и в других странах. Однако понимание философии Марксом существенно отличалось от понимания ее Энгельсом. Одними из первых в СССР на это обстоятельство обратили внимание сотрудники кафедры истории философии Уральского университета в связи с исследованием современной философской антропологии. Сторонники философской антропологии видели в Марксе одного из своих главных предшественников. Официальная позиция, озвученная Сусловым и Федосеевым, была однозначна: все это очередная, именно «антропологическая», фальсификация философии Маркса, попытка противопоставить философские взгляды Маркса

Энгельсу и Ленину. Наше обращение к Марксу убедило в том, что главное в его философии – учение о человеке и обществе. Изучение российских версий марксизма – одна из основных тем кафедры истории философии Уральского университета в настоящее время. На кафедрах философского факультета и ИППК интенсивно разрабатываются обе интерпретации марксистской философии. Сложившаяся в советское время Уральская философская школа – органическая часть великой русской философской культуры.

Л. Я. Рубина:

Иногда говорят, что М. Н. Руткевич в большей мере тяготел к общей социологии, теоретической, и в меньшей – к прикладной, эмпирической. Это не совсем так. Заслуга его именно в том, что создание Уральской социологической школы начиналось с исследований в области социальной структуры общества, жизненных планов молодежи, социологии образования, в которых были представлены результаты как теоретических (чего стоил только один методологический семинар на философском факультете!), так и конкретно-социологических исследований. Он реально представлял себе уровень эмпирических исследований в российской социологии 60-х гг., и был некоторый скепсис по поводу манипулирования кустарно собранными и не всегда достоверными данными (у него был). Не случайно, думаю, в начале 70-х, в процессе подготовки и проведения Второй всероссийской конференции по социальной структуре общества, в которой участвовали делегации всех республик СССР и регионов России, он отправил меня в республики Прибалтики, в Новосибирск для налаживания координационных связей и подготовки совместных исследований с профессиональными социологами, работавшими по западным методикам с применением современного математического аппарата. Как известно, доступ к соответствующим источникам тогда был не столь широк, как сейчас.

Это позволило М. Н. Руткевичу позже, уже в качестве директора Института социологических исследований в Москве, осуществлять на должном профессиональном уровне ряд общесоюзных и международных сравнительных исследований по взаимосвязи социальной структуры, образования, жизненных карьер молодежи. В этих исследованиях и многочисленных публикациях по ним Уральский регион был представлен достойно.

IV. Культурная жизнь факультета

К. Н. Любутин:

Михаил Николаевич оказывал большое влияние на жизнь окружающих его людей и в общегуманитарном плане. Еще в дофакультетский период на кафедре никогда не умолкал творческий разговор, периодически проводились обзоры толстых журналов, обсуждались «жареные факты» и новости, спорные статьи и материалы. В этом М. Н. во многом помогали Л. Н. Коган и А. Ф. Еремеев. Часто шутили, на любых мероприятиях всегда присутствовал юмор, на юбилеи и праздники организовывали «капустники». Эта творческая жизнь стала традицией и на факультете. М. Н. прекрасно образован и музыкально. Если он невзначай встречал наших студентов в филармонии, то всегда отмечал это. И в целом он поощрял посещение студентами так называемых «очагов культуры». М. Н. умел создавать неформальную обстановку. Часто по его инициативе организовывались выезды на природу, в лес, мы жгли там костры, дуррачились. Словом, гуманитарно-творческая обстановка существовала на факультете всегда, даже в период нового идеологического зажима.

Переживания преподавателей и сотрудников по поводу отъезда М. Н. Руткевича в Москву отражены в моем сочинении к одному из «капустников» под названием «Леонид Архангельский и конец Уральской классической философии». Авторство в присвоении М. Н. Руткевичу эпитета «Создатель» можно установить, прочитав юбилейное издание философского андеграунда (Любутин К. Н. Выбранные места из перепалки с друзьями. Екатеринбург; Нижневартовск: Самое философское издательство, 2000. С. 62–63).

Л. Я. Рубина:

Мне много раз доводилось отдыхать вместе с Михаилом Николаевичем и Ириной Ивановной (замечательным, умным, тонким человеком с крепким характером – женой, которой Михаил Николаевич постоянно гордится и считает своей основной жизненной ценностью), бывать у них в доме, дружить со всеми тремя сыновьями. И здесь Михаил Николаевич – весьма почитаемый глава большого семейства и просто интересный человек. Не филолог, но он великолепно знает и любит литературу (Чехова, Бабея, Хемингуэя перечитывает постоянно), из современных ав-

торов в восторге от Довлатова, до сих пор выписывает «толстые журналы».

Многих удивляет его знание живописи и, особенно, музыки. Имея хороший слух и память, он любую из опер Д. Верди «пропоет» от начала до конца, а записи классических симфоний готов слушать постоянно и при этом удивляться, как можно такое чудо создать. О поэзии особый разговор. Михаил Николаевич говорит, что знает и любит ее с детства. Часто читает на память А. Блока, Б. Пастернака, В. Маяковского, Б. Слуцкого, К. Симонова. В последние годы, далеко не в самые легкие дни болезней и пребывания в больницах, обнаружил в себе талант поэта-переводчика. Хорошо владея украинским и белорусским языками, обладая несомненным поэтическим чутьем, Михаил Николаевич занимал свои дни переводами на русский язык многих стихов современного белорусского поэта В. Некляева, украинки Л. Костенко и украинского поэта Л. Стуса. Эти переводы были небольшим тиражом и очень скромно изданы у нас, в Уральском госпедуниверситете, а затем более солидно в Санкт-Петербургском издательстве «Алетейя». Могу сказать, что изданием этих стихов он гордится не менее, чем своими научными монографиями, охотно дарит друзьям.

О. Ф. Русакова:

На факультете в те времена каждый год проходили студенческие «капустники», на которых мы шутили, на музыку перекладывали отрывки из лекций, пародировали какие-то характерные выражения преподавателей. В голову пришел куплет одной из сочиненных студентами песенок:

Проходит жизнь, проходит жизнь,
Как ветерок по полю ржи.
Зачет пройдет, за ним другой,
Экзамен сдан как таковой.
Семестр мелькнет, любовь мелькнет,
Как белый парус вдалеке.
Лишь диамат, лишь диамат
Застрял, проклятый, в голове!

V. Человек стойких взглядов

И. Я. Лойфман:

Краткие формулировки – не такое уж легкое дело... По философской позиции М. Н. Руткевич, без сомнения, убежденный марксист, сторонник диалектического материализма. Весьма негативно он реагировал на публикацию Т. И. Ойзермана, в которой основы диамата подвергнуты ревизии. По политическим убеждениям он – сторонник социалистических взглядов. Некоторое время назад мы вместе с ним участвовали в деятельности общественной организации РУСО (Российские ученые социалистической ориентации). Если говорить о более широкой жизненной позиции Михаила Николаевича, то о нем можно сказать, что он исторический оптимист. Нынешнее время он оценивает как некоторый зигзаг в истории. Нельзя считать идеалом справедливости общество, которое основано на социальном неравенстве.

Л. Я. Рубина:

После переезда семьи Руткевичей в Москву и до сего дня наше сотрудничество не прекращается ни в профессиональном отношении, ни в чисто человеческом плане. Были общие проекты, исследования, «подсказанные» им, были мои публикации, первым экспертом которых был он, а его замечания, как всегда, точны и остроумны.

До сих пор меня поражает творческая активность, разносторонний интерес к жизни, неиссякаемая эрудиция и память. Если раздастся телефонный звонок или приходит письмо от Михаила Николаевича, заранее уверена, что услышу или прочту «авторский» анализ текущих событий в мире, стране и в нашем Екатеринбурге (!), перечень ближайших планов и дел и обязательное задание мне лично: раздобыть нужную книгу, собрать статистические данные по какому-либо вопросу, договориться об издании его брошюры. И непременно напоминание о том, что я все еще не отправила статью в «Социс» или «Народное образование» и не закончила книгу о реформаторстве в образовании...

Д. В. Пивоваров:

Михаил Николаевич до сих пор находится в неплохой философской форме. Мы звоним друг другу, и не только на дни рождения,

переписываемся, пересылаем новые книги. Он в курсе всего, что происходит, как в философском мире, так и в общественно-политической жизни. Он всегда остро реагирует на какие-то события, быстро пишет статьи со своей оценкой происходящего, часто публикуется на страницах научных журналов и газет. В рецензиях на его книги М. Н. Руткевича характеризуют как крупного ученого и человека стойких взглядов. М. Н. до сих пор сохраняет вкус к диалектике, и это действительно ядро его концепции.

К. Н. Любутин:

М. Н. Руткевич – один из немногих людей, разделяющих прежние позиции. Он свободен от политической конъюнктуры, не «перевертыш», сохраняет верность собственным принципам и убеждениям.

Доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии Института философии и права УрО РАН
с 2000 по 2013 (Екатеринбург, Россия)

РУТКЕВИЧА МЫ ЗВАЛИ ПАПОЙ*

WE CALLED RUTSKEVICHA BY FATHER

Аннотация. В статье отмечены основные этапы жизненного пути М. Н. Руткевича. Особо выделяется период его жизни, связанный с созданием философского факультета УрГУ.

Ключевые слова: М. Н. Руткевич, философский факультет, студенты-философы, лектор, педагог, ученый.

Abstract. The main stages of the life way of M. N. Rutkevich are described in the paper. The period of his life, connected with creation of the philosophical department of the State Ural University, is particularly marked out.

Key words: M. N. Rutkevich, philosophical department, students-philosophers, a lecturer, a pedagogue, a scientist.

16 июля 2009 г. на девяносто втором году жизни скончался Михаил Николаевич Руткевич – советский философ, профессор (1960), доктор философских наук (1961), член-корреспондент АН СССР (1970), создатель философского факультета Уральского государственного университета.

М. Н. Руткевич окончил физфак Киевского университета (1939), в том же году его дипломная работа была опубликована в «Журнале экспериментальной и теоретической физики». А 22 июня 1941 г., в первый день Великой Отечественной войны, саперный взвод под командованием Руткевича вступил в бой с противником в пограничной полосе на румынской границе возле реки Прут. Из армии он демобилизовался осенью 1945 г. Преподаванием философии стал заниматься с 1947 г. в Свердловском пединституте. В 1953 г. приступил к заведованию кафедрой философии Уральского университета.

* Опубликовано: Мирошников Ю. И. Биобиблиография ученого (к 70-летию со дня рождения). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. С. 15–16.

Его подлинный талант педагога, наставника молодежи и руководителя научного коллектива проявился во время организации и дальнейшей работы философского факультета УрГУ. Факультет возник не сразу. Вначале, в 1965 г., было открыто отделение философии на истфаке, и только через год оно получило статус факультета, который очень скоро заметно усилил гуманитарное крыло вуза, прежде известного качественной подготовкой естественно-научных кадров.

Студенты-философы, пришедшие на факультет во второй половине шестидесятых, под руководством своего декана успешно осваивали вузовские традиции и вносили свой творческий импульс в учебную и культурную жизнь университета. Многие элементы жизни факультета, приобретающие общеуниверситетскую значимость, рождались почти спонтанно и, как правило, по-отечески одобрялись, но в то же время придиричиво и не без ядовитой иронии оценивались Михаилом Николаевичем. Он лично участвовал во всем: в деятельности КУЮМа («Комсомольский университет юного марксиста»), в смотрах факультетской самодеятельности, в вечерах вопросов и ответов, в политбоях, читательских конференциях, в выпусках стенной газеты «Логос», в работе общественной приемной комиссии. И каждое мероприятие сопровождалось большим скоплением народа. Новый номер «Логоса» неизменно собирал толпу студентов разных факультетов, его обязательно ходили смотреть члены парткома. Студенты журфака писали на него ревностные рецензии в газету «Уральский университет». Михаил Николаевич умел стимулировать рождение новых инициатив, но в то же время и уберегал горячие головы от идеологического фола. Из обильного факультетского фольклора сохранился стих:

Руткевича мы звали папой,
Ведь был он нам отец родной.
И бил он нас нещадной лапой,
Умнели что б мы головой.

Михаил Николаевич создал инфраструктуру духовной жизни факультета, положившую начало мощной генерации философов, разбехавшихся впоследствии по всей стране <...>

Из истории науки известно, что многие научные идеи, понятия, концепции и системы рождались в ходе чтения лекций. Есть произведения ученых и философов, дошедшие до нас лишь только

потому, что они в свое время были записаны слушателями как лекционный материал. Студентам двух первых наборов философского факультета посчастливилось наблюдать и в какой-то мере участвовать в рождении курса диалектического материализма на лекциях Михаила Николаевича. В качестве учебника для философов этот курс был опубликован в 1973 г. в Москве. То, что мы слышали и видели, нам, тогдашним школярам-младшекурсникам, не с кем и не с чем было сравнивать, и мы воспринимали этот курс как что-то естественное и необходимое, хотя весьма величественное и недосыгаемое (цельность философской картины мира, строгая дисциплина мышления, безупречная языковая форма, ясность и глубина излагаемого материала, убежденность, наступательность и непрекаемость позиции). Сомнения в существовании единственно верной философской истины Михаил Николаевич отбрасывал с порога. Философию, которая могла бы идти вразрез с наукой, он не признавал, для него такой вид философии был чем-то путанным и жалким. На своих лекциях Руткевич был блистателен и страшен одновременно. Можно смело утверждать, что тот, кто не присутствовал при рождении курса диалектического материализма, не способен оценить по подлинную меру таланта Михаила Николаевича. Впечатление от лекций как участия в важном когнитивном событии с годами не становится менее ярким. Это время работы Руткевича на философском факультете следует признать вершиной его творчества, его акме. Не случайно в 1970 г. последовало избрание Михаила Николаевича в члены-корреспонденты АН СССР – вполне заслуженное признание его творческих успехов, его высокого научного потенциала. До настоящего времени Руткевич остается единственным философом – членом-корреспондентом Академии на Урале. И уже с первых лет существования факультета пошел в рост слой философских кадров, представителей философской общественности, многим лично обязанных Руткевичу. Среди них Л. М. Архангельский, К. Н. Любутин, Ф. Р. Филиппов, А. Ф. Еремеев, И. Я. Лойфман, Г. П. Орлов, В. И. Плотников, Л. Я. Рубина, В. В. Ким, Е. Ф. Молевич, О. Н. Жеманов, Г. В. Мокроносов, Г. И. Бондарев, В. П. Лукьянин.

Дидактические принципы факультетской учебы органично сочетали элементы специальной философской и общетеоретической научной подготовки будущих специалистов. Естествознание Михаил Николаевич знал не понаслышке. Все студенты-естественники

УрГУ (и не только они) сдавали экзамен по философии, используя учебник Руткевича, специально им написанный для естественно-научных факультетов. Интеллектуальная притягательность, обаяние личности Михаила Николаевича, степень его авторитета были таковы, что читать лекции студентам-философам с удовольствием шли известные ученые различных специализаций: историк М. Я. Сюзюмов, биолог А. Т. Мокроносов (впоследствии академик РАН), эколог академик С. С. Шварц, физик А. К. Кикоин, математик Н. Ф. Сесекин, химики В. И. Есафов, В. П. Кочергин и другие. Различные аспекты союза философии и естествознания студенты философского факультета постигали не один семестр, и плодотворность этого единства до сих пор не выветрилась из их сознания. Следует добавить, что в эти же годы М. Н. Руткевич фактически возглавлял кафедру философии в УФАНе, т. е. в нынешнем УрО РАН, и не только готовил к кандидатским экзаменам молодую научную смену, но и в качестве консультанта вел методологические семинары в нескольких институтах, о чем у многих ныне здравствующих коллег сохранились теплые ностальгические воспоминания.

В 1972 г. М. Н. Руткевич переехал в Москву, где возглавил Институт социологических исследований АН СССР и находился на этой должности четыре года. Затем он работал в Академии общественных наук и в Академии народного хозяйства. Руткевич подготовил более 100 кандидатов и 17 докторов наук, опубликовал более 450 научных трудов, в том числе 15 собственных (либо в соавторстве с одним ученым) монографий, десятки коллективных трудов, где он выступает в качестве главного редактора и автора ключевых разделов. М. Н. Руткевич награжден 15 орденами и медалями, в том числе орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени.

Личности такого масштаба не уходят бесследно из жизни и из памяти поколений. Философской и научной общественности еще предстоит оценить вклад М. Н. Руткевича в развитии отечественной культуры.

Светлый образ нашего дорогого Учителя мы навсегда сохраним в наших сердцах.

Доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии Института философии и права УрО РАН
с 2000 по 2013 (Екатеринбург, Россия)

**РУТКЕВИЧ И ЛОЙФМАН:
ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ НУЛЕВЫХ ГОДОВ***

**RUTCKEVICH AND LOYFMARN:
A DOYBLE PORTRAIT ON THE BACKGROUND
OF THE ZERO YEARS**

Аннотация. В художественно-публицистической форме автор повествует о жизненном пути, творчестве и общении Руткевича и Лойфмана. Словесные портреты основателей факультета воссозданы с привлечением их биографических данных и переписки, а также личных воспоминаний автора текста.

Ключевые слова: М. Н. Руткевич, И. Я. Лойфман, марксистская философия, история страны, Уральский университет

Abstract. The author narrates about the life way, creation and communication of M. N. Rutkevicha and I. Ya. Loyfmarna in the artistic and publicistic style. The word's portraits of the philosophical department founders are reconstructed with involving their biographical datas, letters and private recollections of the paper's author.

Key words: M. N. Rutkevich, I. Ya. Loyfmarn, Marxist philosophy, the history of land, the State Ural University.

Десятки лет наше существование как философов протекало под сенью общей кроны двух уральских мыслителей – Михаила Николаевича Руткевича и Исаака Яковлевича Лойфмана. Но для всего есть своя мера и свой предел: настала пора нам шуметь собственной листвой и укрывать своими ветвями новую молодую поросль.

Наш рассказ о недавнем прошлом, прибавившем к сложившемуся еще в 60-е гг. прошлого столетия духовному родству Руткевича и Лойфмана окончательную завершенность. Сквозь отношение

* Опубликовано: Мирошников Ю. И. Руткевич и Лойфман: двойной портрет на фоне нулевых годов // Четвертые Лойфмановские чтения. Философское мировоззрение и картина мира. Материалы Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 17–18 декабря 2009 г.). В 2 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2009. Т. 1. С. 17–26.

учитель-ученик явственно проступила связь дружбы, включающая как единство соратников, так и взаимодополняемость разных до противоположности характеров.

Им обоим было ясно, что они, как говорил Павел Антокольский, «у времени оба в гостях» [1, с. 365] и что в новом столетии им отпущены минимальные жизненные сроки. Не случайно М. Н. Руткевич все чаще вспоминал шутливо сформулированную идею своего коллеги по университету давно покойного Г. Д. Сульженко о времени как движущей силе материи: как говорил только что процитированный нами советский поэт, «и век не только рифма к человеку» [1, с. 519]. Когда кто-нибудь выражал Лойфману свое удивление объемом выполняемой Исааком Яковлевичем научной и учебной работы, то последний с едва заметным вздохом отвечал: «Увы, Лойфман уже не тот». За полгода до своей скоропостижной кончины Лойфман пишет Руткевичу: «Что касается моей службы в ИППК (институт переподготовки и повышения квалификации при УрГУ. – Ю. М.), то контракт заканчивается 31 октября (2003 г. – Ю. М.). Буду избираться на следующий срок. Кстати, о сроках хорошо сказал А. Т. Твардовский, которого сейчас начинают забывать» (Цитаты из писем приводятся с разрешения М. И. Лойфмана и И. И. Руткевича. – Ю. М.). Далее Лойфман приводит по памяти вторую строфу стихотворения.

Некогда мне над собой измываться,
Праздно терзаться и даром страдать.
Делом давай-ка с бедой управляться,
Ждут сиротливо перо и тетрадь.
Некогда. Времени нет для мороки, –
В самый обрез для работы оно.
Жесткие сроки – отличные сроки,
Если иных нам уже не дано [2, с. 133].

Из письма Руткевича Лойфману в феврале 2003 г.: «Больших иллюзий насчет своего ближайшего будущего я не имею. И так провоявав 3 года, я, по сравнению со своими товарищами по батальону, „задержался“ на белом свете. Моя переписка с фронтовыми друзьями прекратилась, последними были письма жен: „Коля умер“, „Женя умер“ и т. д.»

Как ни странно, но жесткие жизненные сроки подхлестывали и воодушевляли их творческую активность. В последние четыре

года жизни, уложившиеся в новое столетие, Лойфман выступил как автор и редактор доброго десятка изданий, среди которых коллективные монографии «Основания индивидуального бытия», «Основания социального бытия», «Категории диалектики. Цикл лекций», «Двадцать лекций по философии», книга на основе прежде изданных статей «Мировоззренческие штудии» и т. д.

Не менее продуктивен в нулевые годы XXI столетия был и Руткевич. Прежде всего следует назвать его работу «Общество как система. Социологические очерки» [3]. Как жанр очерк близок эссе, выражающим впечатление автора от описываемых явлений, это нередко панорама общественных нравов и порядков определенного времени. Руткевич соединяет картину общественных нравов и порядков России конца XX – начала XXI вв. с попыткой нового теоретического осмысления общества с позиций системного подхода, который он воспринимает как развитие учения о диалектике. К теоретической части творческого наследия Михаила Николаевича следует относить две публикации, посвященные проблемам образования и жизненных устремлений молодежи: «Социология образования и молодежи: Избранное (1965–2002)» [4] и «Образованность населения России конца XIX – начала XXI в.» [5].

Здесь на последнем отрезке жизни М. Н. Руткевич блеснул не только как глубокий теоретик и нравственный мыслитель, но и как острый публицист. В многочисленных газетных и журнальных публикациях versus Н. А. Аитова, А. В. Брушлинского, Л. Г. Ионина, С. Г. Кара-Мурзы, В. А. Тишкова и др. В серии «история социологии» Руткевич отметился выразительной брошюрой «Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70 гг. XX в.)» [6]. Наконец, совершенно неожиданно даже для знавших его как философа-теоретика, он выступил как оригинальный переводчик белорусской и украинской поэзии. Из письма к Лойфману в декабре 1998 г.: «Лежал в больнице, спал до 2–3 ночи, чего прикажете делать? Была с собой привезенная из Минска книга его (В. Некляева. – Ю. М.) стихов, вот и взялся переводить. Занятие увлекательное. Как получилось – судить Вам. Хотел издать в Минске на двух языках (как „крымские сонеты“ Мицкевича), но Некляев в оппозиции, как все тамошние „письменики“, поэтому ничего не получилось... Р. S. Вслед за белорусом Некляевым перевожу украинца Стуса. Легче, так как знаю украинский язык, труднее, так как строй языка белорусского ближе к русскому, чем украинского».

Тем, кто общался с Руткевичем лично, была известна его любовь к поэзии: он на память знал многие стихи А. Блока, Б. Пастернака, В. Маяковского, Б. Слуцкого, К. Симонова. Самые разнообразные поэтические строки нередко звучали на лекциях Руткевича по диалектическому материализму, и мы, студенты философского факультета, благодаря ему еще в 1960-х гг. узнали, например, о талантливом африканском поэте Леопольде Сенгоре, первом президенте республики Сенегал, разработавшем понятие негритюда, т. е. концепцию об особом негритянском духе, противостоящем рационализму и технократизму западноевропейской культуры.

Развал Советского Союза и Руткевич, и Лойфман принимали особенно близко к сердцу, ибо их детство было связано с Украиной. Лойфман продолжал переписываться с оказавшимися в одночасье иностранными украинскими философами, читал их работы на украинском языке. На языке своего родного края, по инициативе Руткевича, они, скорее в шутку, перебрасывались короткими посланиями. Эта незатейливая игра духовных сил доставляла явное удовольствие им обоим.

До последних дней жизни и Руткевич, и Лойфман трудились над публикациями, вынашивали идеи новых проектов, постоянно общались, друг с другом письменно, уточняли позиции в философской теории, высказывали суждения по мировоззренческим вопросам и общественным событиям. За два дня до смерти Лойфман выступил с докладом на кафедре философии УрО РАН перед участниками «круглого стола», посвященного двухсотлетию юбилею И. Канта. Исаак Яковлевич намечал проведение в конце 2004 г. в Екатеринбурге Всероссийской конференции о Канте, но прошла она уже без него и в новом формате Первых Лойфмановских чтений, 10–11 марта 2005 г.

Планы буквально роились и в голове Руткевича. Не давал покоя полемический темперамент (он осознавал в себе этот дар), и потенциальные мишени его филиппик вновь и вновь непроизвольно возникали в его сознании. Однако необходимо было дожидаться подходящего случая, определенного информационного повода и удовлетворительных кондиций собственного здоровья. С начала нового столетия он 4–5 раз в год госпитализировался по серьезным поводам и нередко надолго в ЦКБ РАН.

Многое, с чем связывалось будущее, так и осталось в виде задумок, в лучшем случае зафиксированных на клочке бумаги, отпра-

ленном в качестве письма в Екатеринбург Лойфману. Так, в 2002 г. Руткевич делился с Лойфманом своей «розовой мечтой» написать книгу, краткую как «Людвиг Фейербах Энгельса» – предмет его увлечения еще в 8-м классе краснодарской школы. Книгу, о которой мечтал Михаил Николаевич, он назвал «Марксизм начала XXI века». «В голове, особенно ночью, когда не спится, она в принципе сложилась. Но хватит ли сил? To be, or not to be? That is the question! Так говаривал некий Гамлет, и нам только остается повторять вслед за ним этот вечный вопрос», – пишет Руткевич.

Как полярно порой расходятся оценки прожитого непосредственными участниками давних событий в истории нашей страны с оценками, высказываемыми с позиций современных средств массовой коммуникации, людей, личный опыт которых не простирается далее 80-х гг. прошлого столетия. Время, в котором несколько поколений рождались, учились, воспитывались, работали, любили, защищали свою родину, сегодня не только изображается, но и концептуализируется как некий вывих, провал в истории. Это, прежде всего, несправедливо по отношению к нашим родителям, не только давшим нам жизнь, но и сохранившим для нас историческое предание нашего народа, его язык, культуру, материальную среду и природу. М. И. Алигер когда-то написала:

Все миновало...

и теперь нас судят.

За все, что мы любили, судят нас.

Глядят высокомерно и упрямо

И приговор выносят, не судя [7, с. 498–499].

Кто-то скажет: ну это все желтая пресса, оголтелые СМИ, что с них возьмешь? Но и теоретическое исследование истории социализма в нашей стране с позиций сегодняшней социально-гуманитарной науки (философии, истории, социологии, экономики, психологии, литературоведения и т. д.) не отличаются спокойным, вдумчивым, объективным, всесторонним анализом. На историю Советского Союза навешаны ярлыки: «государственно-феодальный социализм», «административно-командная система», «тоталитарное общество». В публицистическом плане звучит хлестко, но в теоретическом – неубедительно. Что же это все-таки было в течение более 70 лет и почему то, что было, вдруг разрушилось: чудовищный эксперимент, мировой заговор, ложная идея кучки

сумасбродов? Или все-таки необходимая стадия развития человеческой истории, первичный опыт освоения которой достался России? Построение социализма в России принадлежит ее истории, или это нечто заемное и вымороченное, как и все, что уже случилось в нашей стране? Мы никак не можем поставить точку в споре Пушкина с Чаадаевым. Руткевич и Лойфман занимали позицию Пушкина. Говоря о социализме, Руткевич однозначно утверждает, что «возобновление развития по этому (социалистическому. – Ю. М.) пути нам представляется исторически неизбежным, но оно будет происходить (о сроках сегодня ничего не знаем) в совершенно новых геополитических условиях, на несравненно более высокой технологической базе и в иных общественных формах» [3, с. 295].

Окружающая Руткевича и Лойфмана российская действительность нулевых годов вызывала у них протест, ибо их «прекрасная советская цивилизация» лежала в руинах, «единой славянской державы» больше не существовало. О той стране, в которой когда-то жил Руткевич, он говорил как о «нашей прекрасной Родине», выстоявшей в годы ВОВ и бесславно погибшей в период перестройки и реформ. Он был решительно не согласен с газетами, заполненными «ужасными гадостями о прошлом нашей страны», он ненавидел «перевертышей», среди которых оказались и его коллеги. Для него не подлежало сомнению «колоссальное всемирно-историческое значение более чем 70-летнего периода развития советского варианта раннего социалистического общества» [3, с. 295].

Кампания ревизии и суда над историей Советской страны, связанная с конца 80-х гг. прошлого века, незаметно превратилась в господствующую идеологическую установку, неумолимо исполняющую свою разрушительную функцию. И. Я. Лойфман в беседе с двумя преподавателями-слушателями ИПК (ныне это ИППК) в 1987 г. (в год 70-летия Октября и 60-летия со дня своего рождения) с тревогой отмечал, что в кривом зеркале некоторых публицистов наша история изображается только как годы культа, волюнтаризма, застоя. Негативизм столь же вреден, как и апологетика. Страна шла вперед, и наш научно-педагогический труд был моментом этого движения. Другое дело, что достигнутые результаты не соответствуют потребностям общественного развития, и сейчас необходимо усилить воздействие философии на все стороны общественной жизни и познания. Необходима концептуальная пе-

рестройка философии во имя усиления и развития ее гуманистической функции.

Концептуальная перестройка марксистской философии была давно назревшей задачей, и ответственность за ее решение ложилась прежде всего на самих философов и философские факультеты страны. Начиная с середины 80-х гг. прошлого века верхи не только не вставали на путь реформ, но и демонстративно, громогласно к ним лишь призывали. Однако активность отечественной марксистской мысли оказалась явно неадекватной вызовам времени. Обнаружилось, что советские философы-марксисты ничего «в стол» не писали. Советская сова Минервы не вылетала в сгущающихся сумерках социализма. Джин марксистской философии остался сиротливо сидеть в обветшавшей идеологической бутылке.

Как известно, в конце 1960 – начале 1970-х гг. Руткевич внес большой вклад в дело преодоления сталинской версии марксизма и становления диалектического материализма как науки «о наиболее общих законах бытия и мышления». Нас, студентов философского факультета УрГУ, увлекал пафос научности философии марксизма, пронизывающий собой и лекции, и научные публикации декана. Сомнения в существовании единственно верной философской истины Михаила Николаевич отбрасывал с порога. Философию, которая могла бы идти вразрез с наукой, он не признавал, для него такой вид философии был чем-то путаным и жалким.

Однако к концу прошлого столетия стало ясно, что научность – необходимое, но недостаточное качество марксистской философии. Все более и более становится востребованным ее человеческое измерение, ее аксиологические категории. Актуальным стал не просто антропологический подход, но и его аксиологическая основа – принцип гуманизма. Современная западная философия, ее постмодернистский авангард уже давно выступали с экстравагантным тезисом о том, что идея гуманизма устарела, она расходится с реалиями нашей жизни, не отвечает требованиям современной культуры и даже потребностям развития социальной теории.

Вот, к примеру, суждения Н. Лумана, «одного из выдающихся социологов прошлого столетия», как его рекомендуют современные издания. Для него вопрос о гуманизме лишен всякого смысла. «Я думаю, – заявляет он в студенческой аудитории, – что можно сказать очень жестко: только системная теория позволяет от нее (от гуманистической и антропологической ориентации. – Ю. М.)

отказаться» [8, с. 259]. Нужно исходить из понятия коммуникации как процесса переноса информации, безразличной к вопросам о том, кто коммуницирует, зачем, с какими целями и смыслами, а не из понятия действия (или социальной роли), ибо «понятие действия практически навязывает представление о том, что за ним стоят люди или что люди являются причиной, носителями, субъектами – не важно, какая используется формулировка действий» [8, с. 259].

По Луману, общество и человек (индивид, личность) существуют в разных, не пересекающихся друг с другом системах, поэтому от общества не следует ожидать помощи в реализации сущности человека, его предназначения, его природных сил и т. д., о чем так многословно и велеречиво распространялась классическая философия, ставящая во главу угла принцип самоценности человека. «Если мы представим себе, что общество движется к человеческой цели или что оно должно создавать человеческие условия, то у меня, – вкрадчиво продолжает немецкий профессор, – возникает такое чувство, что это наше представление просто ошибочно и абсолютно нереалистично» [8, с. 266].

Стоит ли удивляться, что в новой России нашлись многочисленные последователи Лумана, уже готовые выбросить понятие человека как субъекта и деятеля из социально-гуманитарных наук. Что же говорили наши уральские философы-марксисты по этому поводу? Еще в 1987 г. Лойфман, касаясь эволюции своих теоретических интересов, поведал об их закономерном перемещении от общенаучных категорий к научной картине мира и далее – к научному мировоззрению. Одна из последних книг Лойфмана «Мировоззренческие штудии» представляла собой сборник избранных работ по мировоззренческой тематике. Проблемы гуманизма здесь обсуждаются в таких статьях как «Максимы реального гуманизма на рубеже XXI века», «Уроки милосердия (повесть Н. В. Гоголя „Шинель“», «О базовых определениях культуры и цивилизации», «Культура как плодотворное существование».

Осознавая потребность в новом философском осмыслении действительности, Руткевич пишет книгу «Общество как система. Социологические очерки» [3]. Здесь он рассматривает принцип гуманизма, но лишь в аспекте проблемы социального неравенства. Для «диапатчика» Руткевича принцип гуманизма так и не стал центральным принципом марксистской философии. Руткевич кри-

тически воспринимает концепцию Лумана, но исчезновение человека в этой концепции для автора книги «Общество как система» остается по существу незамеченным. На наш взгляд, критика Лумана требовала пересмотра (ревизии) основных положений исторического материализма, который с человеком считался так же мало, как и Луман. Руткевич, если и заметил эту параллель, то она его не обеспокоила.

В письме Лойфману в мае 2001 г. Руткевич признавал, что три «составные» части марксизма «по сути, разнородны, и Ленину пришлось писать из практически-политических соображений о едином куске стали». Философия марксизма, органично сочетавшая в себе взгляды на природу, общество, человека и его сознание, так и не была создана в нашей стране. Учебное пособие «Двадцать лекций по философии», вышедшее в 2001 г. в Екатеринбурге под редакцией Лойфмана, свидетельствовало не о единстве, а о многополярности мысли уральских философов. Здесь были представлены и онтологические, и гносеологические, и антропологические, и социологические, и исторические основания, но все они существовали сами по себе и к марксизму имели подчас весьма отдаленное отношение. Вряд ли даже сами авторы, за исключением некоторых, претендовали на то, чтобы их труд был отнесен к литературе по марксистской философии. Это учебное пособие поставило точку в развитии философского факультета в марксистском духе. Дальше следовало что-то другое, анализ его требует особого разговора.

Мы же не позволим себе отклоняться от задачи создания двойного портрета, предполагающего развернутое сравнение наших героев. Люди они были очень разные. Лойфман выделял в Руткевиче качества самодержца. Действительно, быть лидером, руководить людьми, давать им задания, корректировать их исполнение, требовать отчета о проделанной работе было органичным элементом жизни Михаила Николаевича, где бы он ни был и в каком бы состоянии не находился. Он всегда втягивал в свои проекты массу людей, и до самой его кончины многие уральцы оставались членами незримого колледжа Руткевича.

Самое ключевое место в этом колледже, несомненно, принадлежало Лойфману. Он был не просто избранным любимым учеником, но и соратником, другом, хотя Руткевич никогда не забывал напомнить Лойфману свою с ним в разницу в возрасте. «Я очень благодарен Вам, – писал Руткевич в 2003 г., – за долготелую Дружбу,

основанную не только на личных симпатиях, но и общности мировоззрения. Но между нами существует разница в возрасте в 10 лет, а в наше бурное время это очень много».

В Лойфмане Руткевич отмечал качества мудреца, у которого слова не расходятся с делом, все, им написанное, всегда выражено кратко, толково и ясно. Внешняя бытовая жизнь Лойфмана протекала в согласии с нормами античного аскетизма: жить незаметно и довольствоваться малым. «Будь прост, но не проще того», – один из самых почитаемых афоризмов Лойфмана, которого он неукословно придерживался в жизни. Руткевич всегда помнил, как Лойфман впервые появился на кафедре в УрГУ еще в дофакультетские времена с тетрадкой на 60 страниц в качестве кандидатской диссертации. Лойфман был незаметен, как Акакий Акакиевич, но некоторые работы и поступки Руткевича, всегда находящегося на виду общественности, несут на себе отпечаток подспудных усилий Исаака Яковлевича. Корректировать и направлять деятельность Руткевича не было никакой возможности, хотя он сам постоянно просил Лойфмана помочь в организации подготовительной стадии работы над какой-то темой, потом Михаил Николаевич буквально требовал развернутых оценок готового текста, нетерпеливо ждал реакции Лойфмана на изложенную в письме возможную линию поведения. Лойфману изливалось все, что накопило, что раздражало, беспокоило, мучило, что просто бродило в голове. Письма писались нередко в пору бессонницы, ночью, когда у нее обнаруживалось дарованье «казаться собеседником твоим» [1, с. 497]. Лойфман внимательно прочитывал на свежую голову, готовил, оценивал, соглашался или протестовал, уговаривал. Все это он проделывал в своем духе: лаконично, корректно, объективно, не заглядывая в «закулисную жизнь» людей, заботясь об их реноме и реноме философского факультета больше всего на свете. Руткевич лойфмановский стиль постиг в совершенстве и не пытался его ломать: «Знаю, от Вас письма с развернутой оценкой, как „среды“, так и „я“, мне не получить, не в Вашем характере откровенничать и „изливать мысли“. А я еще во многом человек старой эпохи, когда русские интеллигенты писали письма. Одно лишь Пушкина Чаадаеву чего стоит. Но я не призываю Вас отвечать в моем духе». Лойфман был наперсником, духовником, эхом Руткевича. Это была классическая пара, типология которой многообразно представлена в мировой культуре как шах и визирь, король Лир и шут, Дон Кихот и Санчо Панса, Перегринус

и повелитель блох, Л. Д. Ландау и Е. М. Лифшиц, К. Маркс и Ф. Энгельс и т. д.

Руткевич и Лойфман в последние годы их жизни не раз возвращались к вопросу об Еральской философской школе, связывая его, конечно, с историей и судьбой философского факультета УрГУ. Естественно, и Руткевич, и Лойфман безмерно любили свое родовое гнездо, свое детище, от которого они были давно и навсегда оторваны: Михаил Николаевич по своему почину в 1972 г. поехал в Москву на повышение, Исаак Яковлевич насильно исторгнут из факультета и милостиво оставлен в ИПК УрГУ в 1980 г. Память услужливо возвращала их к счастливым годам совместной работы на кафедре диалектического материализма в годы становления факультета во второй половине 60-х гг. прошлого столетия. Так, Руткевич пишет в 2003 г. «Дорогой Исаак Яковлевич! Я вчера получил Ваше большое письмо с документами 1969 года, во-первых, поразился размаху, слаженности, энтузиазму нашей работы в первые годы существования факультета. Во-вторых, я немедленно сочинил дополнительную страницу для брошюры». Речь идет об издании «Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70-е гг. XX в.)».

Что касается Еральской философской школы как учебного центра подготовки кадров, то двух мнений быть не может. Таковой центр, т. е. философский факультет УрГУ, из года в год продолжает умножать число своих выпускников. Сомнения возникают и множатся вокруг вопроса об Еральской философской школе как средоточии определенного направления научного исследования. Лойфман непоколебимо стоял на том, что Еральская научная школа, созданная Руткевичем, безусловно, существует и развивается. В интервью 1987 г., о котором мы уже упоминали, Лойфман утверждал: «Бесспорно, что у нас есть своя философская школа и свое направление в разработке теории отражения и теории диалектики. В этом отношении мы никому не уступаем». В письме к Руткевичу в 2003 г. Лойфман пишет «Прежде всего, хочу Вас уверить, что одно из высоких свершений Вашей жизни – создание на Урале крупного центра философской науки и философского образования – не только не погибло, но и живет весьма достойно. Достаточно сказать, что мы провели на высоком уровне Второй Российский философский конгресс и что на нашей базе функционируют два докторских совета по философии».

Руткевич не был так оптимистичен, он сомневался. Тезис о существовании Еральской философской школы как особого научного центра вызвал в ответ его иронический комментарий. Вот выдержка из письма Руткевича Лойфману, написанного в 2001 г.: «Только что наша престарелая почтальонша доставила на восьмой этаж посланные Вами книги. Спасибо! Буду постепенно овладевать их содержанием и вдумываться в судьбы «Уральской философской школы». Судя по первому впечатлению, она перестала быть «школой» в смысле единства воззрений на основные вопросы. Но то, что она невероятно разрослась, – факт благоприятный».

В уральской философской школе Руткевич видит два аспекта – образовательный и исследовательский. Первый он признает и отмечает успехи его роста, второй оценивает пессимистически. В этом мнении Руткевич все более утверждался несмотря на завуалированное давление со стороны Лойфмана. Из письма Михаила Николаевича 2003 г.: «Даже краткое прочтение „Дискурса-2“ (альманах Института философии и права УрО РАН, в котором напечатан большой материал, посвященный Михаилу Николаевичу. – Ю. М.) убеждает меня в том, что „школы“ как таковой давно нет. Как и по всей России, люди пишут о чем и как угодно, в основном описывая уже ставшие устаревшими западные источники».

Однако, с точки зрения Руткевича, ситуация все-таки не совсем безнадежна, благодаря усилиям Лойфмана. В письме 2001 г. к Исааку Яковлевичу Руткевич пишет: «Ваше удаление из УрГУ было свинством в чистом виде, но Ваше многолетнее пребывание в ИПК <...>, безусловно, играет колоссальную роль в поддержании общего тона философской культуры в родном городе».

В советские времена Лойфман летний отпуск обычно проводил в поездках по стране. Из интервью 1987 г. «Редакторы: Вы любите путешествовать, Один из нас (В. Т. Маклаков. – Ю. М.) оказался как-то вместе с Вашей семьей в поездке в старинный русский город Переславль-Залесский. Какие в этих поездках у Вас самые крупные и запомнившиеся „приобретения“?»

И. Я. Лойфман: В путешествиях меня более всего привлекает история и природа. Из поездки в Переславль-Залесский запомнились Спас нерукотворный, Плещеево озеро, ботик Петра I, а также ярославские вишни.

В. Т. Маклаков: Это те самые вишни, которые мы коллективно опустошили возле Федоровского монастыря?»

Мне так думается, что в ответ редакторы услышали знаменитое похмыкивание Лойфмана – междометие, способное передать множество оттенков смысла, которые совершенно не поддаются полноценной репрезентации лингвистическими средствами. Поэтому сюжет с вишнями в интервью обрывается вопросом Маклакова.

Руткевич родился в Киеве, но, как он объяснял Лойфману, «Там у меня никого нет – ни родственников, ни друзей, одни ностальгические воспоминания по ночам и литография Андреевской церкви, где раба божьего Михаила крестили осенью 1917 года». По его собственному признанию, лучшие годы его жизни (1947–1972) прошли в Свердловске, в котором в последний раз Михаил Николаевич был в 1990 г. на праздновании 70-летнего юбилея УрГУ. Он собирался поехать на Урал в конце 1990-х гг. Из письма 1999 г.: «Поскольку спорить с законами природы смешно и бесполезно, я в XXI в. вряд ли смогу добраться до Урала. Надо попрощаться достойно с городом, где прошли лучшие годы моей жизни...

Я хочу быть понят родной страной
А не буду понят – что ж.
Над родной страной
Пройду стороной,
Как проходит косой дождь...

И еще примерно в это же время, обсуждая с Лойфманом перспективу своего вояжа в город, ставший для него родным, Михаил Николаевич писал: «Если не удастся приехать, то пусть мой светлый образ витает около портрета в фойе актового зала; конечно, его не сняли». Я не знаю, что ответил Лойфман по поводу этой сентенции своего учителя и друга. Дело в том, что после отъезда Руткевича в Москву в 1972 г. в коридоре третьего этажа главного здания УрГУ на стене актового зала были вывешены графические портреты видных университетских ученых. Среди них красовался и портрет Руткевича. В начале нынешнего столетия все портреты разом исчезли.

Земля колыбели могил укачала.
Смываются образы прожитых лет.
Срываются все очертанья с причала.
В открытое время выходит поэт [1, с. 384].

Литература

1. Антокольский П. Г. Избранное : в 2 т. М.: Худож. лит-ра, 1966. Т. 1.
2. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худ. лит-ра, 1978. Т. 3.
3. Руткевич М. Н. Общество как система. Социологические очерки. СПб.: Алетейя, 2001. 448 с.
4. Руткевич М. Н. Социология образования и молодежи: Избранное (1965–2002). М.: Гардарики, 2002. 541 с.
5. Руткевич М. Н. Образованность населения России конца XIX – начала XXI в. М.: ИСПИ РАН, 2007. 74 с.
6. Руткевич М. Н. Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70 гг. XX в.). М.: Центр социального прогнозирования, 2003. 89 с.
7. Алигер М. И. Собр. соч. : в 3 т. М., Худ. лит-ра, 1985. Т. 2.
8. Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. 360 с.

Кандидат философских наук, доцент,
ранее – доцент УрГУ и УрГУПС,
ныне – предприниматель (Екатеринбург)
E-mail: iv_sub@list.ru

КАК ДАЛАЙ-ЛАМА 14-й ПОМОГ МНЕ ПОНЯТЬ И. Я. ЛОЙФМАНА*

AS DALAY-LAMA 14 HELPED ME TO REALIZE I. YA. LOYFMARNA

Аннотация. Текст представляет собой авторские воспоминания об общении с И. Я. Лойфманом. С легким юмором проводится параллель между марксистскими идеями И. Я. Лойфмана и его образом жизни и буддистом-марксистом Далай-ламой 14-м.

Ключевые слова: И. Я. Лойфман, Далай-лама 14, марксистская философия, буддист-марксист, жизненная философия.

Abstract. The paper represents the author's reminiscences about personal contacts with I. Ya. Loyfmarn. With light humor the author draws a parallel between the Loyfmarn's ideas and also his way of life and buddhist-marxist Dalay-lama 14.

Key words: I. Ya. Loyfmarn, Dalay-lama 14, Marxist philosophy, a buddhist-marxist, a vital philosophy.

В разговорах об Исааке Яковлевиче Лойфмане, мы, его ученики, которые знали и любили своего учителя на протяжении многих лет, довольно часто возвращались к одной и той же теме, которую я хочу затронуть и сейчас.

На легендарных консультациях и в вольных беседах Исаак Яковлевич открывался нам как мудрец и как человек, несомненно, ориентированный на гуманитарную культуру. Причем в широких границах культуры: он был чуток к высокому искусству; считал заслуживающими самого пристального внимания философа народные пословицы и поговорки; в естествознании особый интерес у него

* Опубликовано: Субботин И. И. Как далай-лама 14-й помог мне понять И. Я. Лойфмана // Вестник Гуманитарного университета. Екатеринбург. 2017. № 4 (19). С. 119–122.

вызывала именно история науки, личность исследователя. Да и в сфере собственно философии он без всякой вражды и даже ласково мог оценить «идейно чуждые» философские направления, сосредоточенные на анализе тонких культурных и личностных материй. Конечно, подобную оценку он позволял в контексте, которому доверял, и в тех формах, которые «не выходили за рамки». В связи с последним (с ласковой оценкой «идейно чуждых тонкостей») мне вспоминается его поразительная рецензия на мою методичку по теории познания экзистенциализма. Тема эта досталась мне на заседании кафедры по разрядке и поначалу казалась рутинной обязанностью, но неожиданно увлекла, и, как говорится, не от большого ума, а от чистого сердца я выдал на-гора страниц тридцать рукописного текста. Отпечатать на машинке методичку, статью, не говоря уж о диссертации, в докомпьютерную эпоху (для тех, кто этого не знает) было большой проблемой; у нас на кафедре этим даром, среди прочих своих талантов, обладал только незабвенный Дан (Даниил Валентинович) Пивоваров, остальным надо было стоять в очереди к секретарям-машинисткам, которые были в общем-то людьми отзывчивыми, но занятыми. Короче, свой многостраничный труд я в нарушение норм, хотя и не очень строгих, отдал рецензенту, а им был И. Я. Лойфман, в рукописном виде. Исаак Яковлевич принял текст без выражения неудовольствия, что тоже характеризует его. Впрочем, сейчас речь не об этом. Я с трепетом стал ждать рецензию: повторяю, писал я с увлечением и многое открыл для себя в ходе той работы. И вот Лойфман вручает мне рецензию; ошарашено смотрю на листочек, где замечательным почерком Исаака Яковлевича переписано... стихотворение Рильке. Никаких выводов, вроде «принять за основу», никаких замечаний о том, в каком направлении дорабатывать и пр. Стихотворение (причем довольно длинное) – и все! Но при этом стихотворение Рильке, действительно, очень точно перекликалось с феноменологической трактовкой познания...

Так вот: Рильке, история театра и науки, пословицы и поговорки и много еще чего, а главное образ жизни мудреца – это, с одной стороны. А с другой, в лекциях по диамату, в спецкурсах, которые читал Исаак Яковлевич и которые были прекрасно выстроены и высоко ценились всеми добросовестными слушателями, в этих лекциях тонкие материи мира культуры были затушеваны. В них предстал в виде бы другой Лойфман: сциентист, ортодоксальный

проповедник материализма и диалектики. Восхищаясь первой ипостасью своего учителя и отдавая должное второй, мы все же считали эту вторую вынужденной формой существования, своеобразной маской, с которой Исаак Яковлевич талантливо сжился и которую сделал своим вторым Я. И все же в таком ответе было какой-то изъян, ощутимый, как мне кажется, не только мной, но остававшийся без особого внимания. Объяснение-то такой раздвоенности было вполне приемлемым: в жизни советского человека обычное дело – скрывать свои истинные убеждения, говорить Эзоповым языком, маскироваться, приспосабливаться. И только спустя годы лично для себя я открыл, что и первый, и второй Лойфман были подлинными, и вторая его ипостась существовала вовсе не для прикрытия, более того без нее первая была бы неполноценной. А сделать это личное открытие мне помог никто иной, как Далай-лама 14-й.

Случилось так, что пять лет назад я оказался в больнице, предстояла операция. Пока я готовился к этой непростой процедуре, меня навещал Гена (Геннадий Эдуардович) Бурбулис. Среди прочего он считал важным снабжать больного духоподъемной литературой. Одной из принесенных им книг была «Путь истинного лидера», представляющая собой запись бесед известного консультанта по вопросам управления ван ден Майзенберга с Далай-ламой. В расслабленном состоянии, но с интересом я споро перелистывал страницу за страницей и вдруг не то что споткнулся, а просто оторопел: трудно описать мое удивление – что такое! – будто я читаю не лидера буддистов всего мира, а конспект лекций Лойфмана или учебник Руткевича. Черным по белому: принципы (концепции) причинно-следственной связи, взаимозависимости (всеобщей связи), изменчивости представляют основу правильного воззрения на мир.

Вообще-то я знал, что Далай-лама познакомился с марксистской философией еще в середине 50-х гг. и сохранил приверженность ей до наших дней, что подтверждает его знаменитое выступление 2008 г. в Ахмедабадском институте менеджмента (Индия), где Далай-лама заявил: «Я монах-марксист, буддист-марксист. Я принадлежу к марксистскому лагерю, поскольку в отличие от капитализма марксизм более этичен...» Но, как известно, марксизм можно понимать по-разному и ориентироваться на разные источники, преподносящие его; можно держаться разных формулировок его основополагающих принципов. И меня поразило то, что в «Ис-

тинном пути лидера», монах-марксист указывал принципы марксистской философии в том их изложении, на том языке (принцип причинно-следственной связи, принцип всеобщей связи, принцип изменчивости), с которым только и были знакомы в Советском Союзе миллионы студентов, претендентов на кандидатские степени, слушатели университетов марксизма-ленинизма и многие другие. Иногда, в прямом смысле этого слова, до боли знакомы (учитывая, что изучение философии носило для этих категорий советских людей характер обязательной повинности). Это было изложение, которое не присутствует буквально у Маркса (в известной мере находим его у Энгельса в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы», но все равно иное). Оно представляет собой переработку идей основоположников, приспособленную для учебников, энциклопедий и словарей. И вот тут надо отметить следующее: такая переработка (если она, конечно, не оторвана от жизненных истоков) дает вовсе не второсортный продукт, она – необходимый этап всякой завершенной системы философии. В этой своей завершенной форме она движется от жизни к принципу, от принципа к философской системе (не путать с системой философии) и от философской системы возвращается к жизни в виде текстов, ориентированных на разъяснение, популяризацию, на воплощение в практику и образ жизни. Формулировка воодушевивших Далай-ламу принципов позволяет предположить, что он почерпнул их именно из учебников по марксистской философии, скорее всего, из переводов советских книг. Вряд ли в Китае в 1954–1955-м гг. были другие марксистские учебники, а если и были, то, наверняка, опирающиеся на советскую философскую литературу. Да и позже, уже находясь за пределами КНР, Далай-лама мог сохранить интерес именно к переводным советским учебникам. (Кстати, если это предположение верно, любопытно было бы узнать – к каким именно).

Однако сейчас важнее другое: прописные принципы диалектики для Далай-ламы – основа жизненных практик, этической, гуманитарной сторон жизни человека: «Понять концепцию правильного воззрения достаточно легко, однако правильное применение этой концепции требует определенных навыков... Понимание перечисленных выше принципов – это первый шаг, однако человек, принимающий решения, и после этого должен много думать, учиться приводить к общему знаменателю противоречащие друг другу цели, взвешивать краткосрочные и долгосрочные послед-

ствия и учитывать интересы разных сторон. Применение этих концепций требует практики, а с практикой приходит мастерство». И еще: «Никогда не забывайте о принципах правильного воззрения и правильного действия, активно применяйте эти принципы на практике. Это позволит вам всегда принимать правильные решения». Именно так свежему, «незамысленному» взгляду Далай-ламы открылись те принципы, диалектики, которые многими из нас воспринимались школярски, поскольку достались просто по праву рождения в Советском Союзе, где их требовалось знать по вузовской учебной программе; открылись как фундамент правильных поступков человека. Если круг читателей приведенного выше текста Далай-ламы, написанного, конечно же, не по долгу службы, если этот круг ограничить нами, сдавшими в свое время экзамен по диалектике, то послание авторитетнейшего лидера современного мира, и к тому же очень умного и искреннего человека, можно прочитать и так: уважаемые ребята, для обязательного изучения вам досталась совсем не плохая философия, умеете ее практиковать.

Возвращаясь к Исааку Яковлевичу: он-то, не афишируя того, как раз соединял концепции, которые преподносил на лекциях, с этикой, с гуманитарной сферой, с жизненными практиками. Казалось бы, «сухие» и лишённые всякого философского изыска принципы диалектики, другие положения лекций Лойфмана на самом деле были заряжены для него мощной энергией постижения мира и созидания человеком своей жизни. Никакого разрыва между первой и второй ипостасями Исаака Яковлевича, о которых сказано выше, не было. Никакой раздвоенности. Вот к такому простому выводу помог мне придти Далай-лама 14-й. И даже совестно от того, что потребовалась эта помощь: ведь рядом долгие годы был сам Лойфман.

Ставлю точку и живо вижу, как Исаак Яковлевич хихикает по поводу здесь написанного.

Кандидат философских наук, доцент,
ранее – доцент УрГУ и УрГУПС, ныне – предприниматель
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: iv_sub@list.ru

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ И. Я. ЛОЙФМАНА

TRAITS TO I. YA. LOYFMARN'S PORTRAIT

Аннотация. Текст представляет собой ответы И. Я. Лойфмана на вопросы двух анкет. Его отношение к жизни выражено в оценке Дня Победы и восприятия Нового года.

Ключевые слова: День Победы, судьба страны, душа народа, Новый год, творческая жизнь.

Abstract. The paper represents the I. Ya. Loyfmarn's answers on the two questionnaires. His attitude to life is expressed in the estimate of the Victory Day and perception of New Year.

Key words: a Victory Day, a fortune of land, a soul of nation, New Year, a creative life.

В моем архиве редактора стенгазеты философского факультета «Логос» и стенгазеты Института повышения квалификации (во время пребывания в ИПК в качестве слушателя) сохранились ответы И. Я. Лойфмана на вопросы двух анкет. Первая относится к 1975 г., и ее вопросы связаны с тридцатилетием Победы. Вторую анкету точно датировать не могу, она появилась где-то во второй половине восьмидесятых годов и посвящена очередному Новому году. В коротких ответах Исаака Яковлевича на незамысловатые вопросы анкет проступают интересные моменты его биографии, его талант мудрого восприятия и освоения жизни.

Анкета стенгазеты «Логос»

Газета «Логос» готовит номер, посвященный 30-летию Победы. Редакция просит Вас, уважаемые преподаватели, ответить на несколько вопросов.

Вопрос: Как вошел в Вашу жизнь день 9 мая 1945 г.?

И. Я. Лойфман: К 9 мая 1945 г. я пришел, имея за плечами три рабочих года на Свердловском заводе № 734, изготовлявшем ре-

зиновые детали для танков и самолетов. Помню, как сейчас, детали 555-20-50 и 89-90. «Мы победили!» – так прежде всего вошло в нашу жизнь 9 мая 1945 г. А затем были планы на мирную жизнь, на учебу.

Вопрос: Как, на Ваш взгляд, отразилась война на поколении, ее пережившем? Что отличает это поколение?

И. Я. Лойфман: Личная ответственность за судьбы страны – характерная черта поколения, пережившего войну.

Вопрос: День Победы – особый праздник. Какие мысли и чувства он у Вас вызывает?

И. Я. Лойфман: День Победы всегда вызывает у меня чувство гордости за свою страну.

Вопрос: В каких произведениях искусства, на Ваш взгляд, война отражена наиболее правдиво и полно?

И. Я. Лойфман: Песня – душа народа. «Священная война» – наиболее правдивое воплощение мироощущения нашего народа в Великую Отечественную войну.

Примечание:
ответы на вопросы И. Я. Лойфман дал письменно

Анкета стенгазеты ИПК

В преддверии Нового года наша газета обратилась к преподавателям и слушателям ИПК с просьбой ответить на вопросы, связанные с этим праздником.

Вопрос: Ваш самый памятный Новый год?

И. Я. Лойфман: Для меня самым памятным был переход от 1941-го к 1942-му году. В то время я оказался в Тугулымском районе, в Луговском сельсовете. Был там такой центр по ремонту автотранспортной техники, который одновременно представлял собой и культурный центр. И должен сказать, что, действительно, уровень культуры там был высоким. С тех пор мне не очень нравятся рассуждения о деревне как о месте, где культура не может соответствовать высокому образцам. В той деревне, о которой говорю, я приобщился к культуре лучше, чем где-либо. В тот год я учился в 7-м классе – возраст очень важный для формирования человека.

И мне повезло, что в этом самом Луговском оказались прекрасные учителя, просто как на подбор: и учительница по математике, и по литературе, и физик, и другие. У них можно было научиться многому. Я впервые серьезно познакомился с историей искусства, науки именно там. До сих пор храню сделанные в то время выписки из словаря Граната. Все зависит от людей... Так мне запомнилась трудная для страны зима 41–42 года.

Вопрос: Что бы Вы почувствовали и что предприняли, если бы Новый год вдруг отменили?

И. Я. Лойфман: Скажу так: надо было бы выступить против такой отмены. Такие даты народом введены не случайно. В эти дни каждый должен остановиться и подумать о прожитом. И еще: к сожалению, в 20-м веке почти на нет сошло эпистолярное искусство. А в такие дни, предновогодние, оно оживает. Праздники в наши дни – это последнее убежище эпистолярного искусства.

Вопрос: Что по случаю Нового года Вы пожелаете своим друзьям и врагам?

И. Я. Лойфман: Остановлюсь на друзьях. В свое время Л. Толстой на вопрос: «Как живете?» – отвечал: «Слава Богу, спокойно». Другим и самому себе хотел бы, вслед за Толстым, пожелать беспокойства. Беспокойство – это признак наполненной, творческой жизни.

Примечание:
ответы И. Я. Лойфмана записаны мной – И. Субботин

Доктор философских наук, профессор,
ректор НО ВО «Гуманитарный университет», заведующий кафедрой истории
философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия)
E-mail: u4345laz@gmail.com

**М. Н. РУТКЕВИЧ – ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ СЫН
ПРОТИВОРЕЧИВОГО ВРЕМЕНИ
(воспоминания и размышления)**

**M. N. RUTKEVICH – A CONTROVERSIAL SON
OF THE CONFLICTING TIME
(memories and reflections)**

Аннотация. Статья посвящена создателю и первому декану философского факультета Уральского университета Михаилу Николаевичу Руткевичу. Основная идея статьи: в сознании и деятельности, чертах характера и противоречиях незаурядных людей наиболее репрезентативно и ярко проявляют себя особенности и противоречия социокультуры определенной исторической эпохи, конкретного типа цивилизации. Автор вспоминает и осмысляет события жизни Руткевича, противоречивые черты его сознания, жизненного стиля, социального поведения, выразившие особенности советской цивилизации.

Ключевые слова: М. Н. Руткевич, философский факультет Уральского университета, советская система, советская философия, разные версии марксизма, советская социология, противоречия сознания и поведения личности при советском социализме.

Abstract. The paper is devoted to Mikhail Nikolaevich Rutkevich, the founder and the first dean of the Faculty of Philosophy of the Ural State University. The core idea of the article is that specific features and contradictions of a certain historic epoch, a particular type of civilization manifest themselves in the most representative and striking manner in minds and activities, traits of character and contradictions of outstanding people. The author recollects and wraps his mind around the events of M. N. Rutkevich' life, controversial features of his mind, lifestyle, social behavior which expressed specificity of the Soviet civilization.

Key words: M. N. Rutkevich, the Faculty of Philosophy of the Ural State University, the Soviet system, the Soviet philosophy, different versions of Marxism, the Soviet sociology, contradictions of the individual' consciousness and behavior in the days of the Soviet socialism.

Советская история, как все, что история, уже – прошлое. Со скрипом, нехотя, через сопротивление «структур», «культур» и «ментальностей». Да что там – корневых привычек миллионов. Даже, кажется, и тех, кто совсем немного жил в Стране Советов, а то и не жил вовсе. И там, где сила этих привычек-привязанностей ума, чувств, габитусов людских сильнее зовов и императивов сегодняшнего дня, зовов наступающего будущего – там застой, провал, мертвая социальная ткань, по известному выражению Маркса, «хватаящая» живых. Потому так нужна сегодня не просто академическая «история» – хоть и она, напоминающая, «как было на самом деле» (О. Ранке), еще как нужна. Нужна чуткая рефлексия, глубокая мировоззренческая работа с гигантским опытом уходящей под воду советской цивилизации. Той, в которой так поразительно соединились невиданные взлеты и творческие прорывы со страшными падениями, провалами, «нисхождениями во ад», лучшие, способные творить чудеса и подвиги, черты человеческой природы (= культуры) – и ее «оборотные»: чудовищные, воистину дьявольские, деструктивные, низменные и самоубийственные свойства. И не только в предельные «минуты роковые» мира, каких в минувшем веке было столько, что хватало бы на множество веков, но и в самой обыденной, «рядовой» повседневности.

Советский опыт – важнейший для России, ее коллективного сознания, ее социогуманитарной науки объект осмысления, анализа, интерпретации, объяснения и – куда без этого – оценивания. Все, без исключения, его аспекты: все стороны жизни советского общества, все его структуры и механизмы, институты и иные инструменты социального саморегулирования, самовоспроизводства и трансляции во времени. И все субъектно-субъективные его основания и порождения. «Солярис» советской ментальности. Жизненный, субъективный, духовный миры рожденного советским опытом культур-антропологического типа: Хомо советикус. В постсоветское время такой анализ проводили социологи (известны, в частности, солидные работы Ю. А. Левады с учениками, социологами РАН), психологи, культурологи и культур-антропологи (в частности, работы Н. Н. Козловой, П. Вайля и А. Гениса). Занималась такого рода осмыслением и постсоветская художественная литература, к сожалению, в очень скромных масштабах и со столь же скромными художественными результатами (а театр и кино, насколько я могу судить, этим почти не занимались). Однако наука тяготеет все-таки пока к исследованиям «массового» человека, представителя-носи-

теля, так сказать, усредненно-типичных черт и особенностей. Хотя, как показывают работы талантливых исследователей (см., например, написанную Ю. М. Лотманом биографию Н. М. Карамзина и недавнюю книгу А. Г. Зорина «Появление героя») и что, замечу, вытекает из давно установленной специфики гуманитарных наук (см. работы Г. Риккерта, В. Дильтея, М. М. Бахтина), наиболее полно и рельефно, типически репрезентативно и ярко проявляются особенности социокультуры и субъективности/ментальности конкретной эпохи в судьбе, социальном (жизненном) поведении и сознании как раз людей незаурядных, выдающихся и в этом смысле *исключительных*.

Именно к категории таких исключительных во многих отношениях людей относился и Михаил Николаевич Руткевич (1917–2009), создатель и первый декан философского факультета Уральского государственного университета, учиться у которого довелось и мне, студенту второго (1966) набора на факультет (как раз в этот год философское отделение истфака обрело статус факультета). Еще в давние годы нашего общения с М. Н., наблюдая за ним, реагируя на его дела, поступки и слова, я часто думал, что он вполне мог бы стать (и даже, мне казалось, должен был бы стать) героем романа. В те годы или чуть позже в «Новом мире» был напечатан роман Александра Крона «Бессонница», сложный, противоречивый герой которого напомнил мне Руткевича – только Руткевич мне казался еще более сложным, интересным и, значит, заслуживающим писательского внимания. Теперь, когда «эпоха Руткевича» закончилась, и многое в ней видится совсем иначе, когда мы лучше понимаем ее «законы» и ее, как говорят в театре, «предлагаемые обстоятельства», когда и самого М. Н. нет на свете – с, так сказать, исторической дистанции, мы можем более адекватно увидеть и понять и уникальность, и репрезентативность, социальную типичность нашего декана, масштаб его личности, ее противоречивость и выдающиеся свойства в их нередко «амбивалентном» значении. И через нее лучше понять эпоху, цивилизацию, мир, к которым принадлежал М. Н.

Начну с той «темы», что нас с М. Н. свела более полувека (а если точно – 52 года) тому назад и которая стала, уверен, одной из самых значительных вех биографии и заслуг-достижений М. Н. Я говорю, разумеется, о создании и первых годах существования философского факультета в УрГУ (ныне УрФУ). На дворе уже, фактически, конец недолгой «оттепели», которая отозвалась оживлением и обновлением не только в общем настроении советского социу-

ма и его искусстве, но и в предельно идеологизированной, а потому и контролируемой властью сфере философии. И, тем не менее, и здесь ветры времени сделали свое дело. Можно сказать, что только с этого периода советская философия, не теряя своих идеологических опор и ориентиров, все же перестала быть одной только «служанкой» компартии и ее политики. О чем говорит хотя бы факт возникновения философских «специализаций» и появления профессионально и без сиюминутных оглядок на решения последних съездов КПСС написанных текстов по онтологии, теории познания, социальной философии (тогда, конечно же, истмата) и даже этике и эстетике. Появились новые теоретические концепции и методологические подходы, например, деятельностный и аксиологический. Целые разделы философского знания, например, теория ценностей, философия культуры и на тот период теснейшим образом связанная с философией социология (к чему М. Н. тоже имел отношение). Появились, соответственно, и философы. Не брошенные партией на/в философию комиссары-идеологи, вроде М. Б. Митина или П. Н. Федосеева, Б. Н. Пономарева или главного такого «философа» в Свердловске, повышенного позже до Москвы, М. Т. Иовчука, а действительно философствующие: рассуждающие по поводу нерешенных проблем философии (оказалось, между прочим, что классики марксизма-ленинизма не все проблемы решили-«закрыли», что-то осталось и даже появляется вновь – вместе с меняющейся жизнью). И философы эти, оказалось, мыслят по-разному, несмотря на все официальные катехизисы и обязанность постоянно на них оглядываться, ссылаться и интеллектуально следовать в их фарватере. Да и с самими «катехизисами» оказалось все не так просто и ясно. В 1956 г. – году исторического XX-го партсъезда вышел сборник трудов Маркса и Энгельса «Из ранних произведений», спутавший многие идеологические карты, но давший толчок философским исканиям, вернувший в российскую советскую философскую культуру ряд до того не признававшихся и даже вполне официально запрещенных тем-проблем, например, и прежде всего, – проблему человека. Словом, в философии СССР началась новая эпоха. Тут вообще-то возникают поводы для интересных и действительно пока не имеющих вполне исчерпывающего ответа культурологических вопросов. Например, откуда среди мертвечины и «жвачки» советской догматической квази-философии, эпигонской по отношению к «основоположникам», среди банальных

повторений плоских общих мест, преимущественно сталинского происхождения, – откуда на этом «выжженном поле» могла родиться свежая, неформально новая и недогматическая мысль? Откуда – при жесточайшем контроле и господстве правящей идеологии – могли появиться в самой советской философии достаточно самостоятельно и творчески, критически и по-новому мыслящие люди? Видно, «выжечь» в свое время удалось не все. И даже уничтожаемая и гонимая «культура прошлого» в той или иной форме (не уничтоженные книги и журналы; ментальные традиции и навыки, следы и отголоски философских дискуссий) сохранилась и питала молодые пытливые умы. А мыслящие люди и есть главные хранители, трансляторы и, главное, творцы нового мировоззренческого содержания социокультуры, умеющие рождать новые подходы и идеи «из материала» не уничтоженных остатков прошлой философской культуры и воздуха-духа современности. Бывший фронтовик Руткевич – сын старого дореволюционного интеллигента Николая Паулиновича Руткевича, доцента-историка – был из этого поколения верящих в коммунистическую идею, но жаждущих ее обновления вместе с обновлением всей общественной жизни, чувствующих «идеи времени и формы времени» шестидесятников, в философии, кстати, много менее романтических, чем, скажем, в поэзии. Руткевич отлично понимал, что в таком промышленном и культурном регионе страны, как Урал, необходима живая современная философия, для чего нужны современно мыслящие философы. А, значит, необходимо специальное философское образование. И он, в те годы полный сил, идей и шестидесятнического воодушевления фронтовик-коммунист-философ, «пробил» создание философского факультета. И сделал его таким, каким считал нужным, должным. Каким?

Тем, кто учился на философском в годы деканства Руткевича, невероятно повезло. Я – один из этих счастливицков. Наше везение и счастье складывалось из нескольких достоинств реализованной М. Н. модели обучения и жизни факультета. Во-первых, невероятная предметная широта учебного плана и солидность изучения каждой дисциплины. От страшной для всех философов математики до истории мировой литературы, от физики, химии и биологии до несколько семестров изучавшейся всеобщей истории и истории СССР. Протяженность курсов дополнялась и украшалась их авторским характером, причем авторами выступали лучшие, наиболее выдающиеся специалисты университета и академической науки.

Мы слушали мудрого и афористичного физика Абрама Кикоина, главных химиков университета В. И. Есафова (органика в поэтической упаковке) и В. П. Кочергина (неорганика), биологов: академика, директора института экологии УРО РАН С. С. Шварца, будущего академика А. Т. Мокроносова, профессора Н. Н. Данилова. Историю нам читал весь цвет истфака, включая великого М. Я. Сюзюмова. Высшую математику – точный и немногословный Н. Ф. Сесекин. Историю всемирной литературы – влюбленный в нее В. П. Лукьянин, будущий главный редактор журнала «Урал» и писатель. Сюда же можно добавить «инкрустации» вроде курсов еще недавней «продажной девки империализма» кибернетики, матлогики, астрономии и даже ораторского искусства.

Во-вторых, собственно философская часть учебного плана была фундаментальна и исполнялась лучшими по тому времени силами города. Знаменательно было огромное количество часов, отданное истории философии. Классики изучались тщательно, подробно, с опорой на источники, а главное – уважительно, без особо рьяной критики (что было советским обычаем). В. Т. Звиревич, тогда совсем молодой, но уже мудрый, как его персонажи, блистал в истории античной философии. К. Н. Любутин и И. В. Владимирова погружали в подробности и тонкости немецкой классики. Молодые их коллеги: М. А. Малышев, А. Г. Кутлунин увлеченно рисовали картину пост-классики (неокантианцы, философия жизни, экзистенциализм). Фундаментально и ярко читались основные составляющие философского знания. Мы быстро поняли, что Руткевич «слабаков» не любит и не держит, «ансамбль» исполнителей-философов включал яркие индивидуальности, и каждая была весомым вкладом в наше образование. Диаматчики Е. Ф. Молевич, Г. И. Бондарев, В. В. Ким и самый авторитетный, самый глубокий и мудрый, самый любимый навсегда – Исаак Яковлевич Лойфман. Истматчики: ярчайший, остроумнейший и эксцентричный Л. Н. Коган, отлично подкованный в западной социологии О. Н. Жеманов, близкий нам молодостью и чувством юмора, еще недавний выпускник МГУ Н. В. Иванчук; этику читал будущий (второй по счету) декан Л. М. Архангельский; эстетику – импозантный и остро чувствующий новое, хорошо знающий как первобытное (автор книги о нем), так и новейшее искусство А. Ф. Еремеев, «атеизм» (по сути же философию религии) – знающий, кажется, все на свете В. И. Колосницын. Все – прекрасные лекторы и демократичные коммуникаторы, люди

передовых по тем временам позиций. Никогда никаких претензий к качеству или чему-то еще. Говорю об этом не только как о заслуге декана Руткевича, но и для того, чтобы подчеркнуть: в столь мощном контексте-«оркестре» сам М. Н. в качестве лектора (фундаментальный, опирающийся на естествознание и уже социологию курс диалектического материализма) был неподражаемо прекрасен. Я, во всяком случае, на лекциях М. Н. не только загружался «под завязку» разнообразнейшей информацией как философского, так и научного, а также общественно-культурного характера, но и постоянно переживал эстетический кайф: столь совершенны логически, композиционно, речево, интонационно, общенчески были его лекции. Пишу, и в памяти оживают эти образы и эмоции, вновь дарящие «радость повторения», как говорил Мандельштам. Руткевич-лектор был хорошо подготовленный импровизатор. Абсолютное владение материалом и формой, свобода, у нас на глазах превращавшаяся в стройное, продуманное и выразительное художественное, я не преувеличиваю, высказывание. Для меня в этом была не только красота, но и какой-то неизбывный шарм. Откуда он рождался? Я думаю, из сложения нескольких моментов лекторского мастерства М. Н. Внешность: всегда с иголочки, элегантно и слегка небрежно одет; читая лекцию, расстегивал пиджак и упирал «руки в боки», открывая белоснежную рубашку (галстук не обязателен), красивый кожаный ремень; но никакой «ораторской» позы: не торопясь, «по-домашнему» уютно, внимательно и дружески, ухмыляясь своей знаменитой «кривой» усмешкой, глядя на слушателей, он расхаживал по аудитории, говорил не «как по писаному», а как бы размышляя вслух, собирая материал (всегда много и разного) и, обдумывая его публично, вступая нередко в полемику с виртуальными оппонентами, двигался к выводам. Интонация: очень располагающая, «уподобляющая» слушателей своей органикой, естественностью и какой-то, неожиданной при разговоре на часто весьма непростые и «абстрактные» темы, домашностью. При этом прекрасная дикция, литературно безупречная, богатая во всех отношениях, включая эмоциональные обертоны, речь. Кстати, и неторопливая, так что, слушая, думая и кайфуя, я еще успевал и записывать. Хотя ведь у нас был изданный в Москве его знаменитый, имевший два издания учебник по диамату. Но даже и обновленное второе издание никогда не совпадало с устными лекциями, всегда не только здесь и сейчас выстраиваемыми, но и всегда

наполненными информационно-событийно свежим «контентом». К тому же в учебнике не было, как в лекциях, постоянных отсылок к художественной литературе, сиюминутных реакций «на злобу дня», наконец, персональной полемики (о ней я еще скажу). Как успевал М. Н. упаковать столько информации в одну «пару», до сих пор не понимаю. Мы ждали его лекций.

Хотя не только с предвкушаемым удовольствием, но и со страхом. Руткевича вообще боялись. Как его подчиненные, так и студенты. Он был довольно жестким руководителем. Любил четкий порядок во всем и добивался его. Но он также любил, чтобы его слушались, быстро и качественно выполняли его указания. Видно было, что ему нравится руководить, властвовать. И что его психотип «подходит» для властных функций: М. Н. был человеком ярко и мощно выраженной субъектности, от него исходило ощущение могучей воли, непрерывной и подчиняющей себе других инициативы, решительности и смелости. Не помню ситуаций, когда бы его «придавливали», подминали под себя обстоятельства. Все это и в самом деле давало ему обоснованное право не только на лидерство, но и на власть. И он, несомненно, знал себе, своим лидерским качествам цену. В укорененной в постсталинском советском обществе системе властных отношений, где важнейшим обычаем даже довольно высоких уровней управления была постоянная оглядка и опора на поддержку вышестоящих инстанций, демонстрация «связей», управленческий стиль Руткевича, несомненно, отличался от «принятого» своей самодостаточностью, внутренней свободой и силой, подчас отдававших самоуверенностью. И дело было не в доверии и гарантиях «свыше» – в этом была индивидуальность М. Н., чреватая ведь не только жесткостью к подчиненным, но и риском конфликтов с высоким начальством, ревниво следившим, чтобы никто не выходил «за рамки». И такие конфликты возникали достаточно часто. Но Руткевич начальства не боялся и перед местным руководством не прогибался. Но и на проштрафившихся (а порой, и просто на антипатичных ему) преподавателей, сотрудников и студентов обрушивался всей силой своего властного характера. Силу его разносов испытали на себе многие подчиненные М. Н. Но также и силу его ядовитой, порой переходящей в сарказм иронию. Незаурядный острый ум М. Н., его бойцовский темперамент отлично помогали его выдающейся воле. Это еще больше усиливало мощную властную и грозную ауру Руткевича. В нашем же восприятии

М. Н. к этому добавлялся его запредельный философский и личностный авторитет – не «начальника», а умнейшего человека, сильной личности и «главного философа» (других крупных философов мы на тот момент лично не знали). Так что он был для нас небожителем. И вот этот небожитель мог по ходу лекции вдруг обратиться с вопросом к студенту или, чаще, студентке: что она думает о том-то и о том-то? Ответы редко были вразумительными: девушки-жертвы, услышав вопрос, переставали соображать вообще и были близки к потере сознания. Еще М. Н. любил спросить аудиторию, читали ли они такую-то книгу, чаще художественную. Все, естественно, сразу бросались разыскивать и читать названное «шефом» произведение. Наконец, страшились мы и всплесков иронии М. Н., когда во время лекции он вдруг начинал обсуждать что-то из факультетской жизни, нередко говоря иронически о ком-то из присутствующих. Тот, как правило, «скукоживался» и «тихо оседал» – под сочувственные взгляды товарищей. Так что упомянутый выше шарм порой плавно переходил в оторопь и вполне весомый ужас. Девушки могли и заплакать от эскапад нашего грозно-ироничного декана.

И все же жизнь «под Руткевичем» была насыщенной, творчески напряженной, отличалась высокой энергетикой и содержательностью. Он все окрашивал в личностные тона – своим присутствием и активным участием. Ни один декан философов впоследствии так активно и увлеченно не участвовал в так называемой «студенческой жизни». Руткевич приходил на многочисленные диспуты, политбои (очень популярный тогда у нас жанр), часто лично возглавлял жюри смотров «худсамодеятельности». Ему это было интересно. Помню, как он настоял на присуждении первого места выступлению нашего курса – поставленной мной постановке про «отчуждение» с драматическими стихами, гротескными сценами и мрачным, апокалиптически-пессимистическим финалом. Именно этот пессимизм и вызвал недовольство большинства сидевших в жюри преподавателей, что ни говори, исповедовавших (без выбора) философию исторического оптимизма. Но Руткевич отстоял (своим авторитетом) наше право на свое видение, сказав, правда, в наше оправдание: речь ведь о капитализме.

Тут я уже не могу продолжать свои воспоминания, не говоря об «амбивалентности», противоречивости личности М. Н. – человека, философа и руководителя. Одной, светлой или темной, краской его портрет не напишешь: будет неправда. Мне теперь кажется, что М. Н. был противоречив буквально во всем. О стиле руководства

я уже начал говорить. Но и тут он был не только жестким, но и очень внимательным, умел заботиться и поддерживать. Правда, в этом был очень тенденциозен. Если невзлюбил кого-то, то переубедить его было невозможно. Но показательно, что причины нелюбви были, как правило, только две: интеллектуальная ограниченность (не выносил дураков и примитивов) и низкий уровень духовной культуры. Так, вечно цеплялся к признанной первой красавице моего курса, в том числе на лекциях, так как (не совсем безосновательно, но и несправедливо «в целом») определил для себя ее как недалекую и «слишком простую». Но ведь, с другой стороны, почему-то сильно поддерживал совсем неталантливых «выходцев из народа», будто чувствовал вину и ответственность за них, помня о «государстве рабочих и крестьян». А с теми, кому «культурно» симпатизировал, позволял себе управленческую терпимость, веселый «игровой» тон и даже общение на равных. Помню, как он приветствовал моего друга-сокурсника, незадолго перед этим «идеологически» проштрафившегося и получившего выволочку от декана, а тут появившегося на лекции в импозантном модном пиджаке: «Миша, да вы эстет!». Мой находчивый друг тут же протянул М. Н. бумажку и ручку: «Михаил Николаевич, напишите, пожалуйста, мне это и распишитесь!». Что М. Н. и сделал, веселясь вместе со всеми, кто был рядом.

Я уже сказал, что для нас, особенно на первых курсах, Руткевич был и формально, и неформально «главным философом». Понятно, что его философские взгляды, ориентации, интерпретации и оценки обладали безусловным авторитетом и – в ряду иных воззрений – несомненной приоритетностью и предпочтительностью. Потребовалось немало времени и нашей умственной работы, знакомство с другими философскими взглядами, пока мы (отнюдь не все, замечу, студенты М. Н.) сумели выйти из-под безоговорочного влияния и некритического приятия философских взглядов Руткевича. Тогда мы более осознанно и адекватно сумели воспринять и их своеобразие и истоки, и их «избирательность» и односторонность.

Нет сомнений, что большую роль в особенностях «философии Руткевича» сыграло его физическое образование. Философия поэтому связалась в его сознании, прежде всего, с естественными науками, а в ней доминировала «онтология природы», физическая, химическая и биологическая формы самоорганизации и движения материи (сама тема-проблема «форм движения материи», во многом подсказанная как раз «естественно-научной парадигмой», соот-

ветственно, потому же и стала одной из доминирующих). Он, таким образом, оказался принадлежащим тому «варианту», той «версии» марксистской философии, которая продолжила «линию Энгельса», развивавшуюся им в «Диалектике природы». Это версия имела свои несомненные достоинства. Сама ориентация на науку, «настоящую» науку, какой считались науки естественные, была важна как выражение здорового и необходимого процесса деидеологизации советской философии и ухода от схоластической демагогии сталинского времени. Философские обобщения обязаны были соответствовать научным данным, подтверждаться ими, а не носить спекулятивного характера (помните гегелевское знаменитое: «если моя философия противоречит фактам, то тем хуже для фактов»? но куда было гегелевской дедукции до абсолютно «спекулятивных конструкций» философов, обслуживавших политику Сталина, да и более поздней поры, когда требовалось обосновать вначале тезис «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», а потом идеологию будто бы достигнутого «развитого социализма»). Важно также было и то, что именно это направление, утверждавшее необходимость научности, в том числе верифицируемости и доказуемости философских идей, непремennую их опору на научные знания, оказалось той интеллектуальной силой, на чью долю в большой степени выпала задача практической реабилитации и легитимации новейших наук, мракобесно преследовавшихся сталинизмом: генетики, кибернетики, квантовой механики, биофизики, теории информации, семиотики. К сожалению, голосуя «одной рукой» за теснейший союз философии и науки, в частности и прежде всего, философии и естествознания, это направление «другой рукой» утверждало давнюю претензию философии быть «теорией всего», «наукой наук», создателем исчерпывающе полной и истинной «научной картины мира», исправляя при этом «ошибки» неизбежно «ограниченных» представителей наук конкретных (в ответ немедленно возникла противоположная крайность, не лучше этой: никакой философии как онтологии быть не может, ее задача и роль – быть методологией познания).

Но это не был единственный недостаток данного течения. «Диалектика природы» отодвигала на периферию, а то и просто игнорировала «диалектику общества», «диалектику культуры» и «диалектику человека». Что уже явно входило в противоречие с потребностями и императивами общества и его эволюции. Тем более это было странно и архаично на фоне существенно изменившегося сво-

да «священного писания» марксизма. Я говорю о влиянии на умы многих марксистов, как у нас, так и за рубежом, опубликованных незадолго до этого марксовых «Экономическо-философских рукописей 1844 года», где сциентизму позднего Энгельса противостоял гуманизм раннего Маркса, а философии природы – философия практики (А. Грамши именно так определил существо философии самого Маркса), философия порождаемого коллективной практикой людей культурно-исторического процесса. Здесь были глубокие идеи, очерчивающие контуры современного марксизма, включающего философскую антропологию, теорию ценностей (аксиологию), наконец, философию культуры. Какие-то из них сознание Руткевича-философа не заметило, какие-то его не заинтересовали, а какие-то, в силу разных причин, оно не приняло и оттолкнуло. Западные марксисты (франкфуртская школа в Германии, Р. Гароди и Л. Альтюссер во Франции, Л. Колаковский и З. Бауман в Польше, группа «Праксис» в Югославии) восприняли их раньше советских, но потом и наши талантливые шестидесятники подхватили эти темы и идеи молодого Маркса (М. Мамардашвили, Э. Соловьев, Ю. Давыдов, Г. Батищев, О. Дробницкий в этике, М. Каган в эстетике, наконец, главный объект философской неприязни М. Н. – Э. Ильенков). Особенно остро скрестились и столкнулись позиции двух «версий»-линий (советского) марксизма в объективном центре любой философии: проблеме сознания. Прошло совсем немного времени, когда стало понятно, что два противоположных подхода к сознанию, так остро столкнувшихся в 1960-е гг., не исключают, а дополняют друг друга, потому что, в сущности, объясняют разные аспекты, осмысляют разные основания этого очень сложного явления. Для М. Н. сознание было, фактически, естественно-научной проблемой, решавшейся в системе «мозг – психика – сознание» (гораздо более современно развивавшая этот подход «информационная» теория психики и сознания Д. И. Дубровского тогда только-только зарождалась). Для его непримиримого противника и постоянного объекта критики Э. Ильенкова сознание было социокультурной проблемой, решавшейся в совершенно другой (как тогда и потом многим казалось – гегельянской) логике: в объективно-реальной, по Ильенкову, системе «деятельность – культура – сознание» (или, что по сути то же самое, «культура – деятельность – сознание»). Причем, следует заметить, и эта позиция нашла поддержку конкретных наук, только не естественных, а социогуманитарных

(самый мощный пример такой поддержки – революционная и ныне всемирно-признанная культурно-историческая психология Л. С. Выготского, на тот исторический момент уже своеобразно «продублированная» психологией Ж. Пиаже).

Был ли М. Н. демократом и либералом, хотя бы в тогдашних значениях этих слов? Скорее нет, чем да, и все же... На лекциях он постоянно называл недостатки нашей жизни. Любил, например, вопреки официозу, говорить о неравенстве в нашем обществе, приводил пример собственных детей: их культурные возможности несравненно богаче возможностей детей рабочих или колхозников. Сталинистом точно не был. Но вот Википедия приводит такую его цитату: «Именно на фронте я полностью убедился в том, что несмотря на все издержки, включая массовый террор, политика партии и Сталина, сумевших подготовить страну к обороне от более сильного агрессора и выиграть ценой невероятных жертв войну, была в основе правильной». Никогда не приносил в жертву идеологическим догмам профессиональную философскую культуру. Характерный пример, доставивший М. Н. много неприятностей и волнений: при проверке факультета, разборе его программ на заседании в обкоме партии М. Н. указали на неверный перекос: при большом объеме часов в курсе истории философии о Гегеле еще и отдельный спецкурс о нем же. Надо бы убрать. М. Н. был непреклонен и все оставил, как было. Но в то же время сам был во власти ряда идеологических догм, или мифов, например, о сближении работников умственного и физического труда. Это породило его утопическую гипотезу о появлении, в результате такого сближения, новой социальной группы: рабочих-интеллигентов. Аспиранты М. Н. стали писать диссертации, эмпирически и теоретически отыскивая (вполне безуспешно) в массах наших граждан приметы этого социального новообразования. Он как раз тогда активно стал заниматься легализованной у нас конкретной социологией (что из его философских взглядов совсем не вытекало, но говорило о его точном ощущении каких-то насущных «вызовов» времени). Но выбор самой исследовательской социологической тематики тоже, на мой взгляд, был подсказан марксистской ортодоксией: М. Н. занялся социальной (социально-классовой) структурой, скорее виртуальной, диктуемой идеологически должным, а не реальностью.

О политике он предпочитал не разговаривать. Когда в 1968-м случились события в Чехословакии (Пражская весна, а потом втор-

жение советских войск, ее пресекшее), мы в группе горячо обсуждали происходящее, переживали август, считая это преступлением и катастрофой. Нас тогда очень интеллектуально и нравственно поддержал замечательный зам. Руткевича Г. И. Бондарев, сам в свое время побывавший в ГУЛАГе. Человек, убежденный в том, что без демократии не может быть подлинного социализма, а без разнообразия – развития, уже тогда очень точно понимавший происходящее в СССР и его причины (писавший – вопреки всему, включая «одергивания» М. Н. – докторскую о противоречиях социализма), Генний Иосифович вместе с нами переживал август 68-го как трагедию. Но и сдерживал наш протестный пыл, понимая, чем это чревато. М. Н. отмалчивался. А когда на экзамене по диамату я для иллюстрации взял события в Чехословакии и интерпретировал вторжение как результат страха перед реформированием социализма, как безусловно реакционное событие, он решительно не согласился со мной и повторил официальную версию. Однако поставил «отлично» и никак «политически» мои трактовки не оценивал, на меня не «давил». А мне все время хотелось спросить: что все-таки Вы на самом деле об этом думаете? Последующие, уже постперестроечные реакции М. Н. были однозначно антиреформаторские. Он (что характерно для многих шестидесятников с их верой в «подлинный» социализм «с человеческим лицом») решительно не принял ни политики Ельцина, ни распада СССР, ни, тем более, наступившего капитализма, видимо, все более убеждаясь в исторической правоте его критиков. Что он думал о причинах, приведших к объективной реальности исторического поражения и падения социализма, о его внутренних изъянах, мне неизвестно. Только сторонником социализма и коммунистической идеи Руткевич убежденно оставался до конца жизни.

Но я никогда не забуду, что при всех этих своих убеждениях М. Н. однажды буквально спас меня от защищаемой им в принципе системы. Дело было так. В конце второго курса группа веселых и склонных к творчеству студентов моей группы начала коллективно писать роман. Интрига была придумана совместно: свердловские философы во главе с И. Я. Лойфманом похищают с Хайгетского кладбища в Лондоне прах Карла Маркса и доставляют его в Свердловск как более достойное место для такой святыни марксизма. Далее нужно было каждому написать по главе. Писать вторую главу выпало мне. Я перенес действие из Лондона в родной город, где готовилось похищение. Глава была умеренно антисоветской, там

юмористически и иронически обыгрывался наш вечный дефицит, отсутствие свободы и что-то еще (за давностью не помню). Утратив бдительность, я принес свежую главу на военную подготовку и в перерыв начал ее читать. Хохот слушателей привлек внимание начальника военной кафедры полковника Белотелова, в годы войны служившего в заградотрядах (стрелявших в спину отступающим своим, о чем он сам нам с гордостью рассказывал), а тогда члена парткома УрГУ. Белотелов конфисковал мой текст, сказав, что доложит о нем на парткоме. И мы все стали напряженно ждать, что же будет. Прошло несколько дней, все было тихо. Настало время лекции М. Н. Он был в ударе, речь шла о происхождении сознания и отличиях человека от обезьян. По ходу лекции М. Н. вдруг спросил слушателей, кто читал роман Веркора «Люди или животные», затрагивающий эту тему. Я, кстати, роман читал, но решил не высываться, к тому же жил в ожидании «расплаты за грехи». После небольшой паузы (все молчали) М. Н. с улыбочкой сказал: «почитай-те, почитайте, это не менее интересно, чем тот роман, что конфисковали у Закса на военной подготовке». И продолжил лекцию как ни в чем не бывало. Народ смотрел на меня, как смотрят при последнем прощании. Когда лекция закончилась, и все стали расходиться, М. Н. велел мне остаться. Я ждал, сжавшись в комочек. Он посмотрел своим известным критическим взглядом и сказал: «Вот уж не думал, что ты такой дурак – нашел, где читать. Ну, ладно, ступай. И больше таких глупостей не делай. Я тебя отстоял. Написано, кстати, неплохо, – добавил он на прощание, – я смеялся». Уже позже мне рассказали знающие люди с факультета, что Белотелов «доложил» и потребовал немедленного исключения «антисоветчика». Но Руткевич, тоже член парткома (на мое счастье!), сказал, что факультет разберется и найдет нужную меру взыскания, а текст у Белотелова забрал. Что это было: сочувствие сделанному мной? Нет, конечно. Жалость к студенту, которому он симпатизировал? Скорее всего. Но прежде всего, спокойная реакция умного человека с чувством юмора, у которого нет примитивных сталинистских идеологических инстинктов, как у Белотелова, во всем маниакально «чующих» опасность для Системы. Кстати, М. Н. еще раз «спас» меня по окончании вуза, в процессе распределения. У меня был диплом с отличием, я рассчитывал на место в аспирантуре. Однако неким силам на факультете сильно не нравился мой анкетный «пятый пункт» (вот чего не было у Руткевича в помине!). М. Н., ви-

димо, об этом ничего не знал. Придя на распределение, я услышал, что мне дают место в Уфе, куда и должен буду ехать вместо желанной аспирантуры. Но в тот момент, когда мне уже протянули ручку и ждали моей подписи под «Уфой», неожиданно в ректорский кабинет зашел М. Н. и, улыбаясь, спросил почти между прочим: а Лева куда? Ему ответили: в Уфу. В какую Уфу?! – возмутился М. Н. – Он пойдет в аспирантуру! И второй раз счастливо решил мою участь. Могу ли я это забыть?!

Но ведь и другие, совсем другие вещи забыть тоже трудно. Те, что были унаследованными от Системы чертами его ментальности и социального поведения. Свойствами его личной социокультуры – прямого следствия интериоризации социокультуры системы советской. Мы столкнулись с ними еще студентами. На тех же лекциях. И не только. Чтобы было понятно, о чем речь, вернусь к выше затронутой теме «разных версий марксизма».

Насчет «разных версий» – это уж мы потом поняли. А тогда нам, студентам, такая мысль даже в голову не приходила: какие могли быть «варианты» в учении, по выражению философского «бога № 2» Ленина, «отлитом из единого куска стали»?! Но не приходила такая мысль и в головы многих тогда уже зрелых советских философов, на деле-то принадлежавших реальным разным версиям философии марксизма, но считавших, что есть только один единственно верный («аутентичный», как скажут потом, значительно позже) марксизм и неправильные, искажающие отклонения от него. Для М. Н. такими отклонениями были взгляды философов югославского журнала «Праксис» и Эвальда Ильенкова. С иностранцами (хоть и из соцстраны) можно было не церемониться: их сразу заклеямили как ревизионистов. А нам, студентам, журнала «Праксис» в глаза не видевших, это было совершенно безразлично. Раз Руткевич так говорит, значит, так и есть. Но вот что касается Ильенкова, тут все обстояло сложнее. Он был советский философ. Очень известный и уже авторитетный. Мы могли прочесть и читали его глубокие статьи и книги. И я хорошо помню свое и моих друзей тогдашнее недоумение и изумление: почему наш декан (и в лекциях, и в выступлениях, и в печатных трудах) так постоянно и неустанно нападает на Ильенкова? И самое главное, что удивляло и «напрягало»: почему он так ожесточен против Ильенкова? Что там, в его взглядах, такого страшного и угрожающего? Для меня это был один из первых опытов соприкосновения с жесткой нетер-

пимостью и ожесточенной враждебностью нами чтимого «шефа», так плохо вязавшимися с его личностным масштабом, уважением, почти барской вальяжностью (тоже меня эстетически подкупавшей) и творческой суверенностью, самодостаточностью. Я не понимал, зачем М. Н. все это? что он делит с далеким москвичом Ильенковым?

Тогда я не был в состоянии объяснить совершенно советское, можно сказать, родовое происхождение непримиримости по поводу, казалось бы, вполне академических различий во мнениях. К сожалению, этот «опыт нетерпимости» накапливался и рос. По разным поводам. Какой-то молодой преподаватель не послушался «босса», остался при своем мнении при выборе темы диссертации – и подвергся остракизму. Мой научный руководитель, недавний последователь и соавтор М. Н. А. Ф. Еремеев «охладел» к дорогой сердцу и уму М. Н. «ленинской теории отражения», стал развивать собственный (и, как покажет время, вполне продуктивный, эвристичный) подход в эстетике – и тоже станет персоной нон-грата, объектом частых и нередко несправедливых «уколов» и выпадов М. Н. И т. д. и т. п. Вскоре оказалось, что жесткая нетерпимость Руткевича необходима и полезна Системе (что тоже подтвердило ее, нетерпимости, советскую природу). Об этой странице биографии М. Н., которой тогда мы, уже выпускники-аспиранты и молодые преподаватели УрФУ гордились, теперь говорить грустно и тяжело.

Избранного член-корреспондентом АН СССР и ставшего социологом Руткевича в 1972 году «забрали» в Москву. Директором института конкретных социологических исследований этой самой АН СССР. Сразу сделав его ведущей фигурой всей социальной науки в СССР – чем не предмет для гордости?! Вскоре из Москвы стали доходить вести, скорее слухи, чем надежная информация, еще и «по-уральски» препарированные: М. Н., «уралец – труженик» (а Урал, как известно, «опорный край державы»), борется с бездельниками-москвичами, привыкшими жить в свое удовольствие за государственный счет. Он заставляет их ходить на службу, к чему они не привыкли, а они сопротивляются. Кого-то уже пришлось уволить. В этот миф мы верили долгие годы. Уже даже и после того, как М. Н. перестал быть директором, больших успехов советской социологии не обеспечив. Правда же заключалась в том, что ЦК партии руками нашего «выдвинутого» наверх декана устроил форменный разгром только-только встававшей на ноги советской социологии, пытавшейся усилиями

талантливых людей начать реальные теоретические и конкретные эмпирические исследования советского общества. Опиравшиеся не на мифологемы советской идеологии и решения партсъездов, а на современную (естественно, западную) научную социологию. Дома, на Урале, в микромасштабах только начинавшейся у нас социологии Руткевич без особого труда пресекал такие попытки (как он это сделал с молодым тогда Г. Е. Зборовским, ставшим впоследствии, уже после перестройки, одним из ведущих российских социологов). Теперь он эту хирургическую операцию с присущей ему твердостью и последовательностью проделал в отношении столичной социологии. Был разогнан, в частности, самый пионерский сектор в институте, начинавший новые для Союза исследования общественного мнения, были уволены или ушли «по собственному желанию» Б. Г. Грушин, Ю. А. Левада, В. А. Ядов, молодой тогда Л. Д. Гудков и многие другие. «Порядок» был наведен. Социологическая оттепель отменена, а с ней – надежды на возрождение научной социологии в СССР. Что стало с имиджем и репутацией М. Н. Руткевича в авторитетных научных кругах обществоведов и философов, я думаю, подробно объяснять не надо. Выполнившего свою «миссию» М. Н. нашли место в ортодоксальной Академии общественных наук при ЦК КПСС. Я узнал эту правду много лет спустя. Хотя участники той драмы позже писали о ней воспоминания, мне их читать не приходилось. Но однажды она меня коснулась, и самым неожиданным и непосредственным образом. Я до сих пор вспоминаю об этом с, без преувеличения, внутренним содроганием. Уже в сравнительно недавнее исторически время, в начале 2006 г., будучи ректором Гуманитарного университета, я пришел в Левада-центр на встречу с его директором – «самим» Юрием Александровичем Левадой. Мне хотелось пригласить Юрия Александровича, большого ученого, мудреца-мыслителя и благородного человека, на нашу научную конференцию. Хотелось услышать его анализ происходящего в России, основанный на огромных исследовательских материалах возглавляемого им Центра по изучению общественного мнения. Левада уже был весьма пожилым человеком, плохо себя чувствовал. Однако он очень доброжелательно меня принял и быстро согласился приехать (тут, несомненно, помогла рекомендация моего друга Геннадия Бурбулиса, чья работа в ельцинском «правительстве реформ» и поддержка им социогуманитарной науки в то трудное время снискала ему уважение либеральной интеллигенции, как,

с другой стороны, и ненависть противников реформ). Мы очень интересно и приятно разговаривали. Неожиданно Ю. А. спросил, где я учился. Ни о чем «таком» не подумав и не подозревая по незнанию об опасности, я сказал, что закончил философский факультет у М. Н. Руткевича. Видели бы вы, как побледнел Ю. А., услышав эту фамилию. А я, еще не осознав происходящего, к тому же и добавил, как мы ценили Руткевича и как много лично для меня он сделал. Что было правдой и остается ей. И тут Левада тихим голосом заметил, что в его жизни Руткевич сыграл совсем другую роль. Только в этот момент до меня «дошло». Мне стало плохо. Не только от сознания, как я огорчил так меня хорошо встретившего и такого чудесного Ю. А., но, еще более, как ни стыдно признаться, от страха, что теперь Левада откажется ехать к нам, найдет предлог – и не приедет (да и предлог искать не нужно: что Ю. А. плохо себя чувствует, было видно с первой минуты нашего общения). Он все-таки был верен данному слову, в марте приехал, интересно выступал, потом я повез его на местное «Эхо Москвы», хотя буквально каждый шаг, каждое слово уже давались Леваде с огромными усилиями. Мне хотелось расспросить его о подробностях того «разгона» эпохи застоя, но я уже понимал, что этого нельзя делать (подробности «истории» позднее, уже после смерти Левады, наступившей вскоре после его приезда в Екатеринбург в ноябре того же 2006-го, мне рассказал Лев Дмитриевич Гудков).

Вот, пожалуй, и все. Так случилось, что после окончания университета я ни разу не встречался с М. Н. Руткевичем. Но всегда интересовался его жизнью, здоровьем и работой у поддерживавших с ним контакты И. Я. Лойфмана и Д. В. Пивоварова. Их, увы, уже нет на свете, как и прожившего почти 92 года Руткевича. Поздних его работ я тоже не читал. На старости М. Н., всегда любивший поэзию, стал переводить стихи польских и белорусских поэтов. Переводил с подлинников. Эти переводы я читал, и они мне показались очень хорошими. Талант не оставил нашего М. Н. и в глубокой старости.

Вы ждете от меня выводов? Их не будет. Ну разве что вы еще раз перечтете «зачин» этих заметок о незаурядном человеке, в противоречивой судьбе и личности которого так сильно и рельефно выразились черты того исторического мира, вместе с которым он родился в один год и к которому принадлежал. Принадлежал и объективно, и, как говорил А. Блок, «всем телом, всем сердцем, всем сознанием».

Раздел 3

**РАЗВИТИЕ
МАРКСИСТСКИХ ИДЕЙ
В УРАЛЬСКОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЕ**

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры онтологии и теории познания
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия)
E-mail: n.v.brianiк@urfu.ru

**НАУЧНАЯ ШКОЛА В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФСКИХ НАУК
«ДИАЛЕКТИКА И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ»:
ОСНОВАТЕЛИ М. Н. РУТКЕВИЧ И И. Я. ЛОЙФМАН,
РУКОВОДИТЕЛЬ В. В. КИМ***

**SCIENTIFIC SCHOOL IN THE SPHERE
OF PHILOSOPHICAL SCIENCES
“DIALECTICS AND THE THEORY OF KNOWLEDGE”:
M. N. RUTCKEVICH AND I. YA. LOYFMARN
AS FOUNDERS, V. V. KIM AS A SUPERVISOR**

Аннотация. Данный материал был подготовлен для регистрации заявленной школы в Ученом Совете УрГУ в 2010 году. В статье рассматривается становление и развитие философского факультета и вклад Уральской философской школы в разработку проблем диалектики и теории познания.

Ключевые слова: Уральская философская школа, диалектика, теория познания, М. Н. Руткевич, И. Я. Лойфман, В. В. Ким.

Abstract. This material was prepared for the registration of the announced school at the Academic Council of the State Ural University in 2010. Formation and development of the philosophical department and contribution of the Ural philosophical school to the investigations of Dialectics and the Theory of Knowledge problems are considered in this article.

Key words: the Ural philosophical school, Dialectics, the Theory of Knowledge, M. N. Rutckevich, I. Ya. Loyfmarn, V. V. Kim.

* В качестве статьи данный материал был опубликован: Бряник Н. В. Научная школа в области философских наук «Диалектика и теория познания»: основатели М. Н. Руткевич и И. Я. Лойфман, руководитель В. В. Ким // Эпистемы : Сб. науч. ст. Вып. 7: Онто-гносеологические традиции: истоки и современность / науч. ред. А. Г. Кислов, отв. ред. О. Н. Томюк. Екатеринбург: Ажур, 2012. С. 4–15.

Когда в 2010 г. Ученый Совет УрГУ инициировал регистрацию научных школ, сформировавшихся на факультетах и кафедрах университета, то для меня было очевидно, что от кафедры онтологии и теории познания, да и от факультета в целом, должна быть представлена научная школа, заложенная основателем философского факультета М. Н. Руткевичем. И я попыталась осмыслить особенности и вклад созданной им школы в современную отечественную теоретическую философию, отдавая дань персоналиям, проблематике и стилистике философской аргументации. В реалиях и восприятии 2010 г. и рассматривается данная школа.

* * *

1. Понятие «Научная школа в области философии» может вызывать законные вопросы: как могли возникать научные школы в советское время – эпоху господства марксистской идеологии, когда основополагающие принципы любых теоретических построений были уже изначально заданы; а кроме того, в каком смысле (прямом или переносном) можно говорить о *научности* в философии. Ответы на эти вопросы будут затронуты при осещении научной школы М. Н. Руткевича и И. Я. Лойфмана (далее НШ М. Н. Р. – И. Я. Л.).

2. Научная школа «Диалектика и теория познания» возникла в УрГУ в 50–60-е гг. и существует по сей день. М. Н. Руткевич – бесспорный идейный лидер школы, именно он сформировал все ее отличительные особенности. Он проработал в УрГУ с 1953 по 1972 гг., а далее (по 2004 г.) идейно цементировал школу, географически расширяя состав ее участников и теоретически углубляя ее тематику. И. Я. Лойфман – заслуженный деятель науки РФ. Если представить карту охвата данной школой городов РФ, то на ней надо указать не только города Урала, но и Центрального региона РФ, Сибири и Дальнего Востока. НШ М. Н. Р. – И. Я. Л. стала благодатной почвой для возникновения новых школ. Такой известный и талантливый современный отечественный философ – представитель этой школы, как Д. В. Пивоваров, создал собственную научную школу, обратившись к религии как объекту философского исследования. К. Н. Любутин распространил принципы этой школы на исследование истории философии. Уральская социологическая школа Л. Н. Когана также во многом детище М. Н. Руткевича.

3. В чем своеобразие НШ М. Н. Р. – И. Я. Л., и как можно представить «научное лицо» этой школы? Научный интерес М. Н. сфор-

мировался с момента вхождения его в философию, позднее этот интерес только укреплялся и развивался, он был поддержан его соратниками и учениками. Выбор научного направления был сделан им при поступлении в аспирантуру, вот как об этом пишет он сам: «я избрал <...> оптимальный вариант: специализироваться по *теории познания*, которая в равной мере базируется на естественных и гуманитарных науках, поскольку изучает общие закономерности познавательного процесса и одновременно призвана выявить его специфику в различных отраслях научного знания» [1, с. 7]. Проблемы теории познания можно ставить и решать, отталкиваясь от разных теоретико-методологических позиций. М. Н. выбирает диалектический подход, который задавал принципы философского анализа познания через противопоставление и взаимосвязь с практикой. Его кандидатская диссертация «Практика – основа и критерий истины» (1950), а также первый коллективный труд совместно с философами Института философии АН СССР под редакцией М. Н. Руткевича «Диалектический характер критерия практики» (1957), в котором приняли участие такие крупные ученые Уральского Филиала Академии наук (УФАН), как С. В. Вонсовский, С. С. Шварц и др., основательно развивали выбранное направление исследований. Свою позицию по ряду принципиальных вопросов теории познания, поднятых в дискуссиях на страницах центральных философских журналов, М. Н. заявляет в монографии «Ленинская теория отражения». Проблематика теории познания становится значимой и для учеников-последователей НШ: в 60–70–80-е г. была издана серия научных сборников (10 выпусков) по фундаментальным вопросам теории отражения и познания. Своеобразным подведением итогов по проблемам теории познания явились две совместные монографии И. Я. Лойфмана и М. Н. Руткевича «Диалектика и теория познания» (1995), «Основы гносеологии» (1996, 2003).

Диалектика постепенно превращалась из инструмента анализа проблем теории познания в самостоятельное направление исследования. Это становится очевидным с момента выхода в свет в 1959 г. большим тиражом в московском издательстве «Мысль» учебника М. Н. Руткевича «Диалектический материализм» для студентов естественных факультетов; в силу большой востребованности через год учебник был переиздан. Новизна и оригинальность представленной автором позиции заключалась в том, что в услови-

ях, когда при изложении философии в основном переписывались догматические тезисы сталинской работы «О диалектическом и историческом материализме», М. Н., опираясь на тексты К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, разработал принципы диалектики и материализма, органически связанные с историей и современным состоянием естественных наук. При этом сам курс диалектического материализма выстраивался как внутренне доказательное и логически выстроенное знание, представленное строго и однозначно определяемыми категориями. Разработанные в этом учебнике и других работах данного периода система категорий диалектики и система гносеологических категорий носили инновационный характер, что позволило ему в 1961 г. защитить на базе данных исследований докторскую диссертацию в Институте философии АН. Через десять лет, уже после создания философского факультета и многочисленных исследований аспирантов и докторантов факультета по проблемам теории познания и диалектики, М. Н. пишет учебник «Диалектический материализм» (1973) для студентов философских факультетов. Без преувеличения можно сказать, что этот труд М. Н. Руткевича стал событием для философской общественности страны. Не только выпускники УрГУ, но и преподаватели, и студенты философии других регионов активно использовали изложенную в этом учебнике концепцию. Она привлекала доказательностью, опорой на естественные, а в этом учебнике уже и на гуманитарные науки, четкой структурой благодаря внутренней логике, а также обращенностью к социально-политическим событиям.

Следует отметить, что в разработке диалектических воззрений на данном этапе развития НШ большое влияние оказал И. Я. Л. В их совместных обсуждениях возникла идея о необходимых и достаточных аспектах диалектического исследования любого объекта. В качестве таковых были выделены системно-организационный, функционально-динамический и эволюционный аспекты. Другими словами, философское понимание существования любого объекта предполагает, во-первых, выявление его внутренней структуры, а также тех систем, в которых данный объект сам предстает как элемент; во-вторых, исследование функциональных зависимостей и причинных факторов, связанных с данным объектом; и, наконец, временной параметр позволяет обнаружить закономерности развития объекта. Диалектика из методологии рассмотрения проблем теории познания в рамках данной НШ трансформировалась в фи-

лософскую модель объяснения окружающего мира. И. Я. Л. в своей докторской диссертации «Принципы физики и философские категории» (1975) использовал диалектический подход при рассмотрении истории формирования и развития физической научной картины мира. В 60–70–80-е г. НШ была подготовлена серия научных трудов (10 изданий) по категориям и законам диалектики. Своеобразным итогом деятельности по теории диалектики стали монография И. Я. Л. «Дух диалектики (теоретико-методологические проблемы)» (Екатеринбург, 2000) и цикл лекций под общей ред. И. Я. Лойфмана «Категории диалектики (теоретико-методологические проблемы)» (Екатеринбург, 2000).

4. Раскрывая своеобразие НШ М. Н. Р. – И. Я. Л., нельзя обойти вниманием один существенный момент, который некоторые представители школы предпочитают замалчивать. М. Н. Р. и И. Я. Л. постоянно и до последних дней подчеркивали свою приверженность *творческому* марксизму. Творческое отношение к марксизму они противопоставляли догматическому. Марксизм они признавали, поскольку считали, что именно он отвечает духу науки современного типа и способен отвечать на социальные вызовы современной эпохи. Именно диалектико-материалистическое мировоззрение марксизма они считали творческим по самой своей сути. Надо сказать, что подобное отношение к марксизму активно демонстрировало большинство отечественных философов 50–80-х гг., даже такие диссидентствующие мыслители, как, например, Э. В. Ильенков и М. К. Мамардашвили. С конца 80-х XX в. стали происходить явные трансформации – ранее видные апологеты марксизма стали его яркими критиками. Для тех, кто работает в области философии, не надо объяснять, насколько трудно сегодня отстаивать позиции марксизма в области философии. Большинство отечественных философов в своих работах стыдливо умалчивают о данной позиции, как будто ее не существует.

Что предлагается взамен? Если обратиться к *теории познания*, то среди современных отечественных исследований трудно назвать хотя бы одно, автор которого предлагал бы целостную оригинальную концепцию, позволяющую связным образом и убедительно рассматривать проблематику в сфере познавательной деятельности. Можно зафиксировать два пути продвижения в данной области философии. Либо дается с опозданием на десятилетия пересказ идей зарубежных философов и под предлогом синтеза когнитив-

ных практик выдается некая калейдоскопичная, всеядная версия гносеологии; либо, при внешнем отказе от марксизма, познавательная тематика рассматривается в кругу тех категорий и проблем (отражение, практика, истина и др.), которые однозначно связаны именно с марксистской позицией в теории познания.

Примерно та же ситуация сложилась и в *философском рассмотрении бытия*. За данной областью философского знания с конца 90-х гг. у нас закрепилось название *онтологии* (вместо диалектики). В качестве объяснительных моделей в онтологии все чаще используют принципы таких общенаучных подходов, как синергетический, системно-структурный, информационно-кибернетический и др. Внедряются постмодернистские версии онтологии, выстроенные на новомодных научных понятиях (нелинейная онтология, сингулярность, аттрактор, бифуркация, флуктуация и пр.), которые, конечно, не имеют напрямую собственно философского значения.

Констатация отсутствия *принципиально новых* концептуальных направлений в области онтологии и теории познания в современной российской философии не означает, что надо отказаться от поисков и вернуться под покров диалектического материализма. Но сегодня должна быть произведена переоценка достижений марксистской философии советского периода, в том числе и тех, которые были получены НШ М. Н. Р. и И. Я. Л. В пользу подобной переоценки приведу только один аргумент. Какие бы новации ни вносила современная действительность в механизмы познания, никогда не исчезнет зависимость познания от практики – объект исследования марксистской теории познания. В какие бы глубины бытия не проникала современная наука и человеческая мысль, из объяснительных схем никогда не исчезнет необходимость рассмотрения системно-организационных, функционально-динамических и эволюционных закономерностей – объект исследования диалектики.

5. В чем отличительные *особенности стиля мышления*, формируемого данной школой? Особый упор в ней всегда делается на соблюдении строгой логичности и последовательности в философских рассуждениях, на структурированности мысли. При этом структурообразующим элементом признается актуально значимая *проблема*: в философском тексте все должно вращаться вокруг нерешенной проблемы. Проблема должна получить решение в кон-

тексте отечественной и зарубежной литературы. Иначе все превращается в аморфное словоблудие, непонятно ради чего затеваемое. Именно по этой причине основатели школы не могли признать подлинной философией постмодернистские тексты.

Есть объяснение тому, почему именно такой стиль мышления оттачивался и поощрялся в данной школе. И М. Н. Руткевич и И. Я. Лойфман пришли в философию из физики. Первое научное изыскание М. Н. было связано с теоретической физикой, а какое-то короткое время он даже работал инженером-исследователем на военном заводе. И. Я. окончил физико-математический факультет Уральского государственного университета (1951), преподавал физику в средней школе и в Уральском политехническом институте, с 1962 г. стал преподавать философию в Уральском университете; с 1982 г. он – профессор кафедры философии и культурологии Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском университете.

Строгость мышления, обретенная в молодые годы через непосредственное знакомство с физикой и математикой, была для них образцом и нормой исследовательской деятельности. Сейчас уже мало кто помнит, но абитуриентам первого набора на философский факультет пришлось сдавать, по сути дела, экзамен по математике, который был введен сверх всех официальных экзаменов и назывался собеседованием по математике. У абитуриентов, не прошедших подобного собеседования, под благовидным предлогом документы не принимали. Среди общефилософских дисциплин на факультете преподавали философские проблемы физики, химии, астрономии, биологии, физиологии, кибернетики, а кроме того, годовой курс математики. Лекции читали самые известные в городе специалисты в указанных областях знания – А. Т. Мокроносов, А. К. Кикоин, В. П. Кочергин, В. И. Есафов, В. И. Корюкин и др. Нельзя не упомянуть о том, что многие представители первого поколения НШ пришли в аспирантуру к М. Н. и И. Я. с естественных факультетов и математико-механического факультета.

Объективно сложившаяся тесная связь НШ с естественными и математическими науками не означала пренебрежения социально-гуманитарными науками: и в формировании школы, и в исследовательских проектах активно участвовали известные историки, политэкономы, филологи. Так, историю студентам философско-

го факультета преподавали такие известные ученые УрГУ, как М. Я. Сюзюмов, В. Г. Чуфаров, М. А. Поляковская, В. И. Шихов и др.

6. Существенным отличием НШ М. Н. Р. и И. Я. Л. является *направленность исследовательской деятельности на практику*. В философии это сложно сделать, именно поэтому стремление основоположников данной школы сделать так, чтобы философия была полезна обществу, выделяло ее с момента создания среди других философских факультетов РФ. Это проявлялось в целом ряде моментов.

Так, М. Н. Руткевич постоянно проявлял профессиональный интерес к проблемам социологии. Это было его ответом на возникшую в годы оттепели общественную потребность – понять то общество, в котором жили советские люди и которое существенно отличалось от того, что существовало на Западе и Востоке. Еще до создания факультета при университетской кафедре философии, возглавляемой им, была создана социологическая лаборатория; и Свердловск, во многом благодаря М. Н. Руткевичу становится известным как крупный социологический центр. Круг рассматриваемых им проблем не ограничивался теоретическими вопросами, он непосредственно занимался прикладными исследованиями, в частности, инициировал разработку методик составления планов социального развития предприятий, городов, регионов, которые впоследствии использовались по всей стране. Не случайно именно поэтому М. Н. был приглашен в 1972 г. на должность директора Института социологических исследований АН СССР.

В подготовке специалистов-философов была продумана *система практик* – лекционно-пропагандистская, школьная и вузовская педагогическая практика. Сам блестящий лектор и полемист, отдавший немало сил пропагандистской деятельности, М. Н. Р. считал, что специалист, работающий со словом, должен уметь донести свою позицию убедительно и доходчиво до любого слушателя. Аспиранты и преподаватели регулярно читали лекции для населения города и области (заводы, колхозы и совхозы, воинские части, госучреждения, исследовательские институты и т. п.) по широкому кругу вопросов – от популярных философских до злободневных социально-политических. Ряд выпускников стали профессиональными политиками регионального и федерального масштаба (А. В. Гайда, Г. Э. Бурбулис и др.), многие нашли себя в сфере образования, зарекомендовав себя в качестве авторов инновационных образовательных программ (Л. М. Андрюхина, А. М. Лобок,

Н. С. Кожеурова и др.). И. Я. Л. в последнее десятилетие своей жизни был главным теоретиком и координатором Межвузовского Центра по проблемам гуманитарного и социально-экономического образования Федерального агентства по образованию РФ при УрГУ.

Ученики-последователи продолжают данную традицию – поиск выхода философии в жизнь, способов связи философии с практикой. Так, в конце 1990-х-начале 2000-х гг., когда исчезли прежние формы социально-практической востребованности философии и возникла необходимость в новых формах социально-гуманитарных практик, кафедра онтологии и теории познания УрГУ («прямая наследница» кафедры диалектического материализма) впервые среди философских факультетов РФ разработала концепцию и реализовала специализацию по *философии права*, которая обеспечивается правозащитной и правотворческой практикой, а также практикой знакомства с судебной системой страны.

7. В формировании НШ М. Н. Р. – И. Я. Л. негласно присутствовало еще одно правило, оно проистекало из видения ими сути философии и философского творчества. Они понимали философию не просто как поток мыслей, который включается и отключается с какой-то периодичностью. Для них философия – это то, что охватывает всю человеческую личность, пронизывает весь образ жизни. Они были удивительно разносторонние люди. Великолепно знали классическую и современную отечественную и зарубежную литературу. Особое пристрастие питали к поэзии; М. Н. Р. в последние годы переводил стихи украинских и белорусских поэтов (есть издания этих переводов); И. Я. Л. не одно лето провел в путешествиях то по гоголевским, то по пушкинским и прочим памятным местам русской литературы. М. Н. был блестящим знатоком музыки, еще с юности он был приучен чуть ли не к ежедневным посещениям филармонии или оперного театра. А гостей И. Я. Л. поражало в его библиотеке количество альбомов по живописи, и все это богатство втягивалось в философское осмысление; он, например, посетил Астрахань только ради знакомства с музеем Василия Кандинского. В общении с нашими Учителями всегда присутствовало ощущение, что они стремятся поднять свое окружение до своих высот. Поэтому с момента создания факультета студенты были подключены к всевозможным видам творческой деятельности. С первых курсов студенты общались к факультетским КВН, политбоям, капустникам, смотрам художественной самодеятельности; и во всех

этих проявлениях студенческой активности поощрялись соревновательность, юмор, смекалка, неординарность. Плоды внеаудиторного творчества студентов философского факультета становились предметом интереса широкой общественности. Популярная факультетская стенгазета «Логос» была в поле зрения не только университетского парткома, своим новаторством она смогла привлечь внимание редакции популярной в то время газеты «Комсомольская правда». Знаменитый кино клуб «Логос» был (и остается) дискуссионной площадкой не только философского факультета.

8. Нельзя не дать хотя бы краткую личностную характеристику основателей рассматриваемой НШ. Как личности М. Н. Р. и И. Я. Л. в известном смысле предстают, как антиподы. М. Н. – всегда на первых ролях, крупный организатор, властный человек, в организационных вопросах не терпящий возражений, последовательный боец в идейных и идеологических спорах, настроенный склонить к своей позиции оппонентов. И. Я. – всегда в тени других (ему так и не довелось стать даже заведующим кафедрой), но без него не мог обойтись ни один из них; в партийно-идеологических конфликтах, в которые он, помимо его воли, был втянут, он – проигравшая сторона; однажды проигрыш чуть не обернулся для него выдворением из университета; всегда внимательный, добросердечный и великодушный к окружению, даже к тем, кто делал ему зло; «лойфмановские вторники», на которых он «раздавал идеи» всем проходящим, знали представители философской общественности Урала, Сибири и Дальнего Востока. Но, согласно принципу диалектики, противоположности сходятся и дополняют друг друга. Это и подтвердили своей творческой жизнью данные мыслители.

9. Чтобы составить представление о богатстве и широте философской проблематики, втянутой в философское осмысление НШ М. Н. Р. – И. Я. Л., достаточно дать общую характеристику учеников-последователей и выборочно перечислить тематику диссертационных исследований уже четырех поколений данной школы.

М. Н. Руткевичем было подготовлено более 100 кандидатов наук (25 из которых – в Уральском университете), 17 из них стали докторами наук; опубликовано более 450 научных трудов, в том числе 15 собственных (либо вдвоем) монографий и десятки коллективных трудов, где он выступал в качестве главного редактора и автора ключевых разделов. По диалектике и теории познания под руководством Руткевича были защищены диссертации: «Историческое

развитие и философское значение категорий притяжения и отталкивания» (Лойфман И. Я., УрГУ, 1962), «Проблема прогресса в живой природе» (Молевич Е. Ф., УрГУ, 1963), «Применение вероятностных методов в естествознании» (Корюкин В. И., УФАН, 1964), «Тождество и различие как категории диалектики» (Ким В. В., УрГУ, 1965), «Духовный прогресс и роль науки в нем» (Бондарев Г. И., УрГУ, 1968), «Некоторые аспекты проверки истинности научного знания» (Пивоваров Д. В., УрГУ, 1972) и мн. др.

И. Я. Лойфман подготовил 42 кандидата философских наук, 25 докторов философских наук. Он основатель Школы-семинара докторантов в ИППК, к настоящему времени 83 ее участника защитили докторские диссертации по философии и культурологии. Разносторонность тематики выборочно может быть представлена так: «Познавательная сущность эмоциональных состояний» (Мирошников Ю. И., 1975), «Гносеологические особенности формирования прикладного математического знания» (Бадкова Т. А., 1975), «Методологические функции принципа целостности в современном естествознании (на материалах наук о биосистемах)» (Табуркин В. И., 1993), «Публицистика и философия: коммуникативно-мировоззренческие аспекты» (Кожеурова Н. С., 1995), «Духовность и бездуховность личности (социально-философский анализ)» (Лившиц Р. Л., 1997), «Феномен вещи в дизайне: философско-культурологический анализ» (Быстрова Т. Ю., 2003), «Оправдание детства как феномен культуры: философский анализ» (Кислов А.Г., 2002) и мн. др.

В настоящее время руководителем научной школы УрГУ «Диалектика и теория познания» является Ким Владимир Васильевич – заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор; он является специалистом в области диалектики, теории и методологии научного познания, философских проблем семиотики. В. В. Ким с отличием окончил философский факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета (1956) и аспирантуру Уральского государственного университета (1965). С сентября 1966 г. в связи с открытием философского факультета в Уральском государственном университете был приглашен на должность доцента кафедры диалектического материализма философского факультета. С февраля 1967 г., с созданием Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных

наук (ИППК) при Уральском университете, по совместительству возглавил кафедру философии, на которую полностью перешел в апреле 1977 г. и где работает по настоящее время. В. В. Ким принимал активное участие в становлении и развитии философского факультета Уральского университета, вместе с Лойфманом он является основателем Школы-семинара докторантов в ИППК. Его научная деятельность отражена более чем в 200 публикациях, в числе которых 12 монографий и учебных пособий. Под его руководством изданы более 25 коллективных трудов по онтологии и теории познания, философии и методологии науки, категориям диалектики и философским проблемам семиотики, а также ряд сборников по проблемам преподавания философии. Он подготовил 22 кандидата и 7 докторов философских наук. Диапазон тем диссертационных исследований отвечает направлению НШ и научным интересам В. В. Кима, вот только некоторые из них: «Гносеологические особенности формализации научных знаний» (Брянник Н. В., УрГУ, 1975), «Гносеологический анализ природы значения знака» (Петько А. А., 1981), «Гносеологический анализ языка науки» (Трубина Е. Г., УрГУ, 1982), «Факт. Бытие. Познание» (Рыбаков Н. С., 1994), «Универсалии языка науки: философско-методологические аспекты» (Блажевич Н. В., 1996), «Логико-категориальное мышление: онтологический, гносеологический и аксиологический аспекты» (Гончаров С. З., 2007).

Просмотрев десятилетней давности текст о научной школе, не могу не отметить, что произошли изменения, привнесенные временем. Ушел на заслуженный отдых В. В. Ким, который в последние годы периодически проводил на ИППК «Лойфмановские чтения» с публикацией материалов и вживую поддерживал дух школы М. Н. Руткевича и И. Я. Лойфмана. Но радикальных изменений не произошло – научная школа «Диалектика и теория познания» состоялась, она воплотилась в тексты и в стилистику мышления представителей этой школы, в какой бы сфере деятельности они ни работали.

Литература

Руткевич М. Н. Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70 гг. XX в.). М., 2003. 89 с.

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры онтологии и теории познания
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия)
E-mail: n.savtsova@mail.ru

МОЕ ВХОЖДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ

MY ENTRY TO PHILOSOPHY

Аннотация. Статья посвящена знакомству автора с философией – со студенческой скамьи до профессиональных занятий философией. Весь этот путь был связан с именем М. Н. Руткевича. Особое внимание уделено югославской философии, которая стала предметом научных интересов автора.

Ключевые слова: философия/югославская философия, М. Н. Руткевич, отражение/практика/свобода, философское сообщество.

Abstract. The article is devoted to the author's acquaintance with philosophy – from the students' days to the professional occupations by philosophy. All this way was connected with M. N. Rutkevich's name. Yugoslavian philosophy, which became the subject of the author's scientific interests, was given a special attention.

Key words: philosophy/ Yugoslavian philosophy, M. N. Rutkevich, reflection/practice/freedom, philosophical community.

Я не буду писать историю жизни и деятельности моего научного руководителя члена-корреспондента АН СССР/РФ, доктора философских наук Михаила Николаевича Руткевича. Она довольно широко представлена в официальных источниках, справочных изданиях, философских словарях, философской энциклопедии и многочисленных публикациях выпускников философского факультета. Данью глубокого уважения и благодарности являются конференции, посвященные его юбилеям, особенно последняя, которая была организована департаментом философии и кафедрой онтологии и теории познания в связи со 100-летием дня рождения М. Н. Руткевича.

Приведу выдержку из письма М. Н. в ответ на мое поздравление его с 90-летним юбилеем. В нем его голос, его переживания и понимание того, что он сделал за годы своей работы и тоска по уходящей жизни. Жаль, что поздно приходит понимание того, как нужно

быть внимательной к тем, кто тебе дорог, кто сделал твою жизнь богаче и интересней. Из письма: «Я хочу поблагодарить тебя за поздравление с невеселой датой – 90-летием со дня появления на свет, право это слишком много для одного человека. Мой отец умер в 55 лет, оба деда в 70, а я, несмотря на три года пребывания на фронте и напряженную работу на протяжении всей жизни, дотянул до 90! Юбилей совпал с 60-летием преподавания в вузах. Кроме того, на моем счету 75 подготовленных лично кандидатов и более десятка докторов наук, плюс забиравшая много сил организаторская работа по созданию двух философских кафедр в Свердловске, сначала в Пединституте, после в УРГУ, а затем философского факультета. А в Москве по созданию Института социологии АН, а затем кафедры в Академии народного хозяйства при Совмине СССР. Тем не менее, я дожил до 90 лет! И это при одновременной напряженной творческой работе: в моем списке научных трудов 560 наименований, последнюю – под № 561 я посылаю тебе вместе с моим письмом.

Прошу передать мою личную искреннюю благодарность всем сотоварищам по факультету, кто прислал телеграммы, ответить каждому я не в силах чисто физически» [1, с. 13].

Благодарная память всех, кто был связан с М. Н., его аспирантов, студентов, коллег связана в первую очередь с его незаурядной личностью, с творческой энергией, которая воплощалась в конкретные дела, определяла судьбы людей, которые попадали в сферу его деятельности. Примером может служить модель философского факультета, который был создан в 1965 г. Вот что пишет об этом сам М. Н.: «Программа и учебный план Уральского факультета существенно отличались от программ и учебных планов философских факультетов МГУ и ЛГУ. Я был убежден, что в XX веке философ должен быть широко образованным, эрудированным специалистом. Я считал необходимым внести в учебный план первых двух лет обучения курсы по физике, астрономии, математике, а также всемирной истории.

Нам пошли навстречу и взялись читать адаптированные для философов курсы старейший историк университета М. Я. Сюзюмов, проректор УРГУ биолог А. Т. Мокроносков (впоследствии академик РАН), С. С. Шварц, тоже академик, декан матмеха Н. Ф. Сесекин, видный астроном, профессор К. А. Бархатова, физик А. К. Кикоин и многие другие. Радостен был первый выпуск студентов в 1970 г., кстати, половина из них уже стала докторами наук. Это значит, что первоначальную подготовку факультет им дал неплохую» [1, с. 13].

Значительную роль в деятельности М. Н. занимали создание и деятельность аспирантуры при философском факультете. Она готовила кадры для всех вузов страны, начиная от Калининграда и кончая Владивостоком.

Я поступила в аспирантуру в 1967 г. Конкурс был довольно значительный, большинство претендентов были преподаватели курсов философии в вузах со значительной теоретической и практической подготовкой. Были выпускники философских факультетов МГУ, ЛГУ, физического, химического, биологического, исторического факультетов УрГУ и др. Все претенденты до экзамена проходили предварительное собеседование не только со своими будущими научными руководителями, но и лично с М. Н.

М. Н. был автором всех программ изучения философии в университете, поэтому интерес к философии у студентов и аспирантов был соответствующий. Он сам читал лекции на физическом факультете, семинарские занятия вел К. Н. Любутин.

На историческом факультете, где я училась, была хорошо продуманная программа изучения философии, созданная кафедрой философии УрГУ, которой руководил М. Н. Интерес к философии у меня зародился именно там. Темой моих исследований с первого курса была проблема становления этнических общностей и их распространения по территории западной Сибири и Урала. Речь шла об «антропологии движения человечества» в современной научной интерпретации. Я прослушала лекции и спецкурсы ведущих археологов и этнографов кафедры истории России (К. В. Сальникова, В. Ф. Генинга), знаменитого антрополога Герасимова во время практики в Москве. Впечатление произвел спецкурс вице-президента Международного союза антропологов и этнографов академика Г. Ф. Дебеца с его концепцией происхождения большинства современных этносов путем «генетического смешения *Homo sapiens* с неандертальцами». Речь шла о нелинейности естественного отбора в процессе антропогенеза, его смешанных («гибридных») и тупиковых формах. Как удалось В. Ф. Генингу, моему тогдашнему научному руководителю, пригласить и получить согласие Г. Ф. Дебеца, ученого с мировым именем, на чтение подобного спецкурса перед студентами нашей группы специализации, только Богу известно! Почему я говорю о Г. Ф. Дебеце и какое отношение его спецкурс (или спецкурс профессора Герасимова о реставрации внешнего облика Ивана Грозного) имеет к моим последующим научным ин-

тересам? Считаю, что классический университет тем и отличается, что открывает уникальное пространство творческого теоретического мышления, в каких бы областях науки оно себя ни проявляло, его методы расширяют научный кругозор

Я бы хотела отметить еще одну специфику исторического факультета. Невозможно было себе представить курс лекций по истории Византии и ее культуре, который читал один из ведущих византистов в стране профессор М. Я. Сюзюмов, человек европейски образованный, без анализа философских школ и тех идей, которые определяли содержание их деятельности, их влияние на всю европейскую культуру. Философские идеи отличали учебные курсы и спецкурсы В. В. Адамова, И. Н. Чемпалова, Е. Г. Сурова, Ю. А. Попова.

Но особый интерес у меня вызывали курсы по философии – с первого по пятый курсы включительно. Кроме лекций, которые читали лучшие преподаватели кафедры философии УрГУ: Л. М. Архангельский (логика), Е. Ф. Молевич (диалектический материализм), В. М. Бакшуттов (исторический материализм), Л. П. Чурина (этика), А. Ф. Еремеев (эстетика), К. Н. Любутин (история философии), В. М. Калугин (история религии) – велись семинарские занятия. Курс «История мирового искусства» нам прекрасно прочла выпускница Академии искусств Ленинграда, риторики и древнерусского языка, преподаватель кафедры русского языка с филфака Н. П. Костина. Блестяще вел занятия по латинскому языку профессор А. В. Матвеев.

Впервые организованный курс «Научного коммунизма» для всех студентов гуманитарных факультетов читал Л. Н. Коган. Курс носил полемический характер, постоянные дискуссии разворачивались прямо на лекции. Л. Н. Коган искусством полемики владел блестяще. За этим интересно было наблюдать и учиться.

Я училась в начале 60-х, когда философия была особенно востребована в обществе, интерес к ней был колоссальный. Поэтому мы, студенты, а с нами и аспиранты, не пропускали ни одной лекции. Привлекала свобода, открытость суждений преподавателей, их знания, способность вести дискуссию в аудитории.

Особое впечатление на меня лично произвела лекция М. Н. Руткевича об итогах Международного философского конгресса в Мексике в 1963 г., участником которого он был.

Я его слушала впервые, не думая, что буду когда-то работать под его руководством. Блестящая эрудиция, знание предмета, логика,

система аргументации давали возможность М. Н. ярко и убедительно представить состояние философии в мире в то время, обозначить место, роль и влияние марксистской философии, социалистических идей и их влияние на мировую философию. Знаменитая 19 аудитория учебного корпуса истфака на ул. 8 марта была заполнена задолго до начала лекции студентами, аспирантами, преподавателями. Имя М. Н. Руткевича было хорошо известно аудитории. Его учебник по «Диалектическому материализму» был признан лучшим в стране. Достать его в библиотеке было трудно. Он все время находился на руках у студентов. Но одно дело учебник, другое дело лекция самого автора. К тому же большинство первоисточников по философии просто не были доступны нам, студентам, поэтому встреча с «живым» известным философом, вызывала особый интерес.

Чтение лекций по философии в публичной аудитории требует ее определенной подготовки, тем более лекции по теоретическим проблемам такой науки, как философия. Лекции М. Н. Руткевич носили теоретический характер, тем они и были интересны, что выступал подлинный ученый, который поднимал слушателей до своего уровня. Аудитория это прекрасно понимала и была благодарна. Большинство классических философских работ, особенно зарубежных философов начала и середины XX века, было не доступно студентам, потому так были популярны лекции, где были представлены их идеи. Надо отдать должное ученым и преподавателям одной из лучших кафедр философии УрГУ, и в первую очередь, М. Н. Руткевичу, которые, понимая истинное положение с доступностью философской литературы, делали многое, чтобы познакомить студентов с ее содержанием.

У М. Н. была продуманная система подготовки будущих кандидатов наук, преподавателей высших учебных заведений страны. Она включала не только работу над кандидатской диссертацией, но и обязательное участие во всех научных семинарах и конференциях, которые прямо или косвенно были связаны с твоей собственной научной темой исследования. Кроме того, для поступающих в аспирантуру кафедрой философии в то время по инициативе М. Н. был организован специальный курс лекций по диалектическому материализму, который читал И. Я. Лойфман. Цель была одна – познакомить соискателей с теми требованиями, которые кафедра предъявляла к соискателю, и в то же время ввести слушателей в современные проблемы философии.

Одновременно в университете марксизма-ленинизма я слушала курс марксистской философии. Лекционный курс по философии среди широкого круга городской интеллигенции был особенно популярен. Лекции по диалектическому материализму читали Е. Ф. Молевич, И. Я. Лойфман, по историческому материализму Г. П. Орлов. Аудитория – преподаватели вузов города, учителя школ, ведущие инженеры предприятий. Соответственно аудитории – вопросы, дискуссии и полемика. Пишу об этом, чтобы подчеркнуть особенность времени, связанного с изменением политической, идеологической и социальной ситуации в Советском Союзе конца 60-х – начала 70-х гг., которая вошла в массовое сознание как «оттепель».

Если отметить работу в аспирантуре под руководством М. Н., то ее первая часть – это «введение»: знакомство с претендентом, в первую очередь, его научные и познавательные интересы, культурный кругозор, творческие способности, человеческие качества. При знакомстве со мной лично М. Н. интересовала и эта сторона моих интересов, хотя к этому времени мои документы и рекомендации ему уже были известны. Как я поняла позднее, подобные требования касались всех поступающих в аспирантуру.

Но самое важное в работе М. Н. Руткевича с аспирантами – вторая ее часть, естественно, тема исследования, ее содержание. Мои научные интересы к этому времени определились. Они были связаны с югославской философией, в первую очередь, группой «Праксис», с идеями которой я познакомилась, читая газету «Политика», которую несколько лет подряд выписывал муж. «Политика» была одной из самых влиятельных газет в тогдашней Югославии. В газете была довольно широко представлена не только политическая, но и культурная, в том числе философская, мысль тогдашней Югославии.

«Политика» и сейчас является одной из популярных газет, только теперь, после распада Югославии, это уже газета Сербии. Если учесть, что в настоящее время в Сербии выходит 2300 газет, включая 200 ежедневников, «Политика» является самой популярной газетой, выходит ежедневным тиражом около 200 тысяч экземпляров, причем состоит из нескольких тематических тетрадок на 48 цветных полосах. Научные и философские проблемы и сейчас широко представлены на ее страницах.

В «Политике» обсуждались проблемы философии вообще, марксистской в частности, вопросы смысла и перспектив социализма, анализировались его различные формы. Особый интерес у меня

вызывала концепция «гуманистического», «аутентичного марксизма», который активно пропагандировал журнал «Праксис». Об этом я и рассказала в личной беседе М. Н. Но М. Н. Руткевич мой исследовательский интерес направил на анализ собственно философских представлений журнала «Праксис», который выходил с 1963 г. по 1974 г. в г. Загреб (Хорватия). Это был марксистский журнал, авторы которого выступили с идеей необходимости творческого подхода к содержанию марксизма, К. Маркса в первую очередь.

М. Н. был лично знаком с некоторыми авторами журнала (П. Враницким, Г. Петрович и др.); встречаясь на философских симпозиумах, он не разделял их взглядов и убеждений, но считал необходимым изучать и знать содержание их идей. По рекомендации М. Н. позднее в Москве я познакомилась с С. Брайович и Э. Йова, югославскими философами, которые работали старшими научными сотрудниками в Институте философии АН СССР. Оба принимали участие во второй Мировой войне, личности очень интересные; общение с ними, беседы значительно дополнили мои представления о философской культуре тогдашнего югославского общества. К тому же оба с исключительной биографией.

С. Брайович был активным участником партизанского движения в Югославии. В 1949 г. был репрессирован за несогласие с политикой Б. Тито. До 1956 г. находился в лагере «Голый остров» в Югославии, затем эмиграция в СССР. Оба окончили МГУ: С. Брайович философский факультет, Э. Йова – отделение журналистики филологического факультета. Мне были интересны работы как того, так и другого. Благодаря докторской диссертации С. Брайовича, его публикациям я много узнала о философских течениях в общественной мысли Югославии в 60–70-х гг. Тем более, что данная проблема в советской философской литературе того времени было представлена крайне недостаточно, если не сказать более.

Работа Э. Йова «Практика как всеобщий критерий истины» была мне известна, я с ней познакомилась в библиотеке Института философии на Волхонке, а «Всеобщая теория значения» после ее обсуждения в Институте философии АН СССР еще только готовилась к печати. Э. Йова дал мне возможность прочитать его работу. В этих работах меня интересовала концепция отражения как фундаментального принципа диалектического материализма и его связь с практикой. Проблема отражения, практики, свободы в то время и была предметом моего диссертационного исследования. То, как

она интерпретировалась группой «Праксис», мне было особенно важно.

Работа с югославской философской литературой, публикациями журнала «Праксис» (концепцией «аутентичного марксизма» как основной концепцией журнала) в спецхранах библиотек Института философии, Библиотеке имени В. И. Ленина, Библиотеке иностранной литературы дала мне возможность изучить общее состояние философской культуры в социалистической Югославии, понять сложные социальные, политические и идеологические процессы в тогдашней Югославии. И в то же время впервые открыть для себя многообразие интерпретаций марксистской философии, моделей социализма. «Югославский социализм» был одним из них.

Состояние общественных процессов в Югославии не могло не отразиться на содержании идей, которые были довольно широко представлены в общественном сознании. Что для меня было неожиданностью – это довольно большое количество философских журналов в Югославии с довольно разнообразными и даже противоположными взглядами и представлениями. Философские журналы постоянно выходили во всех республиках и университетах. В Советском Союзе их было всего-то: «Вопросы философии», «Философские науки» и Вестники МГУ, ЛГУ, Ростова-на-Дону. В то время только на философском факультете Белградского университета регулярно выходило два журнала: «Filosofija» и «Dialektika». Причем редакции журналов по принципиальным философским вопросам занимали альтернативные позиции.

В 1967 г. М. Н. пригласил меня быть его соавтором рецензии на учебник «Диалектический материализм» двух югославских авторов, профессоров Белградского университета А. Стойковича и Б. Шешича. Это было второе, переработанное для печати издание курса лекций, читаемого на философском факультете (Вопросы философии. 1969. № 7). Рецензируемый учебник представлял один из возможных вариантов изложения курса диалектического материализма, отличался острой полемичностью (которую авторы сохраняли на протяжении всего курса), оригинальностью структуры, насыщенностью естественно-научным материалом, доступностью изложения, довольно обширным справочным материалом. Учебник читать и рецензировать было очень интересно. Авторы последовательно отстаивали позицию диалектического материализма как философии марксизма, представив его онтологическую вер-

сию. Критиковали философию «абстрактного гуманизма», сторонники которого в Югославии, в первую очередь «Праксис», считали диалектический материализм «онтологической» и «позитивистской деформацией» философии марксизма. Работа над рецензией учебника под руководством М. Н. – о чем еще можно мечтать.

В 1970 г. на Международной философской конференции в Москве я познакомилась с Д. Лековичем, профессором философского факультета Белградского университета, который, как оказалось, был знаком с рецензией. Он хорошо знал работы М. Н. Имя М. Н. Руткевича было известно в Югославии. Вызывала интерес и деятельность созданного М. Н. Руткевичем философского факультета, что свидетельствовало о наличии серьезной философской школы на Урале, без существования которой создание подобного факультета было бы невозможно. Ее знали, работами ее представителей интересовались.

Для меня лично хорошей школой было участие в работах конференций любого уровня. Кстати, М. Н. постоянно обращал внимание и меня лично учил серьезно относиться к любым выступлениям участников конференций, стараться понимать основания утверждений выступающих, были ли это конференции международного уровня или наши региональные. Речь шла о результатах работы исследователей в области философии, что давало возможность видеть эволюцию идей. То же самое касалось и спецкурсов, которые постоянно практиковались на факультете во время моего обучения в аспирантуре.

Помню просьбу М. Н. внимательно отнестись к спецкурсу профессора В. Столовича в той его части, где речь шла о специфике художественного отражения и его формах, или о характере отражения в физических системах в выступлении молодого исследователя из Ижевска. Не говорю уже о спецкурсах профессора, зав. кафедрой философии Пермского университета В. В. Орлова, где проблемы теории отражения и их интерпретация занимали центральное место, но их содержание отличалось от концепции отражения М. Н. Руткевича.

Работа с М. Н. на его спецкурсе (я вела семинарские занятия), а затем, после его отъезда в Москву, и чтение спецкурса на философском факультете требовало постоянной работы с философским материалом по теории отражения и особенно по теории познания. Интересна была и ситуация с влиянием группы «Праксис» на европейских философов, в первую очередь стран социалистического лагеря. Я познакомилась с обсуждением проблем отражения, прак-

тики и свободы философами Болгарии, Польши, Чехии, Германии (в то время ГДР). Способствовало этому и знание языков, в первую очередь сербско-хорватского, болгарского, немного польского и чешского. Изучение немецкого языка в течение четырех лет было обязательным. Немецкий язык входил и в программу кандидатского минимума. Для работы мне необходимо была оценка идей «аутентичного марксизма» немецкими философами (проблема, поднятая «Праксис», интересовала всех).

Главное в аспирантуре – это работа над диссертационным исследованием. Без подготовительной работы, которая строилась на изучении первоисточников, в первую очередь философских работ Г. Петровича, М. Марковича, Ж. Видовича, П. Враницкого, С. Стояновича, Р. Супека, М. Кангрри, А. Крешича, Д. Грлича, М. Животича и других представителей группы «Праксис», философов Белградского университета (журналы «Filosofija» и «Dialektika»), диссертационное исследование было бы невозможно. В работе я использовала материалы симпозиумов в Югославии. Это гг. Блед (1960), Белград (1963, 1964, 1967), где философские идеи «Праксис», в первую очередь, их концепция «аутентичного марксизма» была подвергнута критике югославскими философами – марксистами (Д. Неделькович, Б. Шешич, А. Стоянович, Д. Лекович и др.). М. Н. читал мою диссертацию буквально накануне защиты. Диссертацию я защитила 22 июня 1971 г. Официальными оппонентами выступили профессор, доктор философских наук Г. П. Орлов и в то время еще кандидат философских наук доцент Любутин. Тема моего диссертационного исследования – «Свобода и практика».

Я коснулась только одной грани работы М. Н. Руткевича, но для меня самой существенной. И кроме глубокой благодарности судьбе за встречу и возможность работать под его руководством, пусть и непродолжительное время, я ничего другого бы себе не желала.

Литература

Творческий путь создателя факультета (Выдержки из кн.: Руткевич М. Н. Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70 гг. XX в.) // Уральская философская школа: 50 лет – 50 имен / Под ред. Л. М. Андрюхиной, Л. А. Мясниковой, В. А. Лоскутова, В. В. Скоробогачко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та управления – филиала РАНХиГС, 2016. – 668 с.

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры культурологии и дизайна
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия)
E-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

**О М. Н. РУТКЕВИЧЕ И И. Я. ЛОЙФМАНЕ:
ОБ ОБЩЕМ И ОСОБЕННОМ
В ДВУХ ФОРМАХ МАРКСИЗМА И О СЕБЕ**

**M. N. RUTKEVICH – I. YA. LOIFMAN:
GENERAL AND SPECIAL OF THE TWO FORMS
OF MARXISM IN THE PAST AND A NEW ERA**

Аннотация. Историческая работа школы М. Н. Руткевича – И. Я. Лойфмана сложена из разных форм марксизма. Марксизм изначально имел две формы. В условиях разрушения реального социализма история XX в. показывает, что в начавшейся в СССР десталинизации, когда проблемы морали и политики вышли на первый план, в общественном сознании начинает господствовать идеология молодого К. Маркса. Она может временно заменять теорию, отвергая сталинизм, обозначенный как догматизм. Вслед за удалением ревизионистской модели гуманизма из марксистской теории должно последовать ее выбрасывание из практики. Не ложная теория, но ошибочная практика партийных съездов создавала ложные теории.

Ключевые слова: Две формы марксизма, гуманистический перелом в общественном сознании, на чем свихнулись философы, новая гуманитарная наука, научное мировоззрение, история повторяется дважды, две формации, исправление ошибок, товарное производство, компетенции и навыки работника.

Abstract. Scientific culture and the creation of a new world view is the main condition for victory in the battle of civilizations of the XXI century in the future, leading to regression and fascism. Historical work of the school of M. N. Rutkevich – I. Ya. Loifman consists of different forms of Marxism. Marxism originally had two forms. In terms of destruction of real socialism in the history of the twentieth century shows that in the Soviet Union began de-Stalinization, when the problems of ethics and politics came to the fore in the public consciousness begins to dominate the ideology of young K. Marx. It can temporarily replace the theory, rejecting Stalinism marked as dogmatism. After the destruction of the revisionist model of the humanism of the Marxist theory must be followed by its ejection from practice. Not about theory, but incorrect practice of the party congresses has created a false theory.

Key words: Two forms of Marxism, humanistic turn in social science, mad philosophers, the new Humanities, the scientific worldview, history repeats itself twice, the

two formations, correction of errors, the production of commodities, competencies and skills of the employee.

«Сова Минервы вылетает в полночь»: не раз И. Я. Лойфман повторял эту фразу Г. Гегеля. Теперь настала та полночь, когда можно посмотреть на итоги и результаты исторической работы школы М. Н. Руткевича – И. Я. Лойфмана. Эта школа состоит из разных людей и даже разных форм одного учения. Дело в том, что марксизм К. Маркса изначально имел две формы – марксизм в философии един, а форм две. Какова судьба этих форм сознания, демонстрирует история и настоящая статья.

Марксизм К. Маркса изначально имел две формы

Первая форма марксизма К. Маркса – еще ненаучная и антропологическая концепция «Экономическо-философских рукописей 1844 г.». Она изобилует чуждой зрелому марксизму терминологией из области психологического анализа общественных отношений, вроде «отчуждение», «личность», «человек». После «эпистемологического разрыва 1848 г.» (Л. Альтюсер) марксизм стал пользоваться понятиями: «эксплуатация», «индивиды как суппорты социальных отношений», «классовые индивиды». Сама теория «товарного фетишизма» в первом томе «Капитала» стала остатком прежнего ненаучного антропологического крена, экивоком и заигрыванием с гегельянщиной. *Второй формой марксизма* – зрелого и научного, где отсутствует проблематика личности – стали подготовительные рукописи к «Капиталу» и последующие труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Встать на точку зрения признания марксизмом трудов раннего К. Маркса – значит стать последователем Р. Гароди, отвергнутого за ревизионизм Французской коммунистической партией еще в 1966 г. Уже в конце XX в. Р. Гароди завершил свою духовную эволюцию в облики модернизированного мусульманина. Перестройка в СССР началась с крена в рассуждениях об общечеловеческих ценностях, личности, ее новом мышлении и правах человека, использованных западными спецслужбами и манипулируемыми ими диссидентскими группами.

Мысль о том, что классовая борьба рабочих приведет к свержению господства буржуазии и власть возьмет в руки пролетариат, потрясает мир до сих пор, а процесс формирования класса проле-

тариата и завоевания им политической власти может стать смыслом жизни передовой интеллигенции. Западные – историцистская, впоследствии еврокоммунистическая, (А. Грамши) и структуралистская (группа Л. Альтюсера) – версии марксизма в XX в. настаивали на том, что диктатура осуществляется через гегемонию класса, через идеологические аппараты государства. Сталинизм подорвал веру в гуманистический марксистский проект. Вспомним, что замена диктатуры пролетариата диктатурой номенклатуры, разоблачение культа личности и его последствий XX съездом КПСС поставили левых интеллектуалов Запада, особенно в Италии и Франции, в трудное положение: трудно было противостоять тогдашнему гуманистическому экзистенциалистскому «прибою» и иным формам штурма марксизма буржуазной идеологией.

В 60-е гг. в марксистской философии назрел теоретический скандал, именно в это время мы стали студентами философского факультета. Марксистской теории угрожала в первую очередь буржуазная и мелкобуржуазная картина мира, основанная на проблематике личности. Сам марксизм постепенно был обвинен в сциентизме и до сих пор марксистскую позицию М. Н. Руткевича обвиняют в сциентизме. За философией в этой антициентистской версии закрепляется гуманизм. В результате возникает немарксистская установка в буржуазной концепции мира. В современной философской форме эта концепция мира проявляется в неопозитивизме и феноменологическом субъективизме-экзистенциализме. Готовы ли принять такую картину мира революционные классы? Большая часть нашего курса приняла гуманизм, а я пошел за М. Н. Руткевичем, за его учением о массах и классах.

Открытая К. Марксом новая наука об истории (мы знаем единственную науку – науку Истории, говорили классики) меняет ситуацию в теоретической области: она позволяет покончить с традиционным господством идеализма. В сущности, М. Н. Руткевич своими лекциями учил нас, что борьба классов может резюмироваться в борьбе «за» или «против» слов. Часто мы студенты этого не понимали и подшучивали над его критикой «забавного товарища А. П. Огурцова» или «пермского мыслителя В. В. Орлова». История показала, что А. П. Огурцов подвергался заслуженной критике, а В. В. Орлов стал самым крутым пермским догматическим марксистом. Опыт перестройки мне показал, что наиболее опасны слова «гуманизм» и «личность». Хотя коммунисты борются за сво-

бодное, справедливое общество, нельзя отождествлять марксизм с гуманизмом, ведь на практике понятием «гуманизм» оперируют буржуазные идеологи для противопоставления понятию «борьба классов».

М. Н. Руткевич выступал как *аутентичный марксист*, когда утверждал, что философы-марксисты должны отказаться от выражения «человек творит историю», потому что оно используется буржуазной идеологией, в противовес пролетарскому выражению «массы творят историю». Философия, следовательно, сражается за понятия, за слова, за их верный смысл и его нюансы, и эта борьба является частью политической борьбы. А потому настоящий марксизм ведет бой и в сфере научных понятий («концепция», «теория», «отчуждение», «дискурс»), а также в сфере привычных нам терминов (не «личность» и «права человека», но «люди», «массы», «народ», «борьба классов»). М. Н. Руткевич часто приносил на лекции труды модных философов, изданные «Политиздатом» в серии «Над чем работают, о чем спорят философы». Эту серию он насмешливо называл, потрясая свежиспеченной книжицей: «На чем свихнулись философы».

В сущности, М. Н. Руткевич был близок к тому, чтобы обнаружить отрыв от буржуазной идеологии в работах К. Маркса до 1845 г. и в период созревания и становления марксизма (1845–1857 гг.). Он не мог этого сказать, поскольку мы жили в период после XXII съезда КПСС, когда съезд единогласно (!) отказался от классового подхода и тезиса о диктатуре пролетариата. Съезд отказался от реального социализма, построенного как переходный период от капитализма к коммунизму в середине 30-х гг. Съезд взял курс на построение социализма в десять лет и построение коммунизма в последующее десятилетие. Начался период, который завершился в 1991 г. установлением диктатуры буржуазии. В этот тридцатилетний период была раздроблена единая общенародная собственность, началась ее приватизация партийно-государственным аппаратом и сосредоточение ее в руках частных собственников.

В условиях разрушения реального социализма, в начавшейся в СССР десталинизации, когда проблемы морали и политики вышли на первый план, в общественном сознании начинает господствовать идеология молодого К. Маркса. Она временно заменила теорию, отвергнув сталинизм как догматизм. Так называемые «сталинские преступления», на самом деле, – это не отклонения

и деформации социализма, но продукт продолжающейся классовой борьбы и неизбежный ход истории.

Все это, как я понимаю, М. Н. Руткевич не мог нам рассказывать, будучи связанным партийной дисциплиной и общим упадком марксизма в эпоху брежневистской сдачи позиций и следования за губительным курсом, заложенным Н.С. Хрущевым. Хрущев был снят в 1964 г., но курс его сохранился в новой экономической реформе 1965 г., в дальнейшей деконструкции советской власти и реальной диктатуры рабочего класса. М. Н. Руткевич понял, что необходимо преобразование оставшейся инерциальной практики масс в философские тезисы. И центральная задача здесь – критика гуманизма. Именно этому Михаил Николаевич и посвятил оба издания своего знаменитого учебника «Диалектический материализм» и книги «Ленинская теория отражения и современность». Вслед за удалением ревизионистской модели гуманизма из марксистской теории должно было последовать ее выбрасывание из практики. Однако практика оказалась ложной. Не ложная теория, но ошибочная практика создавала ложные теории.

Гуманистический перелом в общественных науках

Гуманистический перелом в общественных науках привел к появлению марксистов, исходивших в своих построениях из тезиса о тождестве личности и общественных отношений. Вся хрущевско-горбачевская перестройка исходила из необходимости демократизации для построения «социализма с человеческим лицом» и была навеяна работами раннего К. Маркса с его идеологией человека и воспеванием потребностей как скрытой и интимной формы существования общественных отношений в структуре личности. По отношению к образу социализма позднего Маркса-Ленина-Сталина такая перестройка объективно была ревизионизмом, а ее деятели – ренегатами. Их ренегатство проявилось в контрреволюционном свертывании перестройки, разрушении реального социализма и приватизационном расхищении общенародной собственности выходцами из партийного и комсомольского аппарата. В этом наглядно проявился вред гуманистического тумана философии раннего К. Маркса, узурпированного коммунистическими бонзами.

В результате в СССР во второй половине XX в. восторжествовал «ранний Маркс», которого стали называть «молодым Марксом». Именно идеи молодого К. Маркса определили вектор перестрой-

ки (вдохновили массы на демократическое дымовое прикрытие бюрократической революции аппарата) и привели в конце XX в. к формированию вождистской системы ельцинизма как власти буржуазии.

Я считаю, что сам М. Н. Руткевич принадлежит к ветви зрелого марксизма, а И. Я. Лойфман к марксизму раннему, гуманистическому. Это доказывается трагической судьбой их концепций в период перестройки и либеральных реформ в России. Ленинская теория отражения, всесторонне описанная и обоснованная М. Н. Руткевичем, лучшее доказательство зрелости его теоретической ориентации и приверженности зрелой версии марксизма.

Поделюсь воспоминаниями. Поскольку я учился в одной английской школе № 2 с сыновьями Михаила Николаевича – Алексеем и Николаем (мы называли их «брат Леша» и «брат Коля»), то отца братьев приходилось наблюдать в разных неформальных ситуациях.

М. Н. Руткевич любил молодежь – он ее воспитывал

В июне 1967 г. наши восьмые классы отправили на уборку моркови в колхоз. Вечером после работы, когда мы разминались в футбол, я увидел мчащуюся к нам грузовую машину, в кузове которой стоял и махал рукой М. Н. Руткевич. Отец приехал не просто к сыновьям – он приехал к нам всем. В 50-летнем возрасте легко выпрыгнул из кузова и сразу же собрал вокруг себя ребят; рассказал, что началась война на Ближнем Востоке – Израиль напал на коалицию пяти арабских стран. В знак протеста телесеанс «Интервидения» отменяется. Все мы страстно ожидали первый в нашей жизни сеанс глобального телевидения, на котором нашему родному Свердловску уделялись две минуты. Так нарушилось ожидаемое нами рождение мирового сообщества. Нам объяснили все про империализм, его природу, национальный вопрос и сверхприбыли. Прекрасная прививка от прекраснотуши и абстрактного гуманизма!

М. Н. Руткевич любил молодежь – он ее воспитывал. По его инициативе был создан КУЮМ (комсомольский университет юного марксиста) на базе Дворца пионеров, лучшие преподаватели философского факультета были отправлены на встречи с нами, тогдашними абитуриентами. При поступлении на факультет была проведена встреча декана со свежеспеченными первокурсниками. «Здравствуй племя, молодое, незнакомое!» – такой была первая фра-

за декана. Декан приглашал офицеров КГБ для информационных выступлений перед нами. По итогам этих выступлений мы прикалывались над непрофессиональными оценками спецслужбистов возникавшей тогда молодежной культуры.

Михаил Николаевич принадлежал к поколению победителей в войне. Таких мужчин-победителей оставалось мало – из войны вышло 3 из 100 человек поколения, рожденного в 1922 г. Об этом мне говорил дядя Яша – ракетный конструктор из Днепропетровского «Южмаша». В его окружении все конструкторы или прошли войну, или были старше и провели войну в «ящиках». Я видел секретнейшего генерального конструктора М. К. Янгеля, и мне показали издали С. П. Королева. В окружении моего отца, математика и начальника штаба самоходных орудий, все были фронтовики-офицеры. Я и жил в офицерском доме. Поэтому я воспринимал критические замечания М. Н. Руткевича на лекциях по диалектическому материализму не только как отцовскую справедливую порку, но и как величайшую похвалу. М. Н. Руткевич назвал меня «любителем изящной словесности». Он раскритиковал меня за то, что я упрощенно публицистически на первом курсе взялся за решение серьезных социальных проблем. Он говорил, что проблемы есть отражение противоречий, и они не могут быть решены наскоком. О чем я тогда писал на привезенной отцом из Германии портативной пишущей машинке (а публиковался я в «Вечернем Свердловске»)?

Весной 1970 г. я взялся писать легкие полусатирические заметки на темы «Где узнать о товаре?», «Секретная улица», «Куда деваться молодежи» и т. п. Комсомольская организация курса приняла мою критику за сигнал к действию – комсорг курса коммунист Г. Бурбулис провел комсомольское собрание, которое я покинул в знак протеста против зажима свободы слова. А жили мы еще тогда по сталинской конституции... Стенгазета «Логос» отреагировала статьей «братьев Заботиных» (все знали, что под псевдонимом скрывались Л. А. Закс и И. И. Субботин). Памфлет был снабжен большой карикатурой, на которой я был изображен стоящим под снегопадом с большим плакатом, на котором было выведено переименованное название моей статьи «Куда надевать обувь молодежи». Такие публикации и обсуждения в те времена приводили к утрате комсомольского и студенческого билетов, а также к запрету на профессию. Между тем ничего подобного со мной не произошло – Н. Руткевич спас меня тогда.

«На чем свихнулись философы»

М. Н. Руткевич был не сахар – от него попадало всем, кто не стоял на научной позиции и не стремился к истине, довольствуясь правдоподобием, удобством и конвенцией. Он критиковал В. К. Бакшутова до того резко, что, судя по всему, повлиял на решение ВАК о неприсуждении тому докторской степени. Много лет спустя я помогал В. К. Бакшутову, которому руководимая мной кафедра УГТУ-УПИ дала отзыв на вторую докторскую работу. Ее он успешно защитил в нашем Уральском университете. На обсуждение этой работы в диссовете и обсуждение его выходящих книг я собирал городскую патриотическую общественность, проводил заседания городского интеллектуального дискуссионного клуба, председателем которой был долгие годы. Я взялся тогда за научное редактирование работ В. К. Бакшутова в 1994 г. сразу после расстрела режимом Ельцина Дома Советов. Мы издали до его кончины в 2015 г. множество книг: «Русский вопрос», «Ленин против Маркса», «Капитализм и социализм – кто ведет человечество», «Восток и Запад – кто ведет человечество», «Философия чувств» и другие. Поскольку в 1993 г. я благополучно для себя вернулся с расстрела Дома Советов живым, то под влиянием друзей как убежденный научный атеист и оставаясь атеистом, уже в возрасте 42 лет прошел таинство крещения, т. е. разделил судьбу своего народа.

В. К. Бакшутков не терпел М. Н. Руткевича как марксиста, интернационалиста и сталиниста. Сам В. К. Бакшутков был учеником А. Ф. Лосева, убежденным ленинцем и русским патриотом. Каждый из любимых мной авторов владел частью истины, однако на более верных и исторически оправданных позициях стоял М. Н. Руткевич.

Однажды М. Н. Руткевич позвонил мне на домашний телефон. Это было в конце 90 гг. Он поздравил меня с публикациями в «народной газете» «Советская Россия», а также обнаружил мои секретные работы в газете духовной оппозиции «Завтра». Все эти работы были близки ему и Ирине Ивановне. Я поговорил с Ириной Ивановной. Михаил Николаевич был поражен тому, что марксисты повывелись в уральском университете, и я сообщил, что лучший марксист сегодня антимарксист, но ленинец В. К. Бакшутков, кому я и помогаю за неимением каких-либо других оппозиционеров в академических кругах. Дело в том, что в глухую пору ельцинизма я активно публиковался у В. В. Чикина в «Советской России» по

достаточно сложным теоретическим проблемам, поставленным мною в публицистическом ключе. Тогда же я секретно печатался у А. А. Проханова под видом сборка из ряда западных столиц. Именно эти публикации вдохновили М. Н. Руткевича благословить меня на работу в избранном направлении. Никогда не забуду его горечи по поводу коллективного предательства общественности Урала и университета – крушения результатов его работы на Урале по посеву марксистской науки и научного мировоззрения.

Между тем его усилия на Урале были колоссальны. Переориентировавшись на более актуальные социологические исследования, М. Н. Руткевич получил всероссийскую и всесоюзную известность. В 1972 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1973 г. после успешного проведения в Свердловске крупной конференции по социальной структуре общества был переведен в Москву на должность директора Института конкретных социологических исследований, в котором окопалась либеральная диссидентствующая научная тусовка. На самом деле, через четверть века стало понятно, что М. Н. Руткевичу было суждено разгромить антисоветчиков и антикоммунистов в АН СССР. Однако позже их реальная группировка сформировалась в АОН при ЦК партии, откуда вышли основные научные советники М. С. Горбачева.

На зимней конференции в Доме политпросвещения Обкома партии М. Н. Руткевич сделал блестящий доклад, где, используя работу В. И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина», подверг аргументированной критике буржуазные теории стратификации. Он говорил, что западные социологи вместо строгой научной модели нашего общества 2+2+ЛПХ (два класса, две социальные группы и личное подсобное хозяйство) рисуют некую грушу, ромб или слоеный торт на месте социальной структуры.

И. Я. Лойфман: отстаивать научное мировоззрение

Два года И. Я. Лойфман проводил семинары в нашей группе по итогам лекций М. Н. Руткевича. Все это было в СССР. И если в области диалектического материализма, виртуозного анализа категорий диалектики, описания единства диалектики, логики и теории познания И. Я. Лойфман был неотличим от М. Н. Руткевича, разве что выделялся своим неподражаемым тонким юмором и совершенно серьезным лицом, то в области понимания социальных явлений расхождение было заметным. Правда, в полной мере это

проявилось через четверть века после нашего обучения. На юбилеи И. Я. Лойфмана я обычно приходил по сигналу Г. Бурбулиса, с которым мы тогда работали и учились в аспирантуре УПИ. И уже тогда выяснились любимые цветы И. Я. Лойфмана – красная гвоздика. И только в день своего 70-летия Исаак Яковлевич, учитывая мою память и вкус в выборе цветов, сообщил, что это символ социалистических партий Европы и символ предпочитаемого им демократического социализма.

Посещая консультации И. Я. Лойфмана по вторникам на ИПК, мы все становились в очередь и общались, наблюдая за работой Учителя. Внимательно наблюдая за моими газетными и иными публикациями (а я их приносил, дарил, как делали все в то время), И. Я. Лойфман как-то, в свою очередь, подарил мне серенькую книжечку своих лекций и подписал пожелание и наставление в жизненном пути. Но пожелал он мне совсем не то, что желал М. Н. Руткевич. Он пожелал мне и впредь отстаивать научное мировоззрение и бороться за него. А в условиях прилива иррационалистических и даже конспирологических концепций эта рекомендация стоила десятков томов – выскажусь примерно так, как В. И. Ленин оценил «Манифест коммунистической партии»: эта тоненькая книжечка стоила многих томов. По мотивам книжечки нашего Учителя я читал лекции самым разным потокам студентов в разных ВУЗах города и страны. Уже сейчас в более солидном возрасте я осознал, что М. Н. Руткевич и И. Я. Лойфман посоветовали мне одно и то же, но только с разных сторон. А вот В. К. Бакшуттов усиленно влиял на меня совершенно недиалектически: разрывая В. И. Ленина и К. Маркса, патриотизм и интернационализм, он не утешал меня формированием единого мировоззрения.

Когда книжечка И. Я. Лойфмана мне показалась недостаточно радикальной, поскольку менялась ситуация в общественном сознании, я обратился к твердокаменным марксистским лекциям В. В. Орлова, приехал в Пермь и надолго подружился с лидером пермского марксизма. Но у В. В. Орлова не хватало для меня диалектичности в мышлении – он искренне принимал постиндустриальное общество за реализацию проекта К. Маркса и приветствовал приход этого общества. Для меня постиндустриализм был символом распада капитализма и результатом спецопераций по уничтожению России и истреблению остатков социалистической индустрии, разрушению патерналистского кода жизни русского народа.

Между прочим, и И. Я. Лойфман не понимал меня в интерпретации жизни в новой буржуазной России.

Совершенно наивно я принимался ему рассказывать, что правые ультралибералы-западники и левые радикалы вслед за Л. Д. Троцким продолжают рассматривать Россию и русский народ как революционную силу для преобразований внутри своей исторической территории и как наиболее подходящее топливо для общемировой трансформации. Они считают, что нужна мировая революция, поскольку истории еще не было ни у мира, ни у человека. Эта линия продолжается в антиглобалистском движении, находящемся в поисках «постэкономики» после краха постиндустриализма, в экологическом неомальтузианском содержании доктрин «Римского клуба». Все эти мысли мне были навеяны школой «физической экономики» Шиллеровского института науки и культуры американца Л. Ларуша. У Л. Ларуша я стал представителем Института на Урале на долгие годы. А общее курирование работы Института в России проводил тогда академик С. Ю. Глазьев, нынешний советник по экономике президента РФ.

Я полагал, что леворадикальная национал-большевистская доктрина «Другой России», возникшая на идейной основе Национал-большевистской партии исходит из дряхлости и устарелости существующей России. Хорошо знакомый мне Э. Лимонов вопрошал в личных беседах со мной: почему Россия такая устарелая? Ведь в 1917 г. была революция, якобы радикальная, а 1991 г. была еще одна революция, якобы «цивилизаторская». Национал-большевики полагают, что Россия живет по «адату», по понятиям, сложившимся из обычаев предков. Именно поэтому Россия делала вид, но никогда не жила по социализму, а сейчас не живет по капитализму. Чтобы состоялась Новая Россия, необходимо уничтожить обычаи русского «адата» и остановить воспроизводство убогих и отрицательных архетипов. Разве это не левая версия трансгуманизма, ориентированного на создание нового человека?

Этот левый прорыв совпадает с правым либеральным конструированием общего мондиалистского рыночного будущего. Вместе они стремятся разрушить старый мир «ниже основания», полагая, что задача разрушения будет тяжелее, нежели задача созидания. В сущности, национал-большевики XXI в. – это анти-Ленин: русских на полную переделку, на распыл. Если большевики начала XX в. призывали учиться немецкой деловитости и американскому размаху,

то неонационал-большевики и ультралибералы в поисках трансчеловека требуют полного распыла народа как нации, страны как таковой. Такая стыковка противоположных идеологий не случайна. Эти идеологии основаны на социологическом номинализме – на том, что общества нет, а есть индивиды и они сами являются колониями атомов. Со всем этим, в смысле с моими негативными оценками радикальных идей, И. Я. Лойфман соглашался, он говорил, что «развитие знает круговороты», значит и «история знает круговороты». На тезис о круговоротах я отвечал словами о наличии двух тенденций в развитии – прогрессивной и регрессивной, о том, что даже в океане есть поверхностные и глубинные, но направленные течения, и эти течения можно направлять. Именно так хрущевцы направляли разрушение СССР, начиная с 1956 г. Рассуждения о том, что человек с возрастом меняет взгляды, я отметил, ссылаясь в новую историческую эпоху уже не на молодогвардейцев, но на Христа, который взгляды не менял.

Любому социуму нужно своё обществоведение

Сегодня мало кто в академических научных кругах согласится с тем, что любому социуму нужно своё обществоведение. Между тем научная культура и создание новой картины мира будет главным условием для победы в боях цивилизаций XXI в. за общее будущее. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения, с ее универсальными гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями, которые породили проект архаичного фашизма. Западная наука об обществе отражает такой тип общества, в котором чётко обособлены экономическая, социальная и политическая сферы. Возникает вопрос: как можно с помощью такой науки изучать докапиталистические, антикапиталистические, социалистические социумы? В таких обществах в XX в. развивались собственные науки, которые довольно успешно обеспечивали их динамику и конкурентоспособность.

Поскольку великие державы и великие глобальные социумы строились на великих идеях, то возникает вопрос: какой может быть великая идея России в условиях действующего конституционного запрета на единую государственную идеологию? Эта идея требует создания новых наук для обеспечения перехода к новому мироустройству, который следует сравнивать с переходом от первобытности к классовому обществу. Новое общество строится

на неоиндустриальной базе, и Россия как страна-мессия проекта русского Сверхмодерна призвана возглавить движение человечества к прогрессу и свободе от природных сил и социальных стихийных сил, ведущих к регрессу и фашизму.

В перспективе для каждой системы должны быть созданы свой понятийный аппарат, особый набор дисциплин, свой язык. В России возникла необходимость создать реальную социальную науку, как это делал Запад в эпоху становления модерна и как это осуществил К. Маркс в «Капитале», а затем на базе творческого применения диалектической логики Г. Гегеля осуществил В. И. Ленин. Именно создание новой картины мира станет главным условием победы в битвах за посткапиталистическое будущее – победы мирового социализма, возникающего не на собственной основе в результате краха социализма в СССР, но как новый переходный период от капитализма к коммунизму. Все это приводило И. Я. Лойфмана как сторонника единой научной картины мира в замешательство.

Как показывал А. А. Зиновьев (и мне приходилось с ним обсуждать эту тематику), социология и политическая наука могут быть лишь элементами науки о буржуазном обществе (буржуазоведение, буржуалогия, капиталоведение), которая, в свою очередь, не может быть ничем иным, как элементом науки о Западе. Именно поэтому, на мой взгляд, его книги о Западе, как взгляд изнутри на «западнизм», оказались востребованы на Западе, несмотря на шокирующие названия и неологизмы: «глобальное (западнистское) сверхобщество», «глобальный человек», «западнизм», «западиды», «западнистские клеточки», «идеосфера западнизма», «денежный тоталитаризм». Но А. А. Зиновьев ведь не был марксистом, он был путаником, который средствами логики изучал марксизм и приложил немало сил к крушению реального социализма. Для полного понимания А. А. Зиновьева я отыскал в Москве ветерана войны и однокурсника Зиновьева – А. Н. Зырянова. Подружился с ним настолько, что все свои приезды в столицу останавливался у него в квартире, а не в семье у живущего в Москве сына. Получалось, что Запад не удовлетворился образом «азиатский способ производства» и создал ориентализм – науку как форму власти-знания о Востоке, но не создал таковой науки о самом себе.

На мой взгляд, в социалистических обществах XX в. развивались собственные науки, которые успешно обеспечивали динамику и конкурентоспособность таких обществ, формировали коллектив-

ную память. Так, в Советском Союзе сформировались оправдавшие себя в управлении массами культурно-идеологические конструкции: диалектический и исторический материализм, научный коммунизм и научный атеизм; в Третьем рейхе развивались учения Горбингера и продукция Анненербе, а в начале XXI в. в Северной Корее торжествует неконъюмеристская идеология чучхе, в КНР – контркоррупционные технологии маоизма, в Венесуэле – идеи просвещённого боливаризма, в Чили вернулись к власти сторонники С. Альенде и идеи обновлённого социализма. Все эти научные и образовательные технологии носили мессианский народный характер и имели глубокие научные корни. Если не учитывать эти корни, то остаётся лишь восклицать, как это делал на теледебатах директор Института истории России А. Н. Сахаров: «Я верю в мистическую силу русской равнины». Но чем это отличается от ведущего тезиса программы гитлеровской НСДАП «Мы верим в силу колосющихся полей пшеницы, в труд крестьянина»?

Сегодня в мире существуют две формации

Если настоящему ученому не верить в мистическую силу русской равнины, южноамериканской сельвы или горных цепей Европы, то придется, на мой взгляд, обратиться к движущим, в первую очередь классовым, силам формационного прогресса. Сегодня в мире существуют две формации – капиталистическая и коммунистическая, встречаются обломки феодализма в виде монархической атрибутики ряда европейских стран. В чистом виде социализм победил как переходный период к коммунизму в КНДР, в других социалистических странах идет построение социализма с сохранением родимых пятен капитализма. Китайская народная республика с темпами годового экономического роста в 6,5 % и численностью 1 млрд 380 млн человек, социалистический Вьетнам с 90 млн населением, социалистическая Куба с 11 млн населением, социалистический Лаос с населением 6 млн человек, чисто социалистическая Корея с населением 25 млн человек. К этим социалистическим странам примыкают в рамках ШОС и БРИКС крупные капиталистические государства, не желающие стать жертвами империалистического разбоя. Сегодня у России есть выбор – стать социалистической страной, что маловероятно, или примкнуть в рамках прогрессивной внешней политики и внутренних мобилизационных усилий президента РФ к блоку социалистических госу-

дарств. Альтернативой станет гибель российской цивилизации на всей исторической территории СССР. Эта гибель состоится в рамках проектов и действий по модернизации России и вхождения в так называемую мировую цивилизацию.

Когда я высказал предположение о маловероятности социалистической переориентации России даже в условиях пассивного восстановления СССР, то имел в виду отсутствие политических сил, выражающих интересы трудящихся и в первую очередь рабочего класса в буржуазной России. Три малых политических партии солилирующих правящей партии, также являются мелкобуржуазными – все они настаивают на поддержке малого бизнеса (т.е. мелкой буржуазии с тенденцией превращения в буржуазию), и частично на защите интересов трудящихся, как это делает КПРФ. Но и эта партия при отказе от диктатуры пролетариата и при поддержке малого бизнеса также является мелкобуржуазной по составу и по программным требованиям. Остальные 70 мелкобуржуазных партий комбинируют в своих программах элементы капитализма и социализма, национализма и патернализма, а их популярность, известность и результаты на выборах находятся в пределах статистической погрешности. Значит, Россия должна вновь выполнить невыученные уроки истории.

История повторяется дважды

И вот тут проявились мои расхождения, с, казалось бы, до сих пор единой сциентистской (как ее называли либералы) школой М. Н. Руткевича – И. Я. Лойфмана. К. Маркс, ссылаясь на Г. Гегеля, говорил, что история повторяется дважды – один раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Это одна из наиболее известных и популярных фраз К. Маркса. Однако у К. Маркса на самом деле эта фраза является итогом самостоятельного и сложного классового анализа. При этом забывается другое выражение К. Маркса о том, что «ключ к анатомии обезьяны лежит в анатомии человека»: в том смысле, что высшая форма развития объясняет низшую фазу. На наш взгляд, если провести совместное применение двух данных тезисов К. Маркса к процессам социального развития, то можно не просто описать и предсказать, но и реализовать социальное развитие будущего общества по усеченному графу. То есть можно не дать обществу в его прогрессивной фазе развития проходить наиболее тяжкие стадии разрушения старой социальности и сразу перейти

к высшей фазе движения – к чистке образца 1937 г. Такого рода выводы для поколения марксистов, которое коллективно на XX съезде партии осудило «преступления Сталина», были невозможны.

Другое расхождение с марксовской версией общественной науки, наиболее адекватно воспроизведенной и развитой школой М. Н. Руткевича, заключалось в следующем: из классового понимания общества вытекает новое более полное понимание наций и национальностей. Это сегодня нации скрывают за термином этнос – все есть этнос, но марксизм не может с этим согласиться. А вот И. Я. Лойфман согласился. Он не раз мне с укоризной говорил – пишете «россияне», а не «русские». Я стоял на иной позиции. В Конституции 1993 г., которую, на мой взгляд, надо корректировать, должны звучать общепринятые нашими предками слова – славяне, русские. В том смысле, что все мы русские люди – русские люди грузинского, таджикского, башкирского, еврейского происхождения. В смысл и содержание такого слова должны входить все народности и народы, имеющие единое отечество – рожденные в СССР или родители которых родились в СССР. Все они наши соотечественники, а не армянские, казахские и прочие мигранты. Соотечественники! Я обычно привожу такие примеры: Сталин считал себя русским человеком грузинского происхождения, а Исаак Ильич Левитан даже в Википедии описывается как русский художник, родившийся в обедневшей образованной еврейской семье. В общем, русские люди являют собой славный народ со своим трудолюбием, человеколюбием, всечеловечностью, справедливостью и порядочностью.

В самые ответственные моменты истории национальные лидеры брали всю полноту управления на себя: Николай Второй неудачно преобразовывался в главнокомандующего, Гитлер вел войну, а не его генералы, Сталин становился председателем ГКО. В. В. Путину следует перестать быть конституционно ограниченным арбитром, парящим над ветвями власти – ему следует взять управление на себя и стать для начала председателем правительства – тем, кто сейчас именуется на западный манер премьер-министром. В сущности, эти предложения мы излагали с В. К. Бакшутовым в целой серии его и в ряде моих книг. Причем писали это в самом начале президентских сроков В. В. Путина, высылали в руководство политических партий и лидерам общественного мнения России.

В этом была суть исторического предложения президенту России – остановить второй круг нисходящего развития и деградации и перейти на второй круг восходящего развития коэволюции российского общества и конкурирующих мировых цивилизаций. Альтернативой коэволюции будет деволуция – мировая война, выход из которой русское общество привычно найдет в виде разрушительной революции и гражданской войны.

Мы еще не знаем, по какому кругу пойдет развитие – на самом деле история состоится трижды, она только повторяется в снятом виде (как выражался Г. Гегель, происходит *Aufhebung*) дважды. История первоначально реализуется как стихия народной жизни и жизненный поток, в котором невозможно вычленишь вектор и смысл. В этот момент история заполняет все пространство хаосом освоения нового социального и ролевого пространства. Далее начинается первый круг трагической истории, в котором реализуется трагедия падения ветхого мира и творения нового. Затем наступают второй круг как повторение первого или третий по счету этап преобразований – профанический и фарсовый. Это фарс, который завершает историю и открывает возможности краха всего устройства как устоявшейся формы отношений, или сохраняет эту форму вплоть до завершения физического существования действующих лиц и исполнителей исторических ролей. Можно спросить, а на какой стадии из стадий перечисленных сейчас находятся президент и его народ? Ответ один – сейчас мы находимся на исходе третьего круга развития.

В. И. Ленин владел зрелой формой учения К. Маркса

В сущности, предсказательные возможности марксизма, точнее, двух ветвей уральской марксистской школы беспредельны – они соответствуют историческим этапам формирования учения Маркса и двум формам марксизма, к ранней из которых, как известно, В. И. Ленин не имел доступа. Он владел только зрелой формой учения К. Маркса.

Дело в том, что К. Маркс за неимением времени и стоя перед необходимостью разработки научной концепции социальной революции пролетариата как универсального эмансипатора человечества, был вынужден оставить для будущих исследователей перспективу разработки социально-психологической теории классов и культурологической теории личности, основы которой он за-

ложил в своих ранних трудах. Эти труды были неизвестны ни В. И. Ленину, ни И. В. Сталину. С этими трудами был незнаком рано умерший после тюрьмы А. Грамши и даже погибший в нацистской оккупации теоретик-коммунист Ж. Политцер. В поздних трудах К. Маркс переходит к изучению классов и аппарата государства, создавая тем самым основы целостного научного понимания социального процесса.

Появление в СССР в результате передачи послевоенными германскими социал-демократами из ГДР (Германской Демократической Республики) рукописей раннего К. Маркса совпало по времени с внезапным разоблачением культа личности И. В. Сталина на XX съезде КПСС. У нас, в СССР, работы молодого К. Маркса были изданы в 1956 г., как раз к историческому съезду хрущевцев-десталинизаторов. Как известно, довоенная немецкая социал-демократия надолго спрятала в архивах труды ранних К. Маркса и Ф. Энгельса. После разгрома германского фашизма рукописи К. Маркса передали в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Перевод занял два года и объемный том «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» был издан в 1956 г., т. е. к историческому съезду партии, в последний день работы которого было принято в совершенно оккультной обстановке сценарно-организованное решение о выносе тела И. В. Сталина из Мавзолея. Понятно, что сформулированная хрущевцами теоретическая проблематика культа личности и его разоблачение, равно как и практическая его критика, прямо вытекают из гуманистической тематики раннего марксизма, что и было использовано противниками реального социализма. Однако современное целостное понимание марксизма позволяет увидеть версии и этапы марксизма в жизни и трудах создателей уральской философской школы.

Исправление ошибок в нашу эпоху

Та инфернализация сталинизма, через которую прошло мое поколение 50-х гг. рождения, заставила обратиться к поискам истинного учения. Такой поиск предполагал обнаружение ошибок учителей. Уже в первые годы аспирантуры удалось выяснить, что ошибки К. Маркса и Ф. Энгельса были ими исправлены, поскольку из идеалистов они стали материалистами и затем перешли к созданию первой формы своего учения. Обнаружилось, что и В. И. Ленин исправил свои ошибки в период подготовки первой программы пар-

тии, когда, сняв вначале из проекта Г. В. Плеханова тезис о диктатуре пролетариата и заменив его на представление о руководящей роли пролетариата, затем, почитав классиков, он вновь настоял на внесении принципа диктатуры пролетариата не только в осуществлении революции, но и на первом этапе коммунизма вплоть до полного построения коммунизма. Обратное развитие идей было продемонстрировано КПСС, когда, начав с идеалистического тезиса о «культе личности» и десталинизации в «секретном докладе» на XX съезде, в 1961 г., на XXII съезде КПСС ленинский тезис о диктатуре пролетариата был снят в третьей программе партии. Затем было введено положение о руководящей роли рабочего класса в некоем общенародном государстве и народной партии. Чуть позже была зафиксирована всего-навсего ведущая роль рабочего класса, а затем был вброшен в массовое сознание тезис о развитом социализме, в котором не может быть противоречий и классовой борьбы. Тем самым в 1961 г. начался переходный период от социализма, как незрелого коммунизма, построенного в СССР в середине 30-х гг., к капитализму. Этот период завершился в 1991 г.

Выяснилось, что и И. В. Сталин допускал ошибки в своих трудах. Так, в одном месте в «Экономических проблемах социализма в СССР» утверждал действие закона стоимости и товарности, а в другом отрицал это и настаивал на законе потребительной стоимости. Далее, в ряде мест он говорил о законе достижения максимальной прибыли при капитализме, но в той же работе есть тезис о том, что основным законом капитализма остается закон стоимости, а при коммунизме этот закон не действует, поскольку не отменяется, но практически снимается единым народно-хозяйственным комплексом.

В сущности, трагедия марксистской философской школы Урала приходится на этот переходный период и им же объясняется. М. Н. Руткевич и И. Я. Лойфман работали в этот критический для страны и марксизма период. Они видели, что партия единогласно на съездах одобряла антикоммунистический курс хрущевцев, осужденный международным коммунистическим движением. Они жили в период упадка коммунистической идеи и разрушения власти Советов как организационной формы диктатуры пролетариата в СССР. Последний взлет мировой системы социализма состоялся в 1975 г., когда Фронт национального освобождения победил империализм США во Вьетнаме, а в Лаосе победили коммунисты.

Но дальше начался распад, который завершился крахом социализма в странах Восточной Европы. Поэтому наибольшие переживания и сомнения в Уральской философской школе начались с 1991 г.

Начало XXI в. позволяет надеяться на ренессанс Уральской школы марксизма в философии. Современная эпоха оказалась эпохой революционного перехода от капитализма к коммунизму.

Формирование мировой системы социализма в новом облике, ее консолидация с крупными капиталистическими странами в рамках БРИКС и ШОС ставят вопрос об образе будущего России, его концептуализации. На первый план выходят вновь теоретические вопросы и осмысление диалектики развития. Самое время ставить вопрос об уходе от рыночного хозяйства, от действия закона прибавочной стоимости, о переходе к новым формам продуктообмена, плановому хозяйству. Ставятся фундаментальные философские проблемы развития не как роста, а как преодоления регрессивных тенденций, диалектической логики, осмысления классовой структуры общества с формированием новых классов. Время нуждается в новых Руткевичах и Лойфманах, которые сумеют отразить в своем творчестве тенденции новой эпохи, выразить тенденции не в форме трендов, проектов и прогнозов, но в виде философских концепций и образов будущего, превращенных в планы развития страны, планы народа.

Плановое хозяйство при социализме и зрелом капитализме

Сегодня выясняется, что во всех эксплуататорских формациях товарное производство существует в разных формах. Компетенции и навыки работника в рабовладельческой и феодальной формациях создаются как способности квалифицированного мастера кооперативного производства, удовлетворяющего изысканные и изнеженные потребности господствующих классов. Именно поэтому вещи тех времен обречены на долгожительство, а роскошные дворцы феодального Санкт-Петербурга и других европейских столиц более устойчивы и долговечны, нежели массовая застройка тех же городов эпохи развитого товарного производства капитализма, когда ставится задача получения максимальной прибыли. Однако наиболее надежными оказались предметы и продукты духовного производства коммунистической формации. Эти предметы и продукты созданы в незрелом коммунизме, исходя из обязательного выполнения плана и в соответствии с записанной во второй про-

грамме партии целью производства – достижение всеобщего благосостояния и всестороннего развития каждого. В третьей программе партии, принятой в 1961 г., эта цель в ходе буржуазной ревизии коммунистической идеологии была заменена на некое всемерное удовлетворение растущих потребностей людей. Людей, живущих в придуманном общенародном государстве с народной партией. Н. С. Хрущев выдвинул и утвердил на съезде на базе отрицания диктатуры пролетариата в период так называемого развернутого строительства коммунизма идеи общенародного государства, народной партии, общенародной собственности и прочего идейного бреда, которые были некритично единогласно приняты партийными делегатами. После построенного социализма, а значит, незрелого коммунизма, объявлялась новая стройка, а не совершенствование построенного до полного коммунизма. Естественным делом было бы затем объявить перестройку с переходом разлагающегося социализма в открытый капитализм.

Китайские коммунисты сумели изолировать своих сторонников линии Хрущева-Горбачева, отстранив на 15 лет Чжао Цзыяна, который прямо на площади Тяньаньмынь обещал протестующим «горбоперестройку» и демократические реформы, а до этого изъяв из партийного аппарата «готового Горбачева» – Ху Яобана, что и спровоцировало студенческие волнения. В этом смысле китайские марксисты оказались прозорливее наших коммунистов – практиков и теоретиков. В брежневский «застой», в период руководства партией Ю. В. Андроповым и К. У. Черненко «парт-хоз-элита» не чувствовала разложения социализма, начатого Н. С. Хрущевым, и несмотря на собственное субъективное чувство верности идеалам социализма, ничего не сделала для изменения начатого им троцкистского курса регресса и контрреволюции.

Компетенции и навыки работника в коммунистической формации формируются в ходе не просто совместного, но всеобщего труда, который как свободный труд развивает личность, формирует структуру свободного времени, не требует коллективной забастовочной борьбы за повышение расценок труда и сокращение рабочего дня. При нормальном капитализме такая борьба заставляет буржуазное государство и индивидуального капиталиста заниматься амортизацией средств производства, при которой они обновляются, а капитал самовозрастает, при этом стоимость затрат на единицу продукции падает, причем положение рабочих улучша-

ется, развивается и совершенствуются производства, внедряются рационализация и достижения науки в производство. Именно эту марксистскую модель социологического анализа классов и обмена объяснял нам наш декан М. Н. Руткевич. Он вводил в наше сознание Марксов образ «совокупного рабочий» – «Geseimt arbeit». Это был уровень аутентичного зрелого марксиста Руткевича!

С этой точки зрения, М. Н. Руткевич – «красный», т. е. коммунистический, а И. Я. Лойфман – «розовый», т. е. социалистический. Но, имея виду две исторические формы марксизма, следует утверждать, что они оба марксисты, но марксисты разных версий. Оба состояли в КПСС (а М. Н. Руткевич воевал на фронтах Великой Отечественной, где, похоже, он и вступил в партию), принимали активное участие в работе первичных парторганизаций, сидели на партийных собраниях университета и районных партконференциях и таким образом подчинялись партийной дисциплине и проводили линию партии в жизнь. Они могли внутренне соглашаться или не соглашаться с хрущевскими деформациями реального коммунизма и последующими мутациями официального учения – идеологии КПСС, новой программы партии, решений и постановлений пленумов ЦК партии и съездов КПСС. Наши учителя жили атмосферой общества: решениями и действиями партии и правительства, омещаниванием советского обывателя в гонке за все более полным удовлетворением потребностей, утратой героических идеалов Великого Октября, созданием абсурдного конструкта общенародного государства и фетишизацией партии как руководящей и направляющей силы советского общества эпохи развитого социализма. Ненаучные представления о социализме как незрелом коммунизме, затем о развитом социализме, где нет диктатуры пролетариата, но есть общенародное государство и никакой классовой борьбы, заставляла думающих уральских марксистов, в зависимости от личного борцовского темперамента, все глубже уходить в поэзию, в идеи и идеалы частного служения обществу на том участке общественных отношений, на которые их отправила судьба в лице распорядительной власти партии и ее политики комплектования кафедр, институтов и министерств.

К. Марксу и Ф. Энгельсу было проще

В этом смысле К. Марксу и Ф. Энгельсу в их открытой борьбе с феодальной реакцией и буржуазной контрреволюцией было

проще выковывать свое мировоззрение, создавать секции Первого Интернационала, находиться в переписке с революционерами всей Европы. Они эволюционировали в своих взглядах, в текстах и в революционной деятельности. М. Н. Руткевичу и И. Я. Лойфману было неизмеримо труднее в обществе погибающего социализма, которое уже в 1956–1961 гг. начало свое движение к капитализму.

Есть ли место марксизму, особенно в его зрелой форме, в буржуазной РФ в период рыночного производства, которое смоделировано совершенно искусственно по принципу раннего капитализма свободной конкуренции? Сегодня этот мутантный капитализм не смогут спасти ни образование, понимаемое как оплачиваемая услуга, ни чемпионаты рабочих профессий World Skills, ни реформа РАН и болонский процесс, при котором образование завершается бакалавриатом, а магистры и аспиранты превращаются в оплачивающих обучение студентов. Россию может спасти развитое неоиндустриальное производство, при котором выстраивается единая общехозяйственная кооперация и государственная монополия, т. е. государственный капитализм. Нужен план – годичный, пятилетний, десятилетний, как это планировалось советами народного хозяйства в первые годы советской власти, невыполнение которого есть преступление. Именно сознательно реализуемый план преобразует социальную реальность в условиях построенного незрелого несовершенного коммунизма, в котором 60 % распределения осуществляется по потребностям, т. е. по коммунистическому принципу, а остальное по социалистическому принципу – по труду.

Всеми этими преимуществами обладают социалистические государства. Они способны планировать объемы производства, их номенклатуру, сокращение рабочего времени, развитие способностей трудящихся, систему образования навыков и компетенций. Эти сущностные процессы способны определять новомодные игрушки постиндустриального капитализма – т. н. зеленая экономика, умное производство, цифровая экономика, информационное общество, общество образования и т. п. Именно поэтому в современной экономике лидируют социалистические страны – они не знают кризисов перепроизводства, развивают личность трудящегося в коллективном совместном и всеобщем производстве, не знают агрессию глобальных рынков труда, когда на периферию капитализма переносятся тяжелые, вредные и сборочные производства. Не случайно советская власть приняла не буржуазную «декларацию

прав человека», от которой в восторге хрущевцы-горбачевцы и ельцинисты, но «декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

Известный мне (как председателю общества «Знание» Свердловской области) составленный сколковцами атлас будущих профессий представляет собой отражение безумств и всех иллюзий перехода в виртуальное состояние постиндустриального общества. Список составлен младореформаторами и их учениками, которые имеют слабое представление о реальности капиталистического монополистического общества. В этом обществе, в отличие от капитализма фазы свободной конкуренции, цены за счет сговора не снижаются. Не лучше и профессии, востребованные на возведении циклопических помпезных спортивных сооружений, требующих многомиллиардных затрат на свое содержание. Саудовская Аравия и Арабские Эмираты создают новые индустриальные города будущего – то, о чем мы писали книги и проектировали еще 10 лет назад. В итоге Россия имеет все основания оказаться в хвосте развития капиталистических стран и продолжать бессмысленно играть в формирование якобы новых профессий в экономике, в котором 70 % принадлежит псевдо-государственным монополиям и в условиях поддержки так называемого малого бизнеса, т. е. непрерывно разоряющейся мелкой буржуазии. Действительно, нельзя надеяться, что малый бизнес ларьков выведет Россию на передовые рубежи производства!

Итак, мировые тенденции на рынке труда говорят, что в мировом разделении труда лидируют социалистические и примкнувшие к ним страны. Все мифы о новом креативном классе должны быть отброшены в пользу представления о пролетариате как главной производительной силы завершающего свое историческое развитие капитализма и рабочем классе коммунистического общества, его диктатуре вплоть до полного построения коммунизма, его гегемонии в мировом закономерном формационном прогрессе.

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры онтологии и теории познания
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия)
E-mail: n.v.brianiк@urfu.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ И СЦИЕНТИЗМ ПОЗИЦИИ М. Н. РУТКЕВИЧА И И. Я. ЛОЙФМАНА В ОБЛАСТИ ГНОСЕОЛОГИИ

CONCEPTIONALITY AND SCIENTISM OF M. N. RUTCKEVICH / I. YA. LOYFMARN POSITION IN GNOSEOLOGY

Аннотация. В статье анализируются особенности гносеологической концепции М. Н. Руткевича/И. Я. Лойфмана через сравнение с позициями Л. А. Микешиной и В. А. Лекторского. Обосновывается последовательное отстаивание ими марксистской традиции и сциентизм их гносеологической концепции.

Ключевые слова: концепция, сциентизм, М. Н. Руткевич, И. Я. Лойфман, Л. А. Микешина, В. А. Лекторский.

Abstract. Peculiarity of M. N. Rutckevich/I. Ya. Loyfmarn gnoseological conception by comparison it with position of L. M. Mikeshina and V. A. Lektorsky is analysed in the article. Consecutive standing up for Marxist tradition and scientism of their gnoseological conception is substantiated.

Key words: conception, scientism, M. N. Rutckevich, I. Ya. Loyfmarn, L. M. Mikeshina, V. A. Lektorsky.

В области философского знания, да и в науке в целом, критериями, дающими пропуск в данные области знания (а значит, и отсеивающими), в конечном счете, являются оригинальность предприняемого подхода и новизна идей. На основе данных критериев мне бы хотелось оценить, что было сделано данными мыслителями в одной из по-прежнему значимых областей философии – теории познания. Правомочность и необходимость подобной оценки определяется двумя факторами. Во-первых, созданная М. Н. Р. кафедра *диалектического материализма* в течение всего периода ее существования под таким названием и после ее трансформации сначала

в кафедру *систематической философии*, а затем – *онтологии и теории познания* (под таким названием кафедры существует уже около 20 лет) гносеологическая проблематика, в разных ее вариациях и конкретизациях, является ведущей темой исследований сотрудников кафедры. Подтверждением тому может служить тот факт, что в советские годы кафедра выпустила 10 выпусков по ленинской теории отражения. На этапе ее современного развития кафедра издает ежегодник «Эпистемы» (вышло 12 сборников). Во-вторых, И. Я. и М. Н. занимались исследовательской деятельностью до последних дней своей жизни; важным результатом их совместной деятельности стали две книги: «Диалектика и теория познания» (1994) и «Основы гносеологии» (1-е изд.; 2-е изд. 2003).

Я попытаюсь оценить идеи данных мыслителей в гносеологии на основе заявленных критериев.

Когда речь идет об оригинальности подхода и новизне идей, то важно обозначить точку отсчета. Для оценки интересующей нас позиции М. Н. Р. и И. Я. Л. с самого начала следует признать, что они осознанно отстаивают *марксистский подход* в области теории познания. От своего имени они заявляют следующее: «авторы последовательно проводят точку зрения, которая связана с философским наследием К. Маркса и которую в XX веке стали называть диалектическим материализмом» [1, с. 5]. Причем будем иметь в виду, что свои гносеологические воззрения они предъявляют философскому сообществу в период, когда марксизм в области философии становится объектом уже снисходительной критики (а в начале т. н. «перестройки», которая «перестраивала» и наши головы, марксизм подвергался оголтелой критике) из-за якобы упрощенной трактовки философских вопросов. И в этом событийном контексте М. Н. Р. и И. Я. Л. так раскрывают *принципы теории познания диалектического материализма*: «Суть ее в том, что свойственное вообще материализму признание первичности материи по отношению к сознанию в онтологическом плане (сознание – функция, свойство высокоорганизованной материи) и гносеологическом плане (сознание человека в общем и целом отображает реальность, и поэтому мир познаваем на основе практической деятельности по его освоению) обогащено диалектикой как всеобщим учением о развитии мира, об историческом развитии человеческого познания» [1, с. 5].

Казалось бы, *что* заявлено в этих принципах, кроме прописных учебных истин периода господства марксистской идеологии?!

Но не будем спешить с оценками. Важно посмотреть, как развернуты эти принципы в пространстве гносеологической проблематики и на фоне постсоветской философии. Что касается последней, то особый интерес для нас представляют два московских автора, произведения по гносеологии которых наиболее известны в современной отечественной философии. Я имею в виду Л. А. Микешину и две ее книги – «Философия познания. Полемиические главы» [2] и «Философия науки: учебное пособие» [3], треть данного учебного пособия (первая часть) составляет проблематика философии познания; а также В. А. Лекторского и его книгу «Эпистемология: классическая и неклассическая» [4].

Если говорить о позиции Л. А. Микешинной, то она не только использует новый концепт «философия познания» (хотя несколькими годами раньше это словосочетание ввел в оборот Г. Й. Зандкюлер в книге «Действительность знания» [5]), но и пытается по-новому определить сам статус теории познания. Концепт «философия познания» она выносит в название монографии с целью показать, что современная проблематика познания, погруженная в многообразие «когнитивных практик», преодолевает «консерватизм» «традиционной теории познания», которой, по ее мнению, присущ «натурализм» (работает преимущественно на материале естественных наук), и она не способна выразить познавательную деятельность «целостного человека», т. е. «живой личности», и поэтому оказывается по сути «бесплодной» перед проблемами познания XXI в. (в кавычки взяты слова, используемые Л. А. Микешинной). Все кажется убедительным в ее аргументации предмета философии познания. Но авторская логика дает сбой, когда Л. А. Микешина раскрывает *структуру философии познания*. Она включает в нее теорию познания (или, как она ее называет, традиционную гносеологию), эпистемологию (как современную версию учения о познании), а также философию и методологию науки. Выходит, с одной стороны, она заклеяла теорию познания как бесплодную, консервативную и натуралистичную, а с другой – теория познания оказывается одной из трех составляющих философии познания. Подобную логику трудно принять.

Кроме того, претензия автора представить многообразие «когнитивных практик» (= «богатство познавательного опыта»), а по сути, стремление уйти в философии познания от рассмотрения только одной из разновидностей познания – научного – реализо-

вана лишь частично. «Богатство познавательного опыта» выстраивается за счет привлечения Л. А. Микешиной герменевтического и феноменологического опытов познавательной деятельности. Но ведь и герменевтика, и феноменология, в конечном счете, осмысливают опыт познания в науках: герменевтика уже В. Дильтеем рассматривалась как основоположение наук о духе (что было воспринято и Г. Гадамером); феноменология в лице Э. Гуссерля также осмысливала опыт научного познания, и только его последователи смогли расширить гуссерлевские представления о «жизненном мире» до опыта повседневности.

В этой связи хотела бы обратить внимание на позицию М. Н. Р. и И. Я. Л. Следуя марксистским принципам, они признают науку высшей формой познавательной деятельности, научный характер утверждается и за самой марксистской философией. Поэтому без всяких натяжек их позиция в философии, в т. ч. и в гносеологии, может быть названа *сциентистской*. Но при этом в «Основах гносеологии» теоретико-познавательные принципы раскрываются на материале всех возможных типов познавательной деятельности. Конкретизируем данную оценку. Во второй главе «Субъективное и объективное в образе», где *познавательный образ* предстает как элементарная единица (= клеточка) познания, в параграфе 11.2 «Основные виды субъективных образов объективного мира» раскрываются *научное понятие, художественный образ, нравственная норма, мифологема и религиозный символ* как элементарные составляющие соответствующих им видов познавательной деятельности – от научного до религиозного видов познания. При этом в каждом из видов познавательной деятельности (начиная с каждой элементарной клеточки), согласно концепции М. Н. Р. и И. Я. Л., присутствует зависимость от *объекта и субъекта*, а также от *способа взаимосвязи субъекта и объекта*. Сама зависимость в категориальном выражении раскрывается как *творческое отражение*. И тогда «гносеологическая структура научного понятия <...> характеризуется единством предметно-описательного, оперативно-предсказательного и оценочно-объяснительного аспектов» [6, с. 63]. В *структуре художественного образа* они выделяют предметно-изобразительную, оперативно-конструктивную и оценочно-экспрессивную составляющие, нацеленные на духовное освоение мира по законам красоты [6, с. 67]. В *структуре нравственной нормы* – предметно-императивный, оперативно-мотивационный

и оценочно-санкционирующий аспекты, что позволяет регулировать поведение людей [6, с. 69]. В *структуре мифологемы* – предметно-моделирующая, оперативно-ритуальная и оценочно-этиологическая составляющие, гармонизирующие отношения человека с миром [6, с. 72]. В *структуре религиозного символа* – предметно-иносказательный, оперативно-культовый и оценочно-сакральный аспекты, раскрывающие особенности религиозного отношения человека к миру [6, с. 73]. Надо иметь в виду, что структура научного понятия, художественного образа, нравственной нормы, мифологемы и религиозного символа не просто категориально обозначены; показаны история открытия указанных аспектов субъективных образов и обоснована необходимость их синтеза.

Следовательно, при сознательно принятой установке на *научное* развитие идей марксизма, тем не менее М. Н. Р. и И. Я. Л. в основах гносеологии не заикливаются на особенностях только научного познания, а считают необходимым провести сравнительный анализ всех основных типов познавательной деятельности. Обращение ко всем основным типам и отличает гносеологию от философии науки/эпистемологии, которая прицельно и сориентирована на особенности *научно-познавательной* деятельности и *научного* знания.

Попытаемся в самых общих чертах сравнить позицию М. Н. Р. и И. Я. Л. с позицией В. А. Лекторского. Нельзя не признать, что текст «Эпистемология классическая и неклассическая» читается с большим интересом, впечатление производит и эрудиция В. А. Лекторского – он втягивает в оборот по данной области философии широкий круг не только отечественной, но и зарубежной литературы. Но мы будем оценивать по изначально нами заданным критериям.

Первое, что у меня вызывает вопросы, это *логика* анализируемого произведения и, соответственно, логика предлагаемого автором подхода. Название работы, казалось бы, настраивает на анализ классической эпистемологии и на ее фоне – неклассической эпистемологии. Ни название трех частей книги (*Часть I*. Знание. Человек. Коммуникация; *Часть II*. Проблемы и принципы эпистемологии: новое рассмотрение; *Часть III*. Человеческое познание. Пропедевтика), ни содержание книги не оправдывают этого ожидания. Вторая часть, судя по названию, претендует на раскрытие именно неклассической эпистемологии, но на самом деле мы на-

ходим в ней рассмотрение таких вопросов, которые были изложены в его работе 1980 г. «Субъект, объект, познание» [7]. Конечно, привлекается и новая литература, но разграничения классической и неклассической проблематики в области эпистемологии не проводится. Приведу один пример. В работе 1980 г. В. А. Лекторский, формулируя цель своего исследования, так обозначает свою позицию: «Задача, которую мы пытаемся решить, состоит в том, чтобы продемонстрировать плодотворность того способа понимания познания, познавательного отношения субъекта и объекта, который открывается марксистско-ленинской философией <...> Марксистско-ленинская философия исходит из понимания познания как социально-опосредованной, исторически развивающейся деятельности отражения. Познавательное отражение, предметно-историческая деятельность и коммуникация рассматриваются в их диалектическом единстве» [7, с. 134–135]. В данном случае мы не акцентируем внимания на приверженности автора марксистско-ленинским принципам (тогда исключений не могло быть), а цитату приводим лишь для того, чтобы показать, какое значение он придавал в проблематике гносеологии идее отражения. Достаточно сказать, что из двух разделов книги, второй раздел полностью посвящен проблематике отражения, поэтому он и называется «Марксистский подход: познание как социально-опосредованная, исторически развивающаяся деятельность отражения». Надо отметить, что проблематике, по сути дела, *отражения* посвящена и его постсоветская работа 2001 г.: ведь там, где он излагает «новое рассмотрение» (*Часть II. Проблемы и принципы эпистемологии: новое рассмотрение*). Обратим внимание на названия параграфов этой части – «Ощущение», «Восприятие», «Представление», «Мышление», «Объект», «Субъект», «Объективное», «Субъективное» и др.; и в ряду этих других вопросов идет параграф с названием «Отражение». При этом В. А. Лекторский многократно проговаривает, что идея отражения в интерпретации «эпистемологического реализма» приемлема и плодотворна; и его аргументы в пользу данной позиции убедительны. Но тогда зачем нужны оценки такого рода: «в советский период в качестве официальной идеологической доктрины, от которой специалисты в области эпистемологии не могли отступать под страхом идейного уничтожения, была так называемая «ленинская теория отражения» [7, с. 7]; или вот еще: «начиная с 30-х гг. так называемая «ленинская теория отражения» навязыва-

лось всем советским философам в качестве неоспоримой догмы. Когда в 60-е, 70-е гг. у нас появились оригинальные исследования в области теории познания, то и они вынуждены были ссылаться на эту «теорию» и использовать ее терминологию, хотя по существу не могли не отступать от ее догматических принципов в ту или другую сторону <...> Вместе с тем использование терминологии «теории отражения» затрудняло обсуждения ряда современных эпистемологических проблем. Разработка неклассической эпистемологии поэтому означает для нас также и пересмотр собственного наследия в этой области, отказ от некоторых положений, уточнение и конкретизацию других» [7, с. 8]. Как мне представляется, В. А. Лекторский и в советский и в постсоветский периоды отстаивал трактовку принципа отражения как основы *позиции реализма* в области гносеологии (термин «эпистемология» был не в ходу в советский период).

Что касается позиции М. Н. Р. и И. Я. Л., то принцип отражения в рассмотрении гносеологических вопросов является для них основополагающим. Вот только некоторые названия глав и параграфов из работы «Основы гносеологии»: «Единство сознания и материи как единство отражательной деятельности и материального субстрата этой деятельности – рефлекторных систем человеческого мозга»; «Познание как отражение объективного мира»; «Творческий характер отражения». Но вот на что мне хотелось бы в этой связи обратить внимание. Если В. А. Лекторский идею отражения, высказанную В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» оценивает как наивную, ставшую анахронизмом уже к началу XX в., то М. Н. Р. и И. Я. Л. восприняли ленинскую идею серьезно в качестве гипотезы, которая нуждалась в научном обосновании прежде всего совокупностью наук о неорганической и органической природе. Ведь *человеческое* познание как отражение – это только высший уровень отражательной деятельности в контексте трактовки отражения как атрибута материи. Интерпретируя фрагмент из «Материализма и эмпириокритицизма», М. Н. Р. и И. Я. Л. пишут: «Отражение в его простейшем виде может быть определено как способность тела воспроизводить в своей организации свойства других тел, воздействующих на данное тело. Всей материи, – отмечал В. И. Ленин, – можно предполагать, присуще свойство отражения, характер которого меняется с повышением уровня организации материи. Физические тела способны реагиро-

вать на внешние воздействия соответственно своей предыстории (например, явление гистерезиса). Простейшие живые организмы обладают раздражимостью и реагируют на действия среды целесообразно. Животные обладают органами чувств и реагируют на постоянные и временные условия существования с помощью рефлексов – условных и безусловных. Сознание человека есть высшая форма отражения действительности, оно является функцией высокоорганизованной материальной системы – мозга» [6, с. 14–15]. В этом контексте М. Н. Р. и И. Я. Л. рассматривают и проблематику информации, выявляя ее онтологический смысл.

И еще одно критическое соображение в адрес позиции В. А. Лекторского, касающееся «Эпистемологии: классической и неклассической», позволяющее высветить отличие подхода М. Н. Р. и И. Я. Л. Структура книги В. А. Лекторского выше уже обозначена. Собственно теоретическое развертывание идей дано во второй части (*Часть II. Проблемы и принципы эпистемологии: новое рассмотрение*). Теоретическое рассмотрение для меня означает следующее: заданы некоторые исходные принципы, и они в соответствии с законами логики последовательно раскрываются и аргументируются автором с привлечением примеров. Общая структура книги этому требованию не удовлетворяет. Если принять, что в первой части (*Часть I. Знание. Человек. Коммуникация*) изложены эти исходные принципы, то ни вторая, ни третья части (*Часть III. Человеческое познание. Пропедевтика*) не являются развертыванием указанных принципов. И вообще, как мы видим, третья часть является всего лишь неким введением (пропедевтика и есть введение) в теорию познания («человеческое познание» и есть объект теории познания). Обращаю внимание на то, что третья часть посвящена преимущественно *научному* познанию, так как из двух разделов этой части (Раздел 1. Познание и язык; Раздел 2. Системы знания) второй раздел отдан под рассмотрение особенностей математики, естествознания, социально-гуманитарных наук и особо выделено историческое познание. Из поля зрения почему-то выпали технические науки, которые сегодня и обеспечивают современные формы коммуникации, а также получения и передачи знаний.

Не буду приводить другие соображения по поводу теоретического развертывания классической и неклассической эпистемологии; сказанное дает мне основание заключить, что позиция

В. А. Лекторского не представляет собой *целостную концепцию*. Почти половина текста (я имею в виду *Часть I*), скорее, представляет собой то, что можно было бы назвать *философской публицистикой*, а не теоретическим построением. Здесь приводятся и рационализм, и плюрализм; либерализм и христианская физика; К. Поппер и З. Фрейд и мн. др. Эта оценка не в упрек автору, он и сам оговаривает, что в предлагаемой работе собраны публикации разных лет, раскрывающие разные темы. Позиция В. А. Лекторского, по каким бы вопросам он ни высказывался, сама по себе представляет интерес. Эта оценка в ответ тем, кто в спорах об Уральской философской школе ставит ее под сомнение, а рассмотренную работу В. А. Лекторского приводит в качестве примера самой значимой в области современной отечественной теории познания.

В обоснование концептуальности позиции М. Н. Р. и И. Я. Л. хотела бы обратить внимание на *общую логику* их гносеологических воззрений, которая воплощена в структуре рассматриваемой работы, разбитой на главы: Гл. I. Сознание и познание; Гл. II. Субъективное и объективное в образе; Гл. III. Истина и ее проверка; Гл. IV. Практика и познание; Гл. V. Необходимость и свобода. И точно так же, как разбивка глав строго нацелена на изложение основ гносеологии, так и структура каждой главы отвечает как названию главы, так и общей цели работы. С точки зрения принятых критериев это и есть показатель *теоретического* развертывания проблематики познания и построения целостной концепции.

Да, это *марксистская* концепция, обращенная к современному материалу. При этом для позиции М. Н. Р. и И. Я. Л. всегда было характерно привлечение в качестве примеров при аргументации не только всех видов познавательной деятельности (что было уже указано выше), но и болевых вопросов социальной практики. Только один пример в подтверждение. В третьей главе, посвященной проблематике истины, мы находим такое рассуждение: «Особо следует остановиться на взаимоотношении *истины с правдой*. В обычном словоупотреблении правда для человека – это должное, это нравственная ценность, побуждающая его к благой жизни <...> Но термин «правда» неоднозначен <...> В словарях <...> выделяют три и больше значений, но основными так или иначе оказываются правда-истина и правда-справедливость. Неосоз-

нанное смешение этих смысловых значений, когда начинают с правды как «правого дела» и незаметно соскальзывают к правде как правильному, истинному знанию о реальности, можно найти в обыденном мышлении и в очень многих литературных и публицистических произведениях» [6, с. 83]. И далее: «политики и философы сплошь и рядом допускают *сознательное* их смешение. Так, атрибутом идеологического обеспечения войны <...> всегда являлись попытки представить ее как справедливую, отвечающую интересам народа» [6, с. 83]. Не от этих ли смыслов надо отталкиваться и сегодня, чтобы разобраться с феноменами пост-правды и fake-news?

Любая проблемная постановка вопросов, а тем более концептуальное ее решение не могут не вызывать уважения. Вдвойне заслуживают уважения те, кто в области философии не меняет своих принципов. Это ведь говорит о том, что философские идеи для них не просто теоретическая концепция, а то, что они принимают и отстаивают по жизни, другими словами, философия для них является образом жизни. Такими я вижу своих Учителей, основателей Уральской философской школы, в т. ч. и в области гносеологии.

И ведь, по большому счету, как ни относиться к марксистской теории, она с необходимостью высвечивает один из важнейших аспектов реальных познавательных процессов – их зависимость от практики и вписанность человеческой биологии в те земные процессы, которые привели к появлению человеческого сознания, что схватывается в идее отражения как атрибута материи.

Надо ли оговаривать, что это один из возможных аспектов исследования познавательной деятельности, и он должен раскрываться в ряду других, но столь же логически убедительных и концептуально представленных – вопрос, не требующий ответа.

Литература

1. Лойфман И. Я., Руткевич М. Н. Основы гносеологии. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. 152 с.
2. Микешина Л. А. Философия познания. Полемиические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
3. Микешина Л. А. Философия науки: учебное пособие. М.: Прогресс-Традиция; МПСИ; Флинта, 2005. 464 с.

4. Лекторский В. А. Эпистемология: классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2001. 256 с.
5. Зандкюлер, Г. Й. Действительность знания: Историческое введение в эпистемологию и теорию познания. М.: ИФ РАН, 1996. 432 с.
6. Лойфман И. Я., Руткевич М. Н. Основы гносеологии. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. 152 с.
7. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 358 с.

Раздел 4

**ТВОРЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ МАРКСИЗМА
И СОВРЕМЕННАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН
E-mail: vlobovikov@mail.ru

**ДИСКРЕТНАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА
РАЗВИТИЯ КАК ВСЕОБЩЕГО
ВЗАИМОПРЕВРАЩЕНИЯ КАЧЕСТВ В МИРЕ МАТЕРИИ
(формально-аксиологическая эквивалентность
ценностных функций «самопротиворечие» и «всеобщее
взаимопревращение» в двузначной алгебре философии)**

**DISCRETE MATHEMATICAL MODEL
OF DIALECTICAL-MATERIALISTIC PRINCIPLE
OF DEVELOPMENT AS UNIVERSAL
INTER-TRANSFORMATION OF QUALITIES
IN THE WORLD OF MATTER
(formal-axiological equivalence of evaluation-functions
“self-contradiction” and “universal inter-transformation”
in two-valued algebra of philosophy)**

Аннотация. В данной работе впервые в мировой философской литературе осуществляется построение и обсуждение дискретной математической модели универсального диалектико-материалистического принципа развития как процесса взаимопревращения качеств в материальном мире. В двузначной алгебре философии как формальной-аксиологии, формально-аксиологическая эквивалентность материальности мира и существования в нем всеобщего взаимопревращения качеств обосновывается «вычислением» соответствующих ценностных функций. Точно так же обосновывается формально-аксиологическая эквивалентность ценностных функций: «бытие всеобщей взаимосвязи в мире»; «бытие всеобщего взаимопревращения качеств в мире»; «бытие самопротиворечия в мире».

Ключевые слова: алгебра-философии-как-алгебра-формальной-аксиологии, формально-аксиологическая-эквивалентность, ценностная-функция, бытие, небытие, материя, самопротиворечие, всеобщее-взаимопревращение-качеств.

Abstract. For the first time in the world philosophy literature the present paper implements constructing and discussing a discrete mathematical model of universal dialectical-materialistic principle of development as process of inter-transformation

of qualities in the material world. In the two-valued algebra of philosophy as formal axiology, the formal-axiological equivalence of materialness-of-world and existence-of-universal-inter-transformation-of-qualities-in-it is demonstrated by “computing” corresponding evaluation-functions. The formal-axiological equivalence of evaluation-functions “being of universal inter-connection in the world”, “being of universal inter-transformation of qualities in the world”, and “being of self-contradiction in the world” is substantiated in the same way.

Key words: algebra-of-philosophy-as-algebra-of-formal-axiology, formal-axiological-equivalence-of-evaluation-functions, being, nonbeing, matter, self-contradiction, universal-inter-transformation-of-qualities.

1. Введение

Известный критик диалектики – К. Р. Поппер утверждал, что: диалектика не является фундаментальной *дедуктивной* теорией; в ней все понятия расплывчаты, слова и словосочетания неоднозначны, точных явных определений значений исходных терминов нет; диалектика формально-логически противоречива, поэтому, в ней доказуемо любое (произвольное) утверждение [1; 2]. Было время, когда эта критика была *отчасти* (но *не во всем*) справедлива; например, действительно, в течение длительного периода диалектика не представлялась в форме *дедуктивной* теоретической системы строго определенных понятий и законов. Но в ходе истории все изменяется; появляются качественно новые идеи в философии, в частности, (вопреки Н. О. Лосскому [3] и другим критикам диамата) *развивается* и диалектико-материалистическое мировоззрение. Например, в наше время – в эпоху компьютерных технологий, качественно новой и весьма перспективной идеей в философии диалектического материализма является конструирование и изучение дискретной математической модели формально-аксиологического аспекта диамата, а именно, представление диалектико-материалистических философских знаний в компьютерных системах на искусственном языке двузначной алгебры формальной аксиологии. Эта новая идея предполагает *дедуктивную* организацию формально-логически непротиворечивой теории диамата, строгое определение всех исходных понятий и основополагающих абстрактно-теоретических утверждений, значит, в случае успешной реализации этой идеи антидиалектическая концепция Поппера оказывается уже «морально устаревшей»; неадекватной современной ситуации [4].

Исходным абстрактно-теоретическим положением, лежащим в основе упомянутой *качественно новой* концепции диамата, явля-

ется весьма нетривиальное допущение, что и метафизика, и диалектика и вообще *любая философия как таковая (в сущности своей) есть формальная аксиология*. Это непривычно и, естественно, что читатель может отказаться принять такое психологически неожиданное допущение, затребовав его всестороннее содержательное обоснование и подробное объяснение. Однако в настоящей статье это вполне естественное требование читателя удовлетворено не будет, так как всестороннее содержательное обоснование исходного допущения не входит в задачу данной статьи. Для удовлетворения упомянутого совершенно естественного желания читатель отсылается к другим публикациям автора [3–10]. Задача настоящей работы заключается в *систематическом применении* (к упомянутому основополагающему допущению) *гипотетико-дедуктивного метода*. А именно: вначале принимаем исследуемое нетривиальное допущение в качестве гипотезы и дедуктивно выводим из нее логические следствия, а затем обсуждаем относящиеся к делу следствия, и именно на этом (гипотетико-дедуктивном) основании оцениваем исследуемую гипотетическую концепцию. Что, если ее принятие эффективно разрешает очень трудные антиномии-проблемы и создает новые возможности для дальнейшего прогрессивного развития, как теоретической философии диамата, так и ее практически значимых приложений? Чтобы взвесить все за и против принятия (или отбрасывания) указанной теоретической гипотезы, нужно вначале изучить, какие *нетривиальные* утверждения из нее логически следуют, и что эти следствия могли бы дать для прогресса теории и практики. Хотя от всестороннего содержательного обоснования упомянутой качественно новой, психологически непривычной гипотезы мы в настоящей работе воздерживаемся, точные дефиниции значений всех используемых в статье новых терминов необходимо дать, так как иначе читатель не сможет самостоятельно перепроверить представленные в статье результаты и в полной мере осознать новизну концепции.

2. Определения основных понятий алгебры формальной аксиологии

Алгебра формальной аксиологии строится на множестве всего того, что является либо хорошим, либо плохим *относительно* некоторого переменного (индивидуального или коллективного – неважно) *субъекта* оценки (оценщика) Σ . Элементы множества

{х (хорошо), п (плохо)} называются *ценностными значениями* элементов того множества (обозначим его буквой D), на котором строится двузначная алгебра формальной аксиологии. *Ценностными функциями от одной ценностной переменной* называются отображения $\{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$. *Ценностными функциями от двух ценностных переменных* называются отображения $\{x, p\} \times \{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$, где символ \times обозначает декартово произведение множеств. *Вообще говоря, ценностными функциями от N ценностных переменных* называются отображения $\{x, p\}^N \rightarrow \{x, p\}$, где N – любое целое положительное число. Абстрактные *ценностные формы* элементов множества D представляют собой *ценностные функции от некоторого числа ценностных переменных*. Алгебраическая система формальной аксиологии есть система формально-аксиологических отношений между ценностными функциями.

Построение дискретной математической модели формально-аксиологического аспекта объективной диалектики материального мира начнем с определения значений символов искусственного языка, используемого в этой статье.

Глоссарий (словарь используемых терминов) для следующей таблицы 1. Символ *Za* обозначает *ценностную функцию* «противоречие (что, кто) *a*, или самопротиворечие (чего, кого) *a*». *Па* – «(внутренняя) противоречивость (чего, кого) *a*», или «существование противоречия (= самопротиворечия) в (чем, ком) *a*». *Oa* – «противоположность для (чего, кого) *a*», или «противоположность (чего, кого, чья) *a*», или «противоположность (чему, кому) *a*». *Ma* – «(неоформленная или бесформенная) материя (чего, кого) *a*, или (чистая) материальность (чего, кого) *a*». *Sa* – «(неоформленное или бесформенное) содержание (чего, кого) *a*, или (чистая) содержательность (чего, кого) *a*». *Иa* – «изменение, движение (чего, кого) *a*». *Эa* – «энергия (чего, кого) *a*». *Qa* – «качество (чего, кого) *a*». *Pa* – «развитие (чего, кого, чье) *a*». *Ga* – «закон, порядок (чего, кого, чей) *a*». *Va* – «закон, порядок для (чего, кого) *a*». Вышеупомянутые функции определяются ниже таблицей 1.

Таблица 1. Унарные ценностные функции

<i>a</i>	<i>Za</i>	<i>Па</i>	<i>Oa</i>	<i>Ma</i>	<i>Sa</i>	<i>Иa</i>	<i>Эa</i>	<i>Qa</i>	<i>Pa</i>	<i>Ga</i>	<i>Va</i>
х	п	п	п	п	п	п	п	х	п	х	п
п	п	х	х	х	х	х	х	п	х	п	х

Глоссарий для следующей таблицы 2. Va – «бытие (чего, кого) a ». Na – «небытие (чего, кого) a ». Fa – «(внешняя) форма для (чего, кого) a », или «оформление, формирование (чего, кого) a (в качестве объекта)». Φa – «(внутренняя) форма (чего, кого, чья) a ». Ja – «вещь (что, кто) a ». Ea – «единство, объединение (чего, кого, чье) a ». Wa – «мир (чего, кого, чей) a ». Ia – «невозможность (чего, кого) a ». Ha – «необходимость (чего, кого) a ». $8a$ – «неограниченность, неопределенность, бесконечность (чего, кого) a ». $Чa$ – «ограниченность, определенность, конечность (чего, кого) a ». Эти ценностные функции определяются ниже таблицей 2.

Таблица 2. Функции от одной переменной

a	Va	Na	Fa	Φa	Ja	Ea	Wa	Ia	Ha	$8a$	$Чa$
х	х	п	п	х	х	х	х	п	х	х	п
п	п	х	х	п	п	п	п	х	п	п	х

Глоссарий для следующей таблицы 3. Символ P_2ab обозначает ценностную функцию «противоречие (чего, кого, чье) b (чему, кому) a ». K_2ab – «единство, объединение (чего, кого) a и (чего, кого) b ». D_2ab – «разделение, раздельность (чего, кого) a и (чего, кого) b ». T_2ab – «тождество, совпадение, неразличимость (чего, кого) a и (чего, кого) b ». W_2ab – «взаимоисключение (чего, кого) a и (чего, кого) b ». C_2ab – «бытие, существование, наличие (чего, кого) b в (чем, ком) a ». O_2ab – «противоположность (чего, кого) b (чему, кому) a , или противоположность (чего, кого) b для (чего, кого) a ». Π_2ab – «превращение (чего, кого) a во (что), в (кого) b ». Δ_2ab – «действие, воздействие, атака (чего, кого, чья) b на (что, кого) a ». P_2ab – «проникновение (чего, кого) b во (что), в (кого) a ». L_2ab – «связь, связанность (чего, кого, чья) a с (чем, кем) b ». Упомянутые ценностные функции, зависящие от двух ценностных переменных, определяются ниже таблицей 4. Некоторые из этих функций были точно определены и обсуждались ранее в связи с другими задачами [11–20; 5].

Таблица 4. Ценностные функции от двух ценностных переменных

a	b	P_2ab	K_2ab	D_2ab	T_2ab	W_2ab	C_2ab	O_2ab	Π_2ab	Δ_2ab	P_2ab	L_2ab
х	х	п	х	п	х	п	х	п	п	п	х	п
х	п	п	п	х	п	х	п	п	п	п	п	п
п	х	х	п	х	п	х	х	х	х	х	х	х
п	п	п	п	х	х	п	х	п	п	п	х	п

ОПРЕДЕЛЕНИЕ (DF-1) отношения эквивалентности: ценностные функции Ω и Δ называются *формально-аксиологически эквивалентными*, если и только если они (Ω и Δ) принимают одинаковые ценностные значения из множества $\{x$ (хорошо); p (плохо) $\}$ при любой возможной комбинации ценностных значений (x или p) переменных. Отношение *формально-аксиологической эквивалентности* ценностных функций Ω и Δ обозначается символом « $\Omega=+=\Delta$ ». В естественном языке отношение « $=+=$ » выражается словами «есть», «является», «значит» и т. п. О многозначности этих слов и о связанных с их многозначностью опасностях на стыке формальной аксиологии и формальной логики см. [5; 6; 10].

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-2: законом формальной аксиологии является любая такая, и только такая ценностная функция, которая принимает значение «хорошо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, закон формальной аксиологии есть ценностная функция-константа, принимающая значение «хорошо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть закон формальной аксиологии, если и только если $\Omega=+=x$.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-3: формально-аксиологическим противоречием в двузначной алгебре формальной аксиологии является любая такая, и только такая ценностная функция, которая принимает значение «плохо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, формально-аксиологическое противоречие есть ценностная функция-константа, принимающая значение «плохо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть формально-аксиологическое противоречие, если и только если $\Omega=+=p$.

В следующем разделе статьи с помощью представленных выше конвенций и дефиниций конструируется математическая модель объективной диалектики чувственно воспринимаемого мира.

3. Дискретная математическая модель объективной диалектики материального мира как дедуктивно организованная система «уравнений» двузначной алгебры формальной аксиологии

Из системы представленных выше конвенций и дефиниций логически следуют приведенные ниже формально-аксиологические эквивалентности («уравнения»). В каждом элементе представленного ниже занумерованного списка непосредственно слева от

знака «двоеточие» помещается записанное на искусственном языке «уравнение», а справа – его «перевод на» естественный язык. В идеале, читателю рекомендуется лично перепроверить все «уравнения», аккуратно «вычисляя» соответствующие ценностные функции и принимая во внимание данные выше точные определения терминов. (Только проделав эти «упражнения», он может в полной мере осознать содержание статьи.) Однако при первом знакомстве со статьей читатель может пропустить «уравнения», прочитав только их «переводы» на естественный язык. При этом он вполне способен самостоятельно прийти к обоснованному заключению о соответствии или несоответствии между предлагаемой математической моделью и моделируемым оригиналом – содержательной философией диалектического материализма, известной читателю из специальной монографической или учебной литературы, например, из работ таких авторов как Альтюссер [21–22], Балибар [23], Вьяккерев [24], Ильенков [11–13], Кедров [14], Копнин [15–16], Лекторский [17–18], Ленин [19–20], Лойфман [25], Любутин [26], Мао Цзэ-Дун [27], Маркс и Энгельс [28], Мелюхин [29], Нарский [30–32], Орлов [33–35], Петров [36], Руткевич [37], Энгельс [38–40], или из каких-то других источников. Если в первом приближении впечатление о соответствии модели оригиналу благоприятное, то далее целесообразно перепроверить («пересчитать») все «уравнения» или лично (это лучше всего) или совместно с каким-то дружественно настроенным математиком, для которого искусственный язык – дело обычное. В собственно математическом отношении математик не найдет в данном тексте ничего интересного: все очень просто (в чисто техническом собственно математическом отношении). Полученный результат интересен и весьма нетривиален в другом отношении; а именно, в связи с собственно философской теорией диамата, интерпретированной формально-аксиологически и организованной в данном случае *дедуктивно* (вопреки мнению Поппера). Теперь, сделав необходимые пояснения, перейдем непосредственно к списку «уравнений».

1) $Ma=+=Pa$: материальность эквивалентна внутренней противоречивости.

2) $MWa=+=PWa$: материальность мира эквивалентна его внутренней противоречивости.

3) $MEWa=+=PWa$: материальное единство мира эквивалентно его внутренней противоречивости.

4) $MJa=+=PJa$: материальность вещи эквивалентна ее внутренней противоречивости.

5) $Pa=+=Па$: развитие эквивалентно внутренней противоречивости.

6) $MEWa=+=EMWa=+=PWa$: материальное единство мира эквивалентно его развитию.

7) $K_2Ш_2FMbFMcШ_2FMcFMb=+=Za$: всеобщее взаимопревращение форм материи есть противоречие.

8) $K_2Ш_2QbQcШ_2QcQb=+=Za$: всеобщее взаимопревращение качеств есть противоречие.

9) $K_2Ш_2bcШ_2cb=+=Za$: всеобщее взаимопревращение есть противоречие.

10) $K_2Д_2bcД_2cb=+=Za$: всеобщее взаимодействие есть противоречие.

11) $K_2L_2bcL_2cb=+=Za$: всеобщая взаимосвязь есть противоречие.

12) $Za=+=P_2aa$: противоречие есть самопротиворечие.

13) $Pb=+=C_2bZa$: внутренняя противоречивость (чего) b есть бытие противоречия (самопротиворечия) внутри b .

Из вышеприведенных уравнений следует, что

14) $MEWa=+=C_2WaK_2Д_2bcД_2cb$: материальное единство мира эквивалентно существованию в нем всеобщего взаимодействия.

15) $MEWa=+=C_2WaK_2L_2bcL_2cb$: материальное единство мира эквивалентно существованию в нем всеобщей взаимосвязи.

16) $MEWa=+=C_2WaK_2Ш_2bcШ_2cb$: материальное единство мира эквивалентно существованию в нем всеобщего взаимопревращения.

17) $MEWa=+=C_2WaK_2Ш_2QbQcШ_2QcQb$: материальное единство мира означает бытие в нем всеобщего взаимопревращения качеств.

18) $MEWa=+=C_2WaK_2Ш_2FMbFMcШ_2FMcFMb$: материальное единство мира означает бытие в нем всеобщего взаимопревращения форм материи.

19) $MEWa=+=C_2WaK_2Ш_2FibFicШ_2FicFib$: материальное единство мира означает бытие в нем всеобщего взаимопревращения форм движения.

20) $MEWa=+=C_2WaK_2Ш_2FЭbFЭcШ_2FЭcFЭb$: материальное единство мира означает бытие в нем всеобщего взаимопревращения форм энергии.

21) $MK_2Ш_2bcШ_2cb=+=x$: материальность взаимопревращения есть закон алгебры формальной аксиологии.

22) $CK_2III_2bcIII_2cb=+=x$: ограниченность (т. е. существование ограничений) взаимопревращения есть закон алгебры формальной аксиологии.

23) $IK_2III_2bcIII_2cb=+=x$: невозможность неограниченного взаимопревращения – закон алгебры формальной аксиологии.

24) $BVK_2III_2bcIII_2cb=+=x$: существование закона для взаимопревращения есть закон алгебры формальной аксиологии.

25) $BVK_2K_2D_2bcD_2cb=+=x$: существование закона для взаимодействия есть закон алгебры формальной аксиологии.

26) $VK_2III_2bcIII_2cb=+=VK_2D_2bcD_2cb$: закон для взаимопревращения эквивалентен закону для взаимодействия.

27) $K_2L_2aOaL_2Oaa=+=K_2III_2aOaIII_2Oaa$: взаимосвязь противоположностей эквивалентна их взаимопревращению.

28) $K_2aOa=+=T_2aOa$: единство противоположностей эквивалентно их тождеству (вопреки мнению Н. О. Лосского [3, с. 18, 21, 23, 53]).

29) $T_2aOa=+=K_2III_2aOaIII_2Oaa$: тождество противоположностей эквивалентно их взаимопревращению.

30) $K_2aOa=+=K_2C_2aOaC_2Oaa$: единство противоположностей эквивалентно их бытию друг в друге.

31) $K_2P_2aOaP_2Oaa=+=K_2C_2aOaC_2Oaa$: взаимопроникновение противоположностей эквивалентно их бытию друг в друге.

32) $K_2aOa=+=K_2P_2aOaP_2Oaa$: единство противоположностей эквивалентно их взаимопроникновению.

По моему мнению, «переводы» представленных выше «уравнений» с искусственного языка математической модели на естественный язык философов не могут не породить в уме читателя множества ассоциаций с тем, что он изучал или читал относительно диамата ранее. Многое в этих «переводах» – «хорошо забытое старое», но это «старое» предстает в данной статье как нечто *качественно* новое, а именно, как логически непротиворечивая фундаментальная *дедуктивная* формально-аксиологическая теория объективного существования взаимосвязи, взаимодействия и взаимопревращения во внутренне противоречивом (=+=материальном) мире.

Литература

1. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. Т. 2 «Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы». 525 с.

2. Поппер К. Р. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–138.

3. Лосский Н. О. Диалектический материализм в СССР. PARIS: YMCA-PRESS, 1934. 66 с.

4. Лобовиков В. О. Ядро диалектики – закон взаимопроникновения противоположностей и его моделирование в алгебраической системе формальной аксиологии // Социум и власть. 2014. № 4. С. 126–130.

5. Лобовиков В. О. Бинарные операции «бытие- в- » и «бытие-β-вне-ω» в двузначной алгебре метафизики как формальной аксиологии: использование этих операций в дискретных математических моделях философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2013. Т. 13. № 2. С. 5–21.

6. Лобовиков В. О. Диалектический материализм в «цифровом формате» // Социум и власть. 2014. № 1. С. 127–138.

7. Лобовиков В. О. Диалектический материализм как логически непротиворечивая дедуктивная теория // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2018. Т. 13. № 1/173. С. 37–50.

8. Лобовиков В. О. Дискретное математическое моделирование («оцифровка») формально-аксиологического аспекта метафизики (Парменид, Мелисс, Платон, Аристотель) и материалистической диалектики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 11. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. С. 114–133.

9. Лобовиков В. О. Закон единства и борьбы противоположностей как формально-аксиологический закон двузначной алгебры философии // Социум и власть. 2014. № 5. С. 124–130.

10. Лобовиков В. О. Принцип композициональности в формально-аксиологической семантике естественного языка диалектической философии // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2016. Т. 16. № 3. С. 5–23.

11. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 271 с.

12. Ильенков Э. В. К вопросу о противоречии в мышлении // Вопросы философии. 1957. № 4. С. 63–72.

13. Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.

14. Кедров Б. М. Единство диалектики, логики и теории познания. М.: КомКнига, 2006. 296 с.
15. Копнин П. В. Проблемы диалектики как логики и теории познания. М.: Мысль, 1982. 297 с.
16. Копнин П. В. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М.: Наука, 1969. 485 с.
17. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 359 с.
18. Лекторский В. А., Тютин В. С. Диалектика, познание, наука. М.: Наука, 1988. 285 с.
19. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Издание пятое. М.: Изд-во «Полит. лит-ра», 1976. Т. 18. 525 с.
20. Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Издание пятое. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1963. Т. 29. 782 с.
21. Альтюссер Л. За Маркса. М.: Праксис, 2006. 391 с.
22. Альтюссер Л. Ленин и философия. М.: Ad Marginem, 2005. 175 с.
23. Балибар Э. Еще раз о противоречии. Диалектика классовой борьбы и классовая борьба в диалектике // Французские марксисты о диалектике. М.: Прогресс, 1982. С. 9–53 с.
24. Материалистическая диалектика: в 5 т. Т. 1. М.: Мысль, 1981. 374 с.
25. Лойфман И. Я. Противоречивость физического взаимодействия // Диалектические противоречия в природе / ред. М. Н. Руткевич. М.: Наука, 1967. С. 3–6.
26. Любутин К. Н. Проблема субъекта и объекта в классической немецкой и марксистско-ленинской философии. М.: Высшая школа, 1981. 262 с.
27. Мао-Цзэ-Дун. Избр. произв. Т. 2. М.: Госуд. изд-во иностр. лит-ры, 1953. С. 407–469.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 20. 827 с.
29. Мелюхин С. Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М.: Мысль, 1966. 384 с.
30. Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. М.: Наука, 1969. 246 с.
31. Нарский И. С. К вопросу об отражении диалектики движения в понятиях // Формальная логика и методология науки. М.: Наука, 1964. С. 3–51.

32. Нарский И. С. Проблема противоречия в диалектической логике. М.: Изд-во МГУ, 1969. 181 с.
33. Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь: ПГУ, 1974. 397 с.
34. Орлов В. В. Основы философии. Ч. 1: Диалектический материализм. Пермь: Изд-во Томского ун-та (Пермское отделение), 1991. 448 с.
35. Орлов В. В. Проблема системы категорий философии. Пермь: ПГУ, 2012. 262 с.
36. Петров Ю. А. Математическая логика и материалистическая диалектика. М.: МГУ, 1974. 191 с.
37. Руткевич М. Н. Диалектический материализм. Курс лекций для естественных факультетов. М.: Соцэкгиз, 1960. 598 с.
38. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. С. 1–338.
39. Энгельс Ф. Диалектика природы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. С. 339–626.
40. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М.: Политиздат, 1968. 71 с.

Доктор философских наук, профессор. Научный руководитель
Уральского института управления РАНХиГС
при Президенте РФ (Екатеринбург, Россия)
E-mail: vladimir.loskutov@ranepa.ru

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

MARXIST-LENINIST PHILOSOPHY: LIFE AFTER DEATH

Аннотация. В статье утверждается, что с появлением марксизма и превращением философской рефлексии в ее составную часть философия формально умерла. На разных этапах советской истории ее пытались вернуть к жизни ленинизм, сталинизм, марксизм-ленинизм. Ленинизм открыл в марксизме философию. Сталинизм установил меру марксистскости философии. Марксизм-ленинизм превратил философскую рефлексию в философствующий марксизм. Смертельные судороги советской философии происходили на фоне и в глубинах Великой русской революции, которая превратила советскую историю в гиперреальность тоталитаризма и симулякр социалистического строительства, а отчуждённые формы марксизма сделала способом их единства.

Ключевые слова: философия, история, революция, марксизм, ленинизм, сталинизм, марксизм-ленинизм, тоталитаризм, социалистическое строительство.

Abstract. The article states that with the emergence of Marxism and the transformation of philosophical reflection into its component part, philosophy formally died. At various stages of Soviet history, Leninism, Stalinism, Marxism-Leninism tried to bring it back to life. Leninism opened philosophy in Marxism. Stalinism established the measure of Marxist in philosophy. Marxism-Leninism turned philosophical reflection into philosophizing Marxism. The fatal convulsions of Soviet philosophy took place in the background and in the depths of the Great Russian Revolution, which turned Soviet history into hyperreality of totalitarianism and the simulacrum of socialist construction, and made alienated forms of Marxism their way of unity.

Key words: philosophy, history, revolution, Marxism, Leninism, Stalinism, Marxism-Leninism, totalitarianism, socialist construction.

Всему свое время, и время всякой вещи под небом:
...время разбрасывать камни, и время собирать камни;
время обнимать, и время уклоняться от объятий.

Книга Екклесиаста, гл. 3

Правдивая, честная история марксистско-ленинской философии к радости одних и по причине равнодушного, пренебрежительного, амбивалентного, снисходительного отношения к своему прошлому других еще не написана. И даже не придумана. Написать ее, как, впрочем, и придумать, совсем не просто. В том числе потому, что вокруг царит бессмысленная суета сует и всякая живая мысль, попав в коварные объятия невыносимой тесноты, в хаос всепоглощающего мира азбучных истин с неизбежностью обращается в «каменную улыбку в пустых глазах статуи» (Сартр). Величественной статуи марксизма-ленинизма, поставленной благодарными соратниками на центральной аллее советской *perpetuum mobilie* – Выставки достижений народного хозяйства и марксистско-ленинской философии. Поставленной в назидание всем тем, кто хоть когда-то пытался в ее каменной улыбке разглядеть пусть даже и тайный, но все же некий жизненный смысл, а видел лишь «пустые вместилища» доверху заполненные «безмолвными и окаменевшими указаниями» (Сартр). Попробуем и мы заглянуть в эти пустоты. Попытаемся с помощью философской рефлексии, посредством метафизической реконструкции реальной истории вырваться из круговорота сладких снов спящего разума и вернуть советской философии то, что ей от века принадлежит по праву – ее марксистско-ленинский смысл.

Марксистско-ленинская философия формально умерла еще до того, как она родилась. Все, что случилось с ней после того, как марксизм сделал философию одной из важнейших «составных частей» себя, было не просто ее «бытием-к-концу», но превращением процесса исторической самоидентификации философской рефлексии в «бытие к смерти» (Хайдеггер) – в жизнь после смерти. Она с неподдельным интересом и энтузиазмом, следуя последним «окаменевшим указаниям», погрузилась в хитроумные лабиринты своего послезития – сделала все для того, чтобы окончательно убежать, ускользнуть от реальности и наличности бытия. Справедливости ради следует заметить, что сотворила она свое бытие к смерти не благодаря, но вопреки марксизму, став, в конечном итоге, важнейшей силой процесса его практического и интеллек-

туального самоуничтожения. Включив философию в орбиту и круговорот своей самости, марксизм раскрыл, обозначил начало этого процесса – исходный пункт ее продвижения к смерти. Собственно же «скончание» (Хайдеггер) советской философии случилось в процессе разложения, извращения и фетишизации бытия сущего марксизма в форме ленинизма, сталинизма и марксизма-ленинизма. О том, как это происходило, по каким законам она жила после своей формальной смерти, каких высот падения при этом достигла мы и расскажем в настоящей статье.

Марксизм, ленинизм, сталинизм, марксизм-ленинизм являются различными формами духовно-практического перевоплощения одной и той же исторической сущности – *революции*. Блуждая в поисках смысла по безжизненным закоулкам истории, вселяясь в самые странные исторические практики и доктрины, пытаясь в череде перевоплощений обнаружить свою жизненную силу и энергию, эта сущность с помощью данных форм столетие назад превратилась из универсального способа прогрессивного развития в «круговорот самости» (Сартр) самой себя. Попав в него, оказавшись в окружении самодвижущегося круга революционных превращений, всякое историческое бытие и истина, в том числе и названные выше духовно-практические формы их тождества, обрели не только собственную телесность и экзистенциальный смысл, но, во многом неожиданно для самих себя, стали способом очищения, исправления, совершенствования мятущегося духа революции. Они всячески способствовали тому, чтобы революция из «индивидуального приключения» (Сартр) превратилась в «абсолютное событие» и в нем обрела истинно революционный покой. В тот же самый судьбоносный путь по революционному велению марксистских командармов – путь очищения и самосовершенствования через бытие к смерти, вслед за революцией и вместе с ней отправилась и ее философская субстанция.

Революционная эпоха

Революционная эпоха является достаточно сложным и противоречивым историческим феноменом, своеобразным фоном становления и последующего отчуждения марксизма. Она объединяет массу различных разнокачественных и разнонаправленных исторических событий, единство и борьба которых конституирует переход от того, что можно было бы назвать предысторией к действительной истории. Системообразующим началом этого процес-

са, его сущностью является процедура качественного обновления основного противоречия развития истории – противоречия деятельности и самодеятельности [1, с. 399–425].

В Революционную эпоху, в этом и заключается ее суть, ведущей противоположностью основного противоречия развития истории становится самодеятельность. В условиях предыстории эту роль исполняла деятельность. При переходе к действительной истории, который стал возможен исключительно потому, что к этому времени был достигнут такой уровень развития деятельности, самодеятельности и, что самое главное, их взаимодействия, который позволил данному противоречию стать относительно самостоятельным, способным к самодостаточному бытию и качественному обновлению феноменом истории, самодеятельность как бы вышла из тени деятельности и обрела способность более активного и продуктивного участия в переустройстве и качественной трансформации целостного исторического мира.

Революционная эпоха представляет собой отдельное бытие «истории вообще» (Сартр), которое совпадает само с собой опосредованно революцией – универсальным способом сущностного обновления основного противоречия развития целостной истории. Она не просто существует, но бытийствует как особое *состояние*, специфическое *событие* и определенная *ситуация*, постигающая в себе с помощью революции свою целостность и смысл истории.

Будучи состоянием истории, Революционная эпоха раскрывает в ней способ ее *ускользания* от самой себя как индифферентного бытия. В результате чего история обнаруживает, открывает в себе смысл и способ его образования. При этом, по мере того как история освобождает в себе самодеятельность и превращает ее в способ собственного смыслообразования, она ускользает из своего бытия – открыв его смысл, она тут же его теряет. Являясь событием истории, Революционная эпоха *отбрасывает* ее не просто к себе как множеству в-себе для себя отдельных исторических явлений, но к собственному смыслу и способу его расширенного воспроизводства. Отбрасывает историю к той точке бытия, в которой смысл в форме не просто освобожденной от диктата деятельности самодеятельности, но, самодеятельности, освобождающей саму себя от истории, обнаруживает себя в другом и ином – уничтожает собственную индифферентность и раскрывает себя как для-себя заинтересованное в-себе, умеющее воспроизвести в себе свой смысл бытие. Когда

история в форме Революционной эпохи становится ситуацией, ее смысл начинает *преследовать* бытие. С его помощью она стремится не просто заинтересовать историю возможностью существования ее бытия, но пытается установить для бытия истории единственно возможный «судьбоносный путь» (Хайдеггер) ее осмысленного бытийствования. Пытается разомкнуть этот путь таким образом, чтобы было обеспечено совпадение возможности (пути) и необходимости (судьбы) обращения истории в самодеятельность как осмысленную деятельность по изменению предельных основ развития смысла и целостности исторического мира.

Революционная эпоха *возникает*, появляется на свет в качестве особого состояния истории – как эпоха Возрождения. Она *становится* событием истории тогда, когда превращается в эпоху Великих революций. Ее *обновление* происходит в форме специфической ситуации истории в эпоху Тоталитаризма. Каждая из выделенных форм развития Революционной эпохи по-своему представляет ее сущность, особым образом раскрывает логику и этапы обновления основного противоречия развития истории, отражает и выражает диалектику оборачивания исторической самодеятельности в революцию и наоборот. Самодеятельность совершается как революция не тогда, когда история оборачивается в основное противоречие своего развития и постигает логику его обновления, но, по мере того как она, проделывая все это с данным противоречием, осваивает и присваивает сущность исторического бытия – его свободу. По мере того как самодеятельность-революция конституирует *бытие этой сущности* в виде единства различных этапов развития единой Революционной эпохи.

Революция является способом бытия целостной Революционной эпохи. С одной стороны, она открывает ее как процесс развития основного противоречия развития истории. С другой стороны, с помощью революции история погружается в свою сущность – свободу и конституирует в собственном бытии бытие этой сущности. В результате такого рода «оборачивания-превращения» история становится особым, самодостаточным, целостным миром свободы. В том числе, естественно, и свободы революции, которая является своеобразным гарантом того, что эта самодеятельность при определенных условиях может стать ведущей противоположностью основного противоречия развития истории. По мере того как история с помощью самодеятельности присваивает свою сущность и превращает ее в форме

бытия сущего в предельное основание существования своей самости, а это, как мы уже заметили, происходит в процессе возникновения, становления и обновления Революционной эпохи, качественно изменяется природа и способы бытия революции. Прежде чем мы их проанализируем, определим суть того, что происходит в Революционную эпоху с отношением рвущейся на свободу самодеятельности и той свободы, которая, будучи сущностью истории, принуждает самодеятельность не просто оставаться в истории, но быть способом самоопределения целостности и самости ее бытия.

В эпоху Возрождения самодеятельность существует как способ освобождения свободы – способ освобождения и реформации не только таких общественных форм своего бытия, как церковь, религия, культура, государство, но и самой себя. Освобождая свободу, самодеятельность не просто освобождается от диктата со стороны деятельности, но обращается в освобожденную самодеятельность. В этом качестве она существует как произведенная историей революция – способ освобождения самодеятельностью себя, а, значит, и истории для свободы.

В эпоху Великих революций отношение революции (освобожденной самодеятельности) и свободы существенно изменяется. Предельным основанием и источником их взаимообращения становится противоречивая связь процессов освобождения истории и самодеятельности для свободы. Они опосредуют друг друга, в результате чего самодеятельность присваивает свободу и превращается в сущность и движущую силу собственного развития. Кроме этого, по мере того, как свобода осваивает самодеятельность и делает ее революцией, произведенная таким образом самодеятельность из способа освобождения истории для свободы становится способом освобождения для свободы самой себя. Она открывает в себе не просто историю, но ее сущность – свободу. Раскрывает ее самодеятельную природу – способность быть основным способом кардинального переустройства исторического мира. Всякая Великая революция есть универсальный способ открытия (выбора) в истории свободы в качестве самодеятельности и раскрытия этой самодеятельности как деятельности самой истории по извлечению из собственного бытия своей сущности – свободы. Ее делает великой, в частности, то, что она оказывается способна раскрыть себя как историю, которая в себе и для себя является самодеятельностью, созидающей в самой себе свободу в качестве предельного основания ее тождества с историей.

Эпоха Великих революций освобождает свободу, и у нее появляется шанс стать самодеятельностью, конституировать для себя, то бытие, в котором она может быть не только самой собой, но и предельным основанием развития целостной истории. Великая революция дает освобожденной свободе шанс достойно и продуктивно вернуться в целостный исторический процесс в качестве источника и последней причины его осуществления. Уникальный шанс превратить данный процесс не просто в самодеятельность, но иную, способную свободно развиваться историю. Эта возможность появляется у свободы тогда, когда она в форме Великой революции обращается на саму себя и в себе обнаруживает нечто, что способно создать для нее как сущности истории ее собственное бытие. Этим нечто является власть – оборотная сторона свободы, которая глубоко сущностно и всесторонне раскрывает ее способность быть одновременно, свободой самодеятельности и истории.

В эпоху Тоталитаризма история, самодеятельность, свобода, власть, революция отправляются в очень опасное «индивидуальное приключение», в котором свобода Великой революции стремится стать «абсолютным событием» истории и превратить собственное бытие в его бытие к смерти. Ничего необычного или противоестественного в ее обращении к собственным основаниям развития нет. Накопив определенный опыт самодеятельного развития и сформировав у себя способность к относительно свободному бытию, *завершающая Великая революция* с необходимостью обращается к самой себе как концу предыстории, процедуре окончания собственно Революционной эпохи, и, наконец, реальному завершению самой себя. В результате такого рода обращения Великой революции к истокам и основаниям собственной истории она превращается в процесс «скончания». Не только заканчивает предысторию, завершает Революционную эпоху, но и открывает в себе то, что делает ее бытие к концу бытием к смерти. Открывает в себе процесс освобождения истории освобожденной самодеятельностью от свободы, превращение свободы в освобождающую саму себя от свободы самодеятельность власти, освобождение истории освобожденной и освобождающей самодеятельностью власти от ее сущности – свободы.

В эпоху Тоталитаризма, а все эти превращения свободы и власти происходят именно тогда, Великая революция становится Великой историей – историей самодеятельности истории, которая завершает предысторию, заканчивает эпоху перехода от предыстории к дей-

ствительной истории, полагает ее бытие, как бытие к смерти самой себя. В эту историческую эпоху революция, наконец-то, из формы и способности Революционной эпохи быть превращается в предельное основание и источник развития целостной истории. Она обнаруживает себя в виде двух взаимоисключающих друг друга процессов, двух различных форм взаимодействия истории и революции – их абсолютного отождествления и столь же абсолютного различия.

Всякая Великая революция открывает для свободы два возможных пути осуществления ее самостоятельной природы. Когда она выбирает свободу, самостоятельность становится всего лишь бытием сущего истории. Когда же революция выбирает в себе не свободу, но саму себя как самостоятельность, у нее появляется возможность стать особой формой осуществления не бытия сущего, но целостного бытия истории. В эпоху Великих революций каждая из революций находила, устанавливала особенный баланс этих двух возможных траекторий своего развития. И на этой основе предлагала специфический способ связи бытия истории и бытия ее сущего. Завершающая Великая революция не была в этом смысле каким-то исключением. Другое дело, что она предложила такой способ их единства, в результате осуществления которого исторический мир превратился в «распадающуюся целостность» (Сартр). С одной стороны, она попыталась вернуть свободе ее самостоятельность и на этой основе воссоздать его единство. Этим предложением в полной мере воспользовалась та часть целостного исторического мира, которую мы привычно называем западной цивилизацией. С другой стороны, революция предложила исключить из истории свободу как ее сущность и за счет этого абсолютного отождествления самостоятельности и истории восстановить целостность исторического бытия. Под этим революционным знаменем отправились бродить не только по Европе многочисленные «призраки коммунизма». Суть великого «раскола» эпохи Тоталитаризма состоит в том, что в это время в схватке за целостность, непрерывность бытия истории столкнулись две непримиримые, абсолютно противоположные силы. Одна из них пыталась возобновить целостность истории путем развития различных форм самостоятельности свободы. А вторая решала эту же задачу путем исключения из истории свободы и посредством полного, окончательного отождествления истории в форме завершающей Великой революции с самостоятельностью.

Тоталитаризм – это особая форма существования самодеятельности как способа бытия сущности истории. Из разных способов осуществления бытия свободы он создает не только собственное бытие – ничто свободы, но и из самого себя разворачивает полноценное бытие своего ничто. Творит исторический мир освобожденной от свободы самодеятельности. Его способность объединять ничто и бытие сущности истории было и остается важнейшим источником и движущей силой развития целостной эпохи Тоталитаризма. Она завершается, а следует заметить, что этот процесс не закончился и по сей день, по мере того, как он в своем противоборстве с действительной (гражданской) историей окончательно истощает свое бытие и становится небытием не только эпохи Тоталитаризма, но и целостной Революционной эпохи.

Тоталитаризм не уничтожает историю. Он сначала превращает ее в «распадающуюся целостность» (Сартр), а затем раскалывает ее. Создает другую историю, сущностью которой является не свобода, а ее обратная сторона – власть. Эпоха Тоталитаризма не тотальна. История, сущностью которой остается свобода, никуда из истории в процессе осуществления завершающей Великой революции не исчезает. Она не просто сохраняется, но воспроизводится и обновляется, продолжая начатый процесс качественного обновления основного противоречия собственного развития, процесс превращения самодеятельности не в историю, как это происходит в случае с тоталитаризмом, а в ведущую противоположность данного противоречия. Для этой истории, противостояние которой с тоталитаризмом оказывается важнейшим, системообразующим определением ее сути, принципиально важным остается то, что она сама в себе и для себя постепенно изживает из себя революцию как единственную форму развития исторической самодеятельности. И тем самым делает бытийным основоустройством исторического существования свободы принципиально иную форму развития самодеятельности. Не освобожденную и освобождающую самодеятельность, а самодеятельность свободы, создающей не только свое собственное бытие, но его конкретное тождество в форме обновленного основного противоречия развития истории с ее целостным бытием.

Эпоха Тоталитаризма – это эпоха великого раскола. Не только, о чем мы уже говорили выше, раскола целостной исторической эпохи, но и самого тоталитаризма. А случился он тогда, когда произведенная власть начала создавать свое собственное бытие. Когда

она превратила его в постоянно действующий источник восстановления единства бытия и бытия сущего истории. Сделала его началом развития эпохи Тоталитаризма. Когда же она открывает свое бытие как бытие истории, произведенный ей тоталитаризм перевоплощается в единственный источник развития не только самого себя, но и целостного исторического бытия. Тем самым он как бы возвращает себе свою историю и делает ее предметом собственной самодеятельности – с помощью власти начинает строить «дивный новый мир» (О. Хаксли). Тоталитаризм освобождает историю и самодеятельность от свободы, что является основной, постоянно действующей причиной его «раскола» на самостоятельное бытие власти – способ бытийствования власти в качестве предельного основания развития тоталитаризма (бытия ничто), и властного бытия (ничто бытия) – процесса нескончаемого строительства истории наоборот. Под действием этой причины тоталитаризм раскалывается в себе на собственно тоталитаризм – историческую пирамиду, в основании которой находится власть, и на социализм – нескончаемое строительство этой властной пирамиды. Есть только одна сила, которая может преодолеть «расколотую целостность» (Сартр) эпохи Тоталитаризма. Ей, как это ни покажется странным, является революция.

После того как мы кратко охарактеризовали суть и основные формы существования Революционной эпохи, обратимся еще раз к вопросу о том, какое место занимает, какую роль играет в Революционную эпоху революция. По нашему мнению, революция определяет историчность данной эпохи в качестве «отраженного» образа собственного историзма. Она возвышает ее до истории путем «рефлексивного движения» (Гегель) – оборачивания и погружения в предельные основания собственного бытия. Этот процесс осуществляется в трех взаимосвязанных формах. Сначала как *рефлексия революции в историю*, в результате чего история превращается в фон, а революция становится «абсолютной формой» (Гегель), выделяющей на этом фоне нечто такое, что и является целостной Революционной эпохой. Тем самым революция превращает «распадающуюся целостность» истории в Революционную эпоху – эпоху Возрождения. По мере того как революция вступает в отношения не с историей, а с Революционной эпохой, ее различного рода событиями и явлениями, их броуновское движение из индифферентного фона превращается в «рассеянную целостность» (Сартр) отдельных, но не безразличных к себе и другому революций. В процессе их взаимодействия

Революционная эпоха оказывается единым и, что самое главное, *непрерывным революционным процессом*. А революция, при этом, превращается из абсолютной формы в «абсолютное содержание» (Гегель) его истории. В результате самоопределения собственной самости революционный процесс становится особой тотальностью – эпохой Великих революций. Наконец, на заключительном этапе своей истории Революционная эпоха и революция совпадают между собой не только в бытии и по содержанию, но и в своей сущности. Факт их абсолютного совпадения обнаруживает себя в виде Великой революции, которая призвана самой Революционной эпохой, завершить ее историю. Эта странная революция – *революционный конец всех революций*, будучи «абсолютом» (Гегель), который в себе и для себя снимает противоречие абсолютной формы и абсолютного содержания данной исторической эпохи, оказывается способен не только завершить эту историю, но и начать новую. Она способна сделать этот шаг, но лишь при определенных условиях, ответственность за появление которых несет не только Революционная эпоха, но и история в целом. Если эти условия отсутствуют, то революция издемиурга истории может превратиться в ее могильщика – может превратить ее самость в окончательно «расколотую целостность» истории.

Революция – это абсолютная форма, абсолютное содержание и абсолют Революционной эпохи. По ту сторону Революционной эпохи революции просто нет. Погружаясь в историю как в распадающуюся, рассеянную, расколотую целостность, революция совпадает не только с ней, но и сама с собой. В результате самоидентификации она открывает в истории Революционную эпоху, революционный процесс, саму себя, но, самое главное, она раскрывает исторический мир как *целостное, непрерывное и определенным образом направленное бытие* – бытие-в-мире. Открывает в себе и для себя тот мир, который уже прошел свой исторический путь. Обрел на этом пути свою судьбу, но при этом оставил для себя в качестве конечной свободы выбранность своего выбора – вернул себе с помощью революции «сущностную весомость» и «собственную историчность». Превратил себя в «судьбоносный путь» (Хайдеггер) истории – процесс качественного обновления основного противоречия ее развития.

Марксизм

Марксизм возникает в эпоху Великих революций как самостоятельный исторический феномен, погруженный в некоторое исто-

рическое бытие, особым образом конституирующий бытие своей сущности и сущность своего бытия. Его бытийственные формы образуют своеобразную систему координат, в которой он становится как феномен, отталкиваясь от которой возникает феномен его бытия. С одной стороны, марксизм фиксирует возможность и необходимость завершения предыстории и Революционной эпохи, с другой стороны, их способность спроектировать не только свою собственную смерть, но и последующее воскрешение в виде действительной истории. Он является своеобразным духовно-практическим способом оборачивания Революционной эпохи в историю, саму себя и Великую (завершающую) революцию. В первом случае, будучи феноменом Революционной эпохи, которая заканчивает определенный этап развития истории, он определяет границы ее целостного (общественно-экономические формации), непрерывного (классовая борьба), направленного (революция) бытия. По мере того как Революционная эпоха погружается не в историю, но саму себя, она открывает в себе основания своей самости, являющиеся, в то же самое время, предельными основаниями развития и марксизма: капиталистическая общественно-экономическая формация, пролетарское движение, пролетарская революция. Наконец, Революционная эпоха заканчивается тогда, когда она в себе и для себя конституирует собственное бытие, в виде такой Великой революции, которая ее не просто завершает, но открывает в себе как исторической реальности способность к качественному обновлению и превращению из предыстории в действительную историю. В этом случае марксизм превращается в неотъемлемое качество Завершающей революции. Будучи таковым, он опосредует связь ее начала (пролетарскую революцию) и конца (диктатура пролетариата). Лавируя между ними, обнаруживает себя в виде особых исторических модусов Великой революции – революционной практики, революционной организации, революционной теории. С их помощью раскрывает исторический смысл, полагает конкретное тождество прошлого, настоящего и будущего Завершающей революции.

Революционная эпоха ответила на судьбоносный вызов истории Великой революцией, исторический смысл существования которой заключался в том, что она должна была не просто завершить данную эпоху, но обеспечить переход от предыстории к действительной истории. Сформулировать адекватный ответ на этот вызов ей помог марксизм. Именно он обеспечил рефлексивное движение, оборачи-

вание и погружение Великой революции не только в основания своего бытия, но в систему координат их развития. Тем самым он опосредовал превращение революции из определенной формы исторической самодеятельности в самодеятельность истории. Открыл в истории те границы, пределы и формы ее бытия, которые должны быть преобразованы и качественно обновлены для того, чтобы она смогла стать действительной историей. Марксизм убедительно показал, как и почему Великая революция становится самодеятельностью и, какую роль эта самодеятельность играет, должна играть в процессе развития самодеятельной природы истории. Ведомая марксизмом революция разомкнула себя как самодеятельность, открыла ее в истории и, что самое важное, раскрыла себя в качестве универсального способа преобразования, но не самодеятельной природы революции и истории, а самой самодеятельности – ее превращение в ведущую противоположность основного противоречия развития истории, в свободную самодеятельность свободы. Марксизм превратил Великую революцию из способа окончания предыстории, формы завершения Революционной эпохи, в реальный проект начала развития действительной истории. В роли такого начала должна была выступить не революция сама по себе, но способ обновления ее самодеятельной природы – способ развития свободы самодеятельности и самодеятельности свободы. Марксизм определил три основные траектории развития этого начала, которые должны были образовать своеобразную систему координат совершения «коммунистической революции» (К. Маркс, Ф. Энгельс): «революционная диктатура пролетариата» (освобожденная самодеятельность), мировая революция (свобода освобожденной самодеятельности), коммунистическое преобразование истории (самодеятельность свободы). В результате движения по этим траекториям Великая революция должна была стать не просто началом действительной истории, но превратиться в сущность его бытия. Что и, в конечном итоге, произошло при самом непосредственном участии в этом процессе марксизма. Благодаря ему Великая революция смогла не просто консолидировать и реализовать свой самодеятельный потенциал, но качественно обновить его, что позволило самодеятельности открыть в себе возможность превращения в ведущую противоположность основного противоречия развития истории.

Марксизм потому сумел из разрозненных феноменов своего бытия – границ, пределов, форм осуществления себя и Великой

революции – создать достаточно устойчивую и воспроизводимую систему координат развития идентичности революции и себя, что он смог решить три ключевые, казалось бы, неразрешимые для того времени проблемы развития духовной деятельности. Во-первых, он на принципиально новых, конкретно-исторических основаниях восстановил ее *целостность*: единство умственного труда (французский утопический социализм), духовного производства (английская политэкономия) и познания (немецкая классическая философия). Во-вторых, воссоздал единство теории (материализма) и метода (диалектики), что позволило ему, начиная с формулировки принципа материалистического понимания истории и заканчивая формированием программы коммунистического движения, обеспечить *непрерывность* развития самого себя, как целостной духовной деятельности. В-третьих, марксизм таким образом соединил мировоззрение, теорию и идеологию – три основные революционно-практические формы осуществления целостной и непрерывной духовной деятельности, что, в результате, она превратилась в развернутую и, что самое главное, *направленную* на достижение определенного результата, революционную доктрину. Стала руководством по преобразованию и качественному обновлению исторического бытия. Все это стало возможным благодаря тому, что, превратившись в целостную, непрерывную, направленную духовно-практическую деятельность, марксизм сумел обернуться на самого себя и открыть в себе свою сущность – раскрыть самодеятельную природу этой деятельности. Открыл в себе логику превращения самодеятельности в ведущую противоположность ее противоречивого единства с деятельностью. В-четвертых, и это, наверное, самое важное, что есть в марксизме – он стал целостной, непрерывной и направленной духовной деятельностью потому, что по своей сути был ее самодеятельностью. То есть, если не прямо, то косвенно, опосредованно связью с Великой революцией, осуществлял особую деятельность по качественному обновлению не только самодеятельности самой по себе, но и способствовал тому, чтобы с помощью революции она превратилась в ведущую противоположность основного противоречия развития истории в целом и духовной деятельности, в частности. В результате этой деятельности, которая, на самом деле, была исторической самодеятельностью, марксизм превратился в предельное основание развития двух взаимосвязанных процессов: рефлексив-

ного движения революционной практики и теории. В процессе их оборачивания на самих себя и погружения в себя, марксизм, с одной стороны, становился предельным основанием их конкретно-го тождества, с другой стороны, производил некие духовно-практические формы, в которых это тождество проявлялось наиболее полно и ярко. Как его основание, он был *революционной теорией* – способом обоснования возможности и необходимости тождества самодеятельной природы практической и духовной деятельности. В этом случае он не только взламывал, казалось бы, вечные и непреодолимые границы между ними, но, за счет саморефлексии, создавал реальные возможности их взаимопроникновения и тождества. Будучи предельным основанием единства практической и духовной деятельности, он активно стимулировал создание и воспроизводство различных духовно-практических форм осуществления собственной самодеятельности.

Марксизм никогда не был пролетарским мировоззрением, идеологией революционного класса, теорией революции. Ни при каких условиях нельзя сводить историческое бытие, феномен марксизма к формам осуществления его самодеятельной природы. То, что между марксизмом как революционной теорией и этими духовно-практическими формами существует глубоко сущностная связь, сомневаться не приходится. Однако ее наличие не может служить достаточным основанием для утверждения о том, что бытие и существование марксизма представляет собой одно и то же. Различие между ними есть и оно существенно. С другой стороны, мы никогда до конца не поймем самодеятельную природу марксизма в качестве революционной теории, если в должной степени не учтем сложную взаимосвязь духовно-практических форм рефлексивного движения революционной практики и ее теории в процессе становления самосознания пролетарского движения, определения целей и смыслов пролетарской революции, теоретического осмысления роли и места пролетариата в мировой истории.

Ленинизм

В широких кругах марксистов-ленинцев считается, что ленинизм является продолжением и развитием марксизма в новых исторических условиях. Оставим без внимания, вынесем за скобки нашего исследования многочисленные дискуссии по поводу определения условий превращения марксизма в ленинизм и истори-

ческих границ «ленинского этапа» его развития. Однако заметим, что, в конце концов, после многолетних бурных обсуждений в высших инстанциях было принято целесообразным объединить их в рамках одного целостного учения – марксизма-ленинизма. Как нам представляется, и то, и другое утверждение являются глубоко ошибочным, существенно искажающими реальную историю взаимоотношения марксизма и ленинизма.

Ленинизм – это конкретно-историческая, если и не самая полная, то уж точно, наиболее сущностная, хотя и созданная по канонам символической симуляции модификация марксизма. Его нельзя свести только к тому, что делал и сделал с марксизмом В. И. Ленин. В значительной степени он является продуктом коллективного труда целого поколения большевиков-ленинцев. Ленинизм, и в этом, проявляется его, безусловно, позитивный и конструктивный смысл, принципиально не меняет систему координат развития марксизма – границы, пределы и формы существования данного исторического феномена, что позволяет ему не просто сохранить, но в более или менее адекватной форме воспроизвести содержательную целостность марксизма. Однако, в рамках этой системы, по причине глубоко сущностного противоречия между российской реальностью и марксизмом, он решает ключевые проблемы их взаимодействия совсем не так, как это делал и мог бы сделать классический марксизм. Он «собирает» марксизм из тех же самых частей, в соответствии с тем же самым планом, но при этом погружает его в такую историческую реальность, с которой связь марксизма может быть только *символической*. В результате такого рода сборки происходит нейтрализация исторической реальности, исчезает ее естественная необходимость и детерминированность, присущие ей целеполагание и референции, из нее ускользают субъект и объект. Однако свято место пусто не бывает, и тут же в этом процессе возникает гиперреальность ленинизма, основным принципом развития которой становится симуляция реальности, порождение воображаемых референций и символический обмен между ними. Ленинизм, и в этом заключается его сущность, симулирует марксизм. В его гиперреальности происходит своеобразный *сдвиг* российского капитализма, в результате чего он оказывается на высшей стадии своего развития. Великая русская революция в процессе *сущения* и символического насилия превращается в пролетарскую революцию. Ее символическое господство и насилие в форме

диктатуры пролетариата *вытесняет* из реальности действительную историю. Подставляет вместо исторической реальности диктатуру (властную реальность) как необратимый властный дар и функциональный знак символического ответа российской истории на символический вызов империализма и пролетарской революции.

Ленинизм – это не марксизм, но его историческая модель-копия, которая симулирует реальность данного исторического феномена и свою необходимость. Он возникает в результате гиперреализации не марксизма самого по себе, но, и это очень важно подчеркнуть, его отношения с определенными историческими событиями, произошедшими в России в первой четверти XX столетия. В процессе их взаимодействия происходит фактическое упразднение реальности того и другого. Но не грубая деструкция, а возведение этой реальности в ранг модели, которой и является ленинизм. Он не извращает оригинал и не идеализирует его, а путем расширительного употребления и значительного упрощения подделывается под него. В результате такого рода уподобления он устанавливает символическую обязательность связи реального марксизма и исторической реальности России, кардинальным образом меняет их субстанцию (историю) и духовно-практическую форму взаимодействия. И делает это исключительно для того, чтобы установить контроль над историей и ее рефлексивным движением. В результате гиперреализации отношения истории и марксизма ленинизм из «фантазма самозамкнутой умственной субстанции» [2, с. 270] превращается в практический проект символического господства над бытием сущего целостного исторического мира.

Несмотря на то, что, фактически, ленинизм уничтожил смысловую ценность марксизма, он был не в состоянии полностью и окончательно отказаться от реальности того генетического кода, который обеспечивал ее обратимость, рассеивание и растворение в собственных симулятивных референциях. Также, как и марксизм, ленинизм обладал способностью к рефлексивному движению и мог более или менее адекватно расшифровывать исходящие от этого кода сигналы. Особенно в этом преуспел так называемый троцкизм, который, по нашему мнению, был ничем иным, как рефлексивной формой ленинизма, своеобразным дешифратором идущих от него сигналов марксизма. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить точку зрения Л. Д. Троцкого на пролетарскую революцию как мировую революцию, на способы властного осуществле-

ния диктатуры пролетариата – на политику Военного коммунизма и Новую экономическую политику, на строительство социализма в отдельно взятой стране, пусть даже еще не находящейся на вершине капиталистического развития.

Ленинизм деконструирует (гиперреализует) реальность тремя различными способами, которые по своей сути являются разными формами осуществления соответствующих «головокружений реалистической симуляции» [2, с. 344].

Во-первых, он превращает отношение марксизма и реальной истории из объекта марксистского прочтения в «чистую объективность» – объективность, «которая, наконец, освободилась от объекта, сделала его лишь слепым ретранслятором осматривающего его взгляда» [2, с. 343]. Ленинизм освобождается от объекта с помощью «замкнутого в себе парадигмального склонения объекта по падежам» [2, с. 344], его реального «сплющивания», определения в качестве совокупности «частичных объектов», которые особым образом встроены в некую линейность и серийность происходящего бытия. В результате применения этих, по своей сути, симулятивных процедур возникает «чистая объективность» ленинизма – модель превращения российского капитализма в империализм.

Во-вторых, по мере того, как в процессе самоотражения этот объект умножается в своих деталях, раздваивается, бесконечно преломляется в себе, «реальность в нем уже не отражается, а инволютивно свертывается до полного истощения» [2, с. 345]. Ее сворачивание и истощение приводит к тому, что ленинизм становится моделью не только империализма («чистой объективности»), но превращается в бесконечную «цепь копий одной порождающей модели» – модели *пролетарской революции*. В этом случае всякая направленность на объект, на единство марксизма и Великой русской революции перехватывается бесконечным самопреломлением порождающей саму себя и собственные референции модели – ленинской модели пролетарской революции.

В-третьих, созданная революцией бесконечная цепь собственных властных копий – способов осуществления власти Советов особым образом поддерживает, если не саму реальность, порождающей в себе и для себя модели, то хотя бы фикцию смысла ее бытия. Для этих целей ленинизм использовал «генеративную формулу» (Бодрийяр) единства пролетарской революции и ее властного результата, своеобразную «стабилизированную форму кода» их

тождества – *диктатуру пролетариата*. С ее помощью пролетарская революция пыталась «источиться, пожертвовать собой, самоустраниться перед реальностью» [2, с. 347] и стать не просто формой и смыслом, но реальной субстанцией истории. Диктатура пролетариата – это своеобразная подпись ленинизма на окончательном приговоре истории, в соответствии с которым историческая реальность навсегда лишается права на какую-либо метафизическую репрезентацию своего сущего. И право это принадлежит теперь исключительно ленинизму, т. е. той самой модели, которая «сама становится своей моделью («чистым взглядом») и обращается сама на себя» [2, с. 348], превращаясь при этом в «чистый взгляд» абсолютной власти на «чистую объективность» истории.

Ленинизм освободил марксизм и примкнувшую к нему историю России от действия законов гравитации реального. Оказавшись в состоянии абсолютной невесомости, «в непрерывном потоке, в котором ни референция, ни пространство больше не имеют место» [3, с. 22] эта модель гиперреализации реальности начала «впрыскивать повсюду реальное и референциальное» [3, с. 44] превратилась в «порождающую модель» и «бесконечный ряд симуляций». Диктатура пролетариата в этом процессе стала «операциональным симулякрон» – способом вытеснения из истории не только остатков империалистического капитализма, но и смысла пролетарской революции.

Не знаю, будет ли уместна эта аналогия, но мы бы сравнили ленинизм с коллайдером, в который поместили историческую реальность России и марксизм. Значительно ускорили их спонтанное движение и на встречных пучках зафиксировали результаты соударений их элементарных частиц. В результате получилась некая плазма – особое состояние существования исторического бытия. Однако сам по себе коллайдер не смог удержать полученную в результате столкновения двух реальностей плазму, что заставило строителей данного эксперимента искать новые способы ее получения и, что самое главное, сохранения и воспроизводства.

Сталинизм

Сталинизм это не просто замещающая и представляющая некоторую реальность симулятивная модель ленинизма, но «порождающий принцип» той гиперреальности, которая возникает в процессе ее самопорождения. Является ли этот принцип «ленинизмом в действии»? В определенном смысле да, но надо иметь в виду, что

произведенное им действие кардинальным образом меняет как исходную модель, так и сам порождающий принцип. Сталинизм производит не модель символического тождества марксизма и истории России, но создает множество репродукций «чистого взгляда» ленинизма на собственную историю. Он является гиперреализацией не марксизма, но ленинизма и его симулякров, которые, находясь в постоянном «шизофреническом головокружении» побеждают не только сами себя, но и посредством порождающей симуляции «берут верх над историей» [2, с. 206].

Сталинизм появляется тогда, когда ленинизм оборачивается на себя как «чистую объективность» и самоопределяется в себе и для себя как «чистый взгляд» на эту объективность. Формально он наследует рафинированную, лишенную каких-либо референций «чистоту» ленинизма. Однако, по сути, став из порожденной «порождающей моделью», сталинизм создает свой особый мир, кардинальным образом отличающийся от мира симулятивной реальности ленинизма. Большим заблуждением является утверждение о том, что сталинизм – это ленинская теория и практика строительства социализма в отдельно взятой России (стране). Он представляет собой «чистый взгляд» пролетарской революции на смерть капитализма (империализма) и рождение коммунизма (военного). Чистый взгляд на «чистую объективность» диктатуры пролетариата, которая особым образом снимает в себе противоположность смерти капитализма и рождения коммунизма. Сталинизм превращает диктатуру пролетариата в способ самоопределения не реального капитализма и коммунизма, а в образ сотворения ей самой себя как гиперреальности, в которой они с необходимостью превращаются в Ничто.

Пытаясь подвести итоги произошедшей в России Великой революции, ленинизм поставил и, фактически, оставил без развернутого ответа два взаимосвязанных вопроса. Во-первых, как, при каких условиях диктатура пролетариата может быть способом завершения не только пролетарской революции, но и предыстории в целом? Во-вторых, каким образом этот способ исторического бытия не только завершает предысторию, но и начинает развитие действительной истории? На эти, безусловно, очень важные бытийственные вопросы – вопросы жизни и смерти диктатуры пролетариата, а, значит, и пролетарской революции – дал развернутые ответы сталинизм.

Что же является действительным началом развития советской истории? С метафизической точки зрения оно выглядит как един-

ство бытия и ничто – как процесс их взаимопревращения. Бытие, в данном случае, обнаруживает себя, осуществляется в форме пролетарской революции. А в роли как бы противостоящего ему ничто выступает диктатура пролетариата. В том случае, когда советская история начинается с диктатуры пролетариата, она осуществляется как *тоталитаризм* – как такая историческая пирамида, в основании которой лежит самодеятельность власти. Если же она начинается с пролетарской революции, то существует в форме *строительства социализма* (коммунизма). То, что мы по обыкновению называем социализмом, никогда в советской истории не существовало. Это всегда было либо строительством того, чего нет и быть не могло, либо полной и окончательной победой его строителей над самими собой и собственной историей. А что же, в таком случае, устанавливало меру взаимопроникновения бытия и ничто начала ее развития? Что полагало степень взаимообращения тоталитаризма (порождающей симулятивной модели) и строительства социализма (способной к самопорождению гиперреальности) как реальных пределов развития советской истории? По нашему мнению, эту странную, но архиважную роль с особым рвением и самоотдачей исполнял сталинизм.

Сталинизм является своеобразным «метафизическим коэффициентом» (Сартр), устанавливающим меру соответствия бытия (тоталитаризм) и ничто (строительство социализма) советской истории – меру ее *советскости*. Он поглощает их референции и смыслы, преобразует бытие и ничто в симулякры бытия собственного ничто и в ничто (гиперреальность) своего бытия – превращает их метафизическое тождество в символическое бытие этой истории. Сталинизм решает проблему идентичности советской истории особым образом – путем возобновления самого себя в качестве единственно возможного, в расширенных масштабах воспроизводимого начала ее развития. Тем самым он окончательно и бесповоротно отрицает ленинизм, для которого таким началом все-таки была, хоть и воображаемая, но реальность. Для сталинизма же в истории нет ничего, что не было бы им самим – не было бы строительством социализма и тоталитаризмом. Он и только он устанавливает меру реального в симулятивной гиперреальности советской истории, вводит поправочный коэффициент, с помощью которого жить в ней с каждым днем становится не только лучше, но и веселей. В результате его неустанной деятельности ее бытие и ничто превращаются в странные фигуры-символы противоречивого воспроизводства тождества тоталитарных симуля-

кров советской власти и гиперреальности строительства бездонного «Котлована» (А. Платонов) советской истории. Кому-то сталинизм позволял быть «врагом народа», кого-то делал победителем социалистического соревнования. С кем-то – «верными ленинцами» – ему было по пути. А с кем-то, кто из-за своей мелкобуржуазной сути, не выдержал темпов социалистического строительства социализма и свернул с предначертанного пути, как, например, это было с «бандой троцкистов», правых уклонистов и различного рода вредителей, ему пришлось расстаться навсегда. Он и только он назначал одних кулаками, а других пролетариями. Поступки одних превращал в символ веры, а жизнь других делал частной функцией нескончаемой классовой борьбы и мировой революции.

Сталинизм является началом, мерой, масштабом развития символической природы советской истории потому, что он особым образом снимает в себе противоположность самостоятельных начал пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Будучи самостоятельностью самостоятельности, он устанавливает метафизический коэффициент взаимообращения тоталитаризма и строительства социализма – их взаимообращение в качестве пределов реального бытия начала символической истории. Полагает меру себестоимости и самообоснованности, идентичности ее целостности и советскости. Сталинизм жил, жив и будет жить ровно столько, сколько жила, живет и будет жить символическая советская история.

Будучи метафизическим коэффициентом советскости (символичности) советской истории, он в каждый отдельный исторический период ее развития устанавливал не просто баланс тоталитаризма и строительства социализма, но полагал меру их совпадения в сущности – меру тождества их самостоятельной природы. С помощью различного рода операциональных симулякров применял символическое насилие и утверждал собственное господство над порождаемой им советской историей. Наиболее значимыми среди этих симулякров были «советское государство», «классовая борьба», «государственный террор», «социалистическое соревнование», «освободительная война», «социалистический лагерь» и т. д. и т. п. С их помощью сталинизм корректировал симулятивное развитие созданной им гиперреальности истории – тоталитарно-социалистической истории наоборот.

Эти и многие другие формы самоидентификации гиперреальности советской истории, особым образом кодируя ее смысл и со-

держание, связывали между собой две символические истории, которые надстраивались над реальной историей России XX века: тоталитаризм и строительство социализма-коммунизма. Они их не отождествляли, как это может показаться на первый взгляд, но обеспечивали превращение одного в другое, а также расширенное воспроизводство произведенных метаморфоз. Тем самым они создавали особый мир исторических иллюзий и манипуляций – мир, в котором «больше нет ни истины, ни лжи, так как нет никакого заметного зазора между вопросом и ответом» [2, с. 313]. В нем модернизация страны происходила исключительно благодаря сталинизму – за счет его ресурсов и потенциала. А его историоризация и самоидентификация – полная и окончательная победа социализма достигалась путем обращения недетерминированности ленинизма в «истребительную экстерминацию» (Бодрийяр) властной свободы его самостоятельности. Он сумел так изменить геометрию истории, что она превратилась в символический ряд симулятивных порождающих моделей-копий ленинизма. Сталинизм сумел стать метафизическим коэффициентом советской истории потому, что ему удалось в соответствии с законами гиперреализации и симуляции исторической реальности превратить бытие и ничто Великой русской революции, пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата (ленинизм), тоталитаризм и социалистическое строительство в *пределы* ее символической самоидентификации. Отталкиваясь от них с помощью различного рода поляризаций, дифракций и гравитаций, он превратил не саму историческую реальность, а советскую гиперреальность в господство «всенейтрализующей пустоты» (Бодрийяр). Установил своеобразный коэффициент ее пустотности.

Так же, как и ленинизм, сталинизм не только качественно изменил историческую реальность, уничтожил ее причинно-следственные связи, но и активно, с помощью символического насилия и господства принудил действительную историю к тому, чтобы нести солидарную с ними ответственность за все, что в ней происходило и могло произойти в будущем. Ленинизм и сталинизм жили и живут сегодня за счет энергий и потенциала исторической модернизации. Они являются ее «паразитами», которые используют модернизацию лишь для того, чтобы сотворить из нее собственный «прогресс». Создать на этом фоне особый мир бесконечных побед и неоспоримых преимуществ. В отличие от ленинизма, который «свернул», «сплющил» историю до противоположности пролетар-

ской революции и диктатуры пролетариата, сталинизм символически ее разомкнул, раскрыл, развернул, превратил в пустоту гиперреальности, симулятивными пределами господства которой были, как мы уже отмечали, тоталитаризм и строительство социализма.

Марксизм-ленинизм

Будучи историческим феноменом, сталинизм представлял собой особый способ симулятивного самопорождения гиперреальности советской истории. В условиях и результате Освободительной войны (Второй мировой войны) с этим феноменом произошло нечто такое, что превратило его жизнь в смерть в «постоянно источаемую жизнь» (Бодрийяр). Во-первых, пределы бытия сталинизма (тоталитаризм и социалистическое строительство) истощились до такой степени, что перестали быть порождающими формами симулятивной советской истории. Большой террор и полная победа социализма превратили бытие советской истории в ничто – смертельную линейность безразличной взаимоподстановки жизни и смерти, всего лишь разжиженное символической нейтрализацией послезитие. Сделали ее несуществующим переходом («отлаганием смерти») от полной победы социализма к окончательной.

Во-вторых, в процессе оборачивания сталинизма на свои пределы, а этот процесс в значительной степени был инициирован Освободительной войной, произошло саморазрушение его пространственно-временных границ и восстановление из небытия бытия его сущего – мировой революции. Ее второе пришествие в историю, теперь уже в форме строительства мировой системы социализма, было естественным ответом сталинизма на вызовы войны, которая вновь, как это уже было в начале XX в., спровоцировала возобновление революции.

Истощение сталинизма и новые вызовы мировой революции принудили советскую историю к тому, что она была вынуждена искать реальные возможности для своего символического продолжения в его смерти – в процессе десталинизации сталинизма. Путем максимального напряжения и консолидации уже не столь значительных, но все еще способных к расширенному воспроизводству сил она достойно отреагировала на них. Но, не смертью сталинизма, а ее обратимостью – обратимостью его смерти на саму себя. Пытаясь вернуться к себе, она погрузилась в темные и холодные глубины небытия сталинизма. Открыла в них то, что было началом, спо-

собом осуществления и концом ее собственного бытийствования. Раскрыла то, что при определенных условиях могло инициировать, воспроизвести и обновить смерть смерти сталинизма.

Как мы уже отметили, десталинизация – это не смерть сталинизма, но обратимость его смерти на саму себя, в результате чего она в себе обнаружила свое начало: «возможность возможного» (Хайдеггер), способ перехода от начала к концу: «возможность невозможности» (Хайдеггер) и форму превращения этого процесса в «финальность смерти» (Бодрийяр): «возможность прямой невозможности» и «необходимую возможность» (Хайдеггер). В этом странном процессе последития смерти сталинизм утратил детерминированность своей субъектности и многие из тех ценностей, которые делали его духовно-практической формой развития советской истории. Он, буквально, переродился и стал для себя своим иным опосредованно тремя взаимосвязанными процедурами: «развязыванием» скрытых в нем энергий, «ценностным дрейфом» и, собственно, «обратимостью» («высвобождением») (Бодрийяр) смерти. Все, что с ним в результате их действия происходило, очень напоминает историю «о человеке, который потерял ключ на темной улице и ищет его под фонарем, потому что таков единственный шанс его найти» [2, с. 885].

Прежде чем мы определим то, что советская история в процессе десталинизации сталинизма и своего бытия обрела, покажем то, что она при этом потеряла. От чего она крадучись ускользала и с большим нежеланием пыталась убежать.

Сталинизм «умирал» долго и мучительно. Во времена так называемой Оттепели, его смерть обратилась на саму себя в виде символического развенчания культа личности Сталина – демифологизации его как символического *начала* целостного бытия советской истории. В результате «развязывания» совершенно незначительного количества исторических узлов и множества связанных социальных энергий, лишенный субъектности сталинизм оказался в некоем промежуточном состоянии, безвоздушном пространстве, в котором полностью исчезло различие его детерминированности и недетерминированности.

Затем, когда наступило время Застоя, сталинизм отправился в своеобразный «ценностный дрейф». Оторвавшись от своих объектных отношений, оставив далеко позади полную и окончательную победу социализма, отказавшись от многих, казалось бы, вечных ценностных ориентаций и целевых установок, превратив их

существование в нескончаемый круговорот собственной самости, он погрузился в состояние «непрерывных трансференциальных флуктуаций» (Бодрийяр) и непредсказуемых судорожных реакций. Они были своеобразным знаком его пробуждения. Свидетельством того, что в сталинизме главное не ценности, но способность быть порождающей моделью их бесконечных флуктуаций и дрейфа. Предпринятая в эпоху Застоя попытка остановить процесс ценностного дрейфа сталинизма, оживить Франкенштейна, вернуть ему способность быть субъектом, если и не советской истории, то хотя бы истории самого себя, настолько напугала его многочисленных друзей и врагов, что для того чтобы успокоиться, вернуть себе уверенность в безусловности своего настоящего и будущего, они вынуждены были пойти по пути консервации смерти сталинизма. С этой целью они максимально мифологизировали противоречивую природу советской истории. Представили сталинизм в виде ее единственной порождающей модели. Превратили советскую историю в череду бесконечных сталинских побед. И уже на этом фоне без особого труда произвели мумификацию и консервацию смерти сталинизма. В результате всех этих судорожных манипуляций советская история и сталинизм превратились в один большой мавзолей, из которого советский человек и советский народ могли выйти лишь для того, чтобы вновь занять место в очереди и, отстояв ее, вернуться в сладостный мир тоталитарного покоя и социалистического дрейфа.

Во времена Перестройки произошла своеобразная расконсервация смерти сталинизма. Его почти уже неживая смерть попыталась использовать свой последний шанс и демифологизировать не только свой исторический путь, но и его *конец*. Постаралась освободить себя от себя и представить «скончание» своего конца в виде «высвобожденного» от всякой детерминации и символических ценностных подобию субъекта. Для того чтобы таинственная метаморфоза его освобождения случилась, оказалось вполне достаточно надеть на себя посмертную маску «социализма с человеческим лицом». Не без тревог, борьбы и внутренних конфликтов смерть советской истории и сталинизма нацепила на себя эту странную маску и как бы через это почти сакральное действие обрела свою смерть – освободилась от страшной истории сталинизма. Вернула себе казалось бы навсегда утраченное чувство победителя – желание и способность побеждать все предшествующие победы, включая, естественно, полную и окончательную победу социализма, а также,

так и не состоявшуюся победу коммунизма. Перестройка доказала, что смерть сталинизма финальна – способна освободить себя от себя и поэтому, надев на себя его посмертную маску, она может стать вместо сталинизма символическим субъектом окончания советской истории. Она убедительно показала, раскрыла свою способность без всякой внешней помощи подняться на Мавзолей и под нескончаемые, бурные и продолжительные аплодисменты прогрессивного человечества принять торжественный парад посмертных масок («развитой социализм», «реальный социализм») советской истории.

В результате такого рода переодевания и оборачивания смерти сталинизма, симулятивного ускорения инерционного развития советской истории, «развязывания», «ценностного дрейфа» и «высвобождения» десталинизации сталинизма, радикальной обратимости его субъектности и свободы, советская история оказалась в абсолютно *катастрофической ситуации* – произошло полное, хотя еще и не окончательное истощение потенциала ее развития. Она очень много потеряла в результате десталинизации сталинизма. Однако при этом кое-что и приобрела – приобрела, вновь в качестве обновленной форме вернула себе то, что долгие годы помогало ей не просто выживать, но активно в расширенных масштабах воспроизводиться в условиях нескончаемой «транзисторической катастрофы» (Бодрийяр). Она надела на себя маску марксизма-ленинизма, что позволило ей вернуть к жизни смерть сталинизма и обеспечить обратимость его смерти.

Сталинизм для советской истории был порождающей моделью. Все к чему он прикасался, так или иначе становилось симулятивным модусом (победой), или символической модальностью (преимуществом) гиперреальности советской истории. В процессе десталинизации с ним и произведенной им исторической гиперреальностью случились кардинальные перемены. В результате десталинизации он как бы отошел от обыденных дел и из производящего гиперреальность симулякра превратился в ее «генетический код» (Бодрийяр). В результате освобождения его смерти от смерти, закодированная им гиперреальность в форме и с помощью такого обобщающего знака и главного дешифратора ее символических отношений как марксизм-ленинизм стала универсальной матрицей советской истории.

По мере взаимопроникновения генетической матрицы и знака советская история все более приобретала черты особенного «стереоспецифического комплекса» (Бодрийяр), в котором сталинизм

был вечно заедающей пластинкой, а марксизм-ленинизм – звукоснимающим устройством, извлекающим из нее бравурные звуки всепобеждающих побед. Этот комплекс функционировал достаточно просто. Будучи особенным бинарным механизмом советской истории, он всячески способствовал тому, чтобы она могла полноценно и эффективно осуществлять символический контроль и самоконтроль за всеми своими мутациями и имела возможность превращать их множественность в нечто целостное и непрерывное – *направленный* процесс качественных изменений советскости (советской власти, советского народа, советского человека и т. п.). Этот механизм был универсальным способом замены «социального контроля через цель (а вместе с ним и более или менее диалектического провидения, которое заботится о достижении этой цели) социальным контролем через предвидение, симуляцию, опережающее программирование, не детерминированную, а регулируемую кодом мутацию» [2, с. 295].

Сталинизм ставил перед советской историей многочисленные вопросы, бесконечно порождая одни и те же не читаемые, не допускающие никакой интерпретации сигналы, а марксизм-ленинизм давал на них свои безумные ответы. Демонстрировал соответствующие реакции и с их помощью сверял происходящую историю с имманентной программой ее бытия. Вместе они способствовали превращению искривлено-кругового движения советской истории в своеобразную ленту Мёбиуса. Двигаясь по краю этой простейшей неориентируемой поверхности, сталинизм и марксизм-ленинизм не просто освобождали советскую историю от ее реального и воображаемого существования (гиперреальности), но симулировали ее освобождение от «произведено-производящей» симуляции – превращали символическое насилие и смерть в символический обмен истории на саму себя как генетический код и матрицу собственного бытия. Тем самым они лишали ее какой-либо репрезентации, разрушали пространство функционирования ее знаков. Делали из истории черный ящик, испускающий из себя волшебные сигнальные лучи, которые просвечивали историю насквозь и открывали в ней лишь одно – «самоудвоение и самоуничтожение означаемого, обращающегося само на себя» [2, с. 783], разрушающего в себе эквивалентность и линейность, ценности, рациональные целевые установки, аксиомы и дискурсы. Они высвечивали в ней лишь одну стратегию «субъекта, который вовсе не стремился покорить объект,

а сам подвергается встречному анализу с его стороны, и в ходе этого процесса необратимо распадаются позиции как того, так и другого» [2, с. 784]. Этот распад делает возможным если не реальный, то хотя бы символический обмен одного на другого. Что и происходит с советской историей в процессе ее декодирования в форме марксизма-ленинизма.

Декодирование не является процедурой символического обмена советской истории на саму себя как субъект и объект собственных превращений. Эта процедура обеспечивает не обмен, но его обратимость. Она превращает советскую историю в пародию на саму себя. Но, «теперь это уже не спектакль и не воображаемое – это тактика яростной нейтрализации» [2, с. 224] всего живого и способно бытийствовать по законам реальности. Будучи универсальным способом декодирования «десталинизированного» сталинизма, марксизм-ленинизм обеспечивал обращение всевозможных форм его небытия, непрестанную обратимость их символического обмена и, самое главное, он был процессом «отдаривания» (Бодрийяр) советской историей всех тех, кто в ней жил и кто думал, что он ее делает. Он, как окруженный со всех сторон огнем смертельного вызова скорпион, не мог не дарить всему живому своей смертельной укусы. Отдавая, подобно скорпиону, симулятивную историю гиперреальной истории «смертью» сталинизма, марксизм-ленинизм создавал в ней такую ситуацию, в которой на эту смерть можно и нужно было «ответить только другой, равной или большей смертью» [2, с. 229]. И он, как мог, приближал ее – приближал окончательную, финальную смерть советской истории.

Превращение сталинизма в код советской истории, а марксизма-ленинизма в универсальный способ его раскодирования и контроля было результатом десталинизации советской истории. В эпоху Оттепели, Застоя, Перестройки появился «другой облик смерти» (Бодрийяр) сталинизма – катастрофическая стратегия развития советской истории. И когда сталинизм с помощью марксизма-ленинизма пытается «побороть эту катастрофическую спираль, выпуская последний проблеск реальности, по которому можно установить последний проблеск власти, он лишь умножает ее знаки и ускоряет игру симуляции» [3, с. 65]. Речь в данном случае идет не о «линейном видении накопления, влекущего за собой завершенность, которое навязывает нам система» [3, с. 215], а о формировании у советской истории своеобразного «горизонта смысла»

«за пределы которого невозможно выйти: по ту сторону нет ничего, что имело бы для нас значение» [3, с. 215]. Ультиматум смысла предъявили советской истории в процессе ее десталинизации не какие-то внешние или внутренние враги, но самые что ни на есть, «друзья» – сталинизм и марксизм-ленинизм. Они несут ответственность за его нейтрализацию и имплозию, за «обледенение смысла» (Бодрийяр) – «они сами попали в этот тотальный процесс инерции, обусловленной ускорением. Они и составляют этот процесс разрастания и пожирания, который сводит на нет любой рост и любой прирост смысла. Они и составляют эту цепь, в которой чудовищная финальность привела к короткому замыканию» [3, с. 391] – к полному истощению инерционного потенциала советской истории. «Такова роковая судьба любой системы, которая собственной своей логикой обречена на полное совершенство, а значит и на полный распад, на абсолютную безотказность, а значит и на бесповоротный крах: связанные энергии всегда устремлены к своей гибели» [2, с. 106].

В процессе раскодирования советской истории и смерти ее смерти сталинизм обернулся на самого себя, погрузился в пределы своего бессмысленного бытия – тоталитаризм и социалистическое строительство. С помощью десталинизации он преобразовал их в элементы бинарной оппозиции матрицы своей смерти. В результате тоталитаризм обратился в *номенклатуру* – в «могильщика» советской истории. А социалистическое строительство из символической самодеятельности сталинских симулякров превратилось в способ тотального *идеологического программирования* гиперреальности советской истории и самодостаточный способ ее самоконтроля над собственной смертью.

Марксизм-ленинизм – это способ отдаивания советской властью (номенклатурой) советскому народу советской истории (идеологической программы коммунистического строительства и его социалистической перестройки). В ответ на бессмысленный запрос советского народа номенклатура посылала ему такие же бессмысленные сигналы, которые по форме и содержанию очень напоминали «заученные жесты одуревшего от одиночества и однообразия узника» [2, с. 287]. Марксизм-ленинизм операционально контролировал и по-своему оживлял, превращал в нескончаемый ритуал все эти бессмысленные жесты, пытаясь с их помощью ответить на тот ультиматум смысла, который предъявил советской истории сталинизм. Он с нескрываемым энтузиазмом интерпретировал погр-

бенные в ней идеологические программные матрицы. Его контролирующие сигналы возбуждали миллиарды ответов на незаданные вопросы, каждый из которых был способом бытия отсутствующего присутствия смысла, практической и идеологической интерпретацией его небытия. Он тестировал не социальную субстанцию, но присутствие ее отсутствия – бытие своего небытия. Тестировал то, что А тождественно А и другого быть не может.

Очистившись в процессе идеологического самоконтроля от марксистских излишеств и ленинско-сталинских сокрытий, марксизм-ленинизм вернул себе право быть не просто «чистым взглядом» на «чистую объективность», но право быть «чистой» истиной абсолютного тождества этого взгляда и объективности. Право быть «гигантской полиморфной машиной» (Бодрийяр) символического господства и насилия, подстановки и комбинаторики ценностей, тождества дарения и жертвоприношения смысла. С помощью яростной нейтрализации, гигантского фетишизма, завораживающей манипуляции, пропагандистского террора и контрпропагандистского омертвления всякой референции и детерминации, он строил котлован для дома, в котором могли жить исключительно призраки коммунизма. Посредством трансференциальных флуктуаций и модуляций он возводил на площадке советской истории мавзолей, в котором можно было бы окончательно захоронить всякие «чистые истины».

Марксизм-ленинизм – это «грандиозная формула с нулевым итогом» [2, с. 170], которая оказалась не способна не только управлять и контролировать всеобщую мобилизацию, но и приписать к определенным идеологическим рубрикам, вовлечь различные операциональные переменные и, в первую очередь, бывших строителей социализма-коммунизма в чистую игру идеологических смыслов. Итог ее пафосного самодублирования в форме самодостаточного кода оказался нулевой. Прыжок в посмертное существование советской истории с помощью марксизма-ленинизма закончился тем, что он не закончился, а превратился в исторический ноль – загробное существование все той же советской истории, погруженной в предчувствие своего бесповоротного краха и наступления еще одной вечности.

Марксистско-ленинская философия

Заявив в свое время во всеуслышание о «скончании» себя, о прекращении своего существования как самостоятельной фор-

мы развития целостной духовной деятельности и о превращении в составную часть марксизма, философия последовательно, с огромным энтузиазмом и нескрываемым желанием наконец-то оставить в прошлом все, что было с ней до того, отправилась в заданном направлении. Как могли ей в этом судьбоносном выборе и пути помогали ленинизм, сталинизм и марксизм-ленинизм. Именно они, будучи своеобразными судорогами ее «бытия к смерти», замещали и представляли реальность жизни философского дискурса после того, как он формально обрел свою смерть.

Марксистско-ленинская философия была не пассивным элементом советской истории марксизма, но таким способом его рефлексивного движения, который в значительной степени нес ответственность за конституирование ее бытия в качестве особенного исторического феномена. В определенных формах она наследовала многовековой опыт исторического существования философской рефлексии. Именно он был чрезвычайно интересен марксизму. Его эффективное освоение и присвоение всегда было для него важнейшей целью и надежным гарантом успешности самореализации в качестве целостного, непрерывного и направленного в своем развитии исторического феномена.

Ленинизм *открыл в марксизме философию* как такой способ его рефлексии, который был способен обеспечить решение важнейшей для него проблемы – проблемы целостности его бытия. С одной стороны, он погружает философию в такие глубины ее исторического и теоретического смыслообразования, в которых ей открываются основные вопросы мироздания. С другой стороны, поднимает философию до таких высот, достигнув которых, она в самой себе обнаруживает единственно возможный способ разрешения «вечных» вопросов бытия. С помощью ленинизма она постигает саму себя как единство глубин материализма (теории) и высот диалектики (метода), становится *рефлексивным основанием* целостного бытия марксизма. Обратившись к нему, он не без противоречий и конфликтов, но все-таки овладевает собственной целостностью и создает необходимые условия для ее непрерывного осуществления.

Для того, чтобы эффективно исполнить роль предельного основания целостного бытия марксизма, философия должна была произвести определенное действие, совершить некое усилие над собой – стать из произведенной производящей рефлексией. Она должна была не просто найти и обозначить пределы своего рефлексивного

движения, но разомкнуть их в себе и для себя, что позволило бы марксизму не только быть целым историческим феноменом, но существовать в качестве тотальности. Эту задачу, которую более, или менее адекватно поставил перед философией ленинизм, и которую он так и не смог разрешить, она попробовала решить с помощью сталинизма.

Для сталинизма философия была не основанием, но *рефлексивной формой* осуществления тотальности марксизма. С ее помощью он пытался обернуться на марксизм, погрузиться в основания его рефлексивного движения и в расширенных масштабах в самом себе воспроизвести то, что было постоянно действующим источником непрерывного существования его целостного бытия – воспроизвести ленинизм. Сталинизм появился на авансцене истории, в том числе, в качестве способа открытия *марксизма (ленинизма) в философии*. Открывая все его тайны, скрытый потенциал исторической самостоятельности, он превращал философию в производящую рефлексию, которая, в свою очередь, производила сталинизм как форму расширенного воспроизводства в ней ленинизма. С помощью оборачивания сталинизма в ленинизм философия устанавливала меру собственной «марксистскости».

С одной стороны, сталинизм превратил ленинизм в особый симулякр марксистскости, сделал его порождающей моделью, которая, в конечном итоге несла полную и всестороннюю ответственность за его расширенное воспроизводство в философии. Для того, чтобы эта модель могла эффективно функционировать, он сконструировал в философии некие синтетические формы (диамат, истмат, научный социализм) каждая из которых с помощью единения материализма и диалектики симулировала в философии воображаемое единство составных частей марксизма – имитировала целостность его исторического бытия. С другой стороны, сталинизм превратил противоречивую связь рефлексивных движений этих «произведено-производящих» форм существования философии в единый и непрерывный процесс осуществления ее марксистскости. Он создал для философии универсальную форму осуществления ее рефлексивной природы, форму расширенного воспроизводства марксизма и ленинизма в философии – создал «марксизм-ленинизм» (Сталин). В результате, именно эта «абсолютная форма» (Гегель) и стала с помощью сталинизма основным мерилом марксистскости философствования. Ее безудержное и всепобеждающее

самодвижение превратило философскую рефлексию в устойчивую, самодостаточную, закрытую систему марксистско-ленинской философии.

Сталинизм сконструировал в философии формальные подобию составных частей марксизма – «диалектический материализм», «исторический материализм», «социализм как науку» (Сталин) и превратил их в симулякры, порождающие модели, которые жили лишь тем, что с помощью ленинизма (единства материализма и диалектики) имитировали непрерывность исторического бытия сталинизма в философии. Погружаясь в самих себя, они открывали в себе то, что делало философскую рефлексию непрерывным процессом воспроизводства «чистых истин» марксизма-ленинизма. В результате такого рода открытия марксистско-ленинская философия превратилась в своеобразного Троянского коня, который жил лишь тем, что непрерывно и безостановочно доставлял «марксистские» истины до нерелефлюгирующего сознания строителя нового общества. Но, прежде чем уйти в конный поход по тылам советского зазеркалья, философия тщательно отбирала, сортировала, оснащала всем необходимым, приводила к присяге, научала быть действительно чистыми произведенные «истины» марксизма-ленинизма. Диалектический и исторический материализм, научный социализм не просто присягали сталинизму на верность, но устанавливали сами в себе и для себя особый коэффициент собственной марксистскости. Сталинизм позволял диамату открывать и раскрывать универсальные законы бытия и мышления, погружаться истмату в такие глубины исторического бытия человека, в которых могли действовать исключительно его универсальные законы, проектировать в виде различных научно-коммунистических программ лишь те практические события и исторические явления, которые были носителями законов универсального коммунистического будущего. По мере того, как составные части философии сами в себе присваивали и осваивали ими же произведенные «универсалии», они поднимались до таких высот «чистоты» и «истинности» марксизма, с которых им открывались неизведанные дали его «чистой объективности».

Обратившись в поисках марксизма к философии, сталинизм качественно изменил форму осуществления философской рефлексии. Он превратил ее из порождающей модели в обобщающий знак, который ничего не отражал и ничего не выражал, ибо изна-

чально изгнал из себя все историческое и объективное. В результате чего она стала «чистым взглядом» на «чистую объективность» ленинского марксизма – превратилась в пустую отсылку к самой себе. Обратилась в способ декодирования его «чистых истин», трансформировалась в механизм их самодублирования. Знаковая форма, или, что, то же самое, «обязательный знак» (Бодрийяр) открыла перед философской рефлексией совершенно новые горизонты. В своем неудержимом стремлении преодолеть их она бросила все свои силы на то, чтобы обеспечить расширенное воспроизводство не только «чистых истин», но, самое главное, символических отношений между ними. Отталкиваясь от их скопления и роения, философия совершила смертельный прыжок из царства свободы в царство необходимости симулятивного воспроизводства «чистого взгляда» – увидела в своих глазах отражение собственной смерти. Увидела и поняла себя в себе как знак своего небытия – открыла себя в себе в качестве марксистско-ленинской философии.

Ленинизм поставил перед философией проблему ее участия в обеспечении непрерывности бытия и воспроизводства марксизма. Сталинизм предложил особый способ ее решения. Открыв с помощью ленинизма в философии чистоту самодостаточных истин и символических форм марксизма, сталинизм, с их помощью преобразовал процесс философствования в круговорот самости «знака эмансипированного» (Бодрийяр) – превратил ее в марксистско-ленинскую философию. Сделал философию тем симулякром, который трансформировал окружающую сталинизм гиперреальность в «чистую объективность» его знаковых форм. В расширенных масштабах и в символической форме произвел из самого себя и для себя «чистый взгляд» на себя как особую стену «функциональных знаков, созданных для декодирования и исчерпывающих им весь эффект» [2, с. 371].

Когда в новых исторических условиях перед марксизмом в полный рост встал вопрос о возможности и необходимости его качественного обновления, сталинизм, вместе со всеми своими действительными и надуманными проблемами структурной консолидации и определения истинной «марксистскости» философской рефлексии был вынужден отойти в тень, погрузиться в глубины созданной им марксистско-ленинской философии. Вместо себя на свету он оставил некую знакоподобную форму своего посмертного, гиперреального существования – оставил там то, что долгие годы

помогало ему имитировать непрерывность философствования, то, что Сталин называл марксизмом-ленинизмом.

Вырвавшись из застенков сталинизма, оказавшись на свободе по ту сторону его символических границ, марксизм-ленинизм качественно изменил свою природу, но не целостность и непрерывность, а направленность своего осуществления. Одновременно с этим он превратил марксистско-ленинскую философию в произведено-производящую рефлексию. Сделал ее средством освобождения марксизма от ленинских сокрытий и сталинских искажений. В отличие от ленинизма, который пытался открыть философию в марксизме – вернуть ее к жизни после смерти, и от сталинизма, для которого главным было показать то, что есть марксизм в философии, марксизм-ленинизм, превратившись из обобщающего, по своей сути, пустого знака в способ осуществления сталинизма как матрицы советской истории, попытался с помощью марксистско-ленинской философии стать *философствующим марксизмом (ленинизмом-сталинизмом)* – способом оборачивания марксизма-ленинизма на собственную смерть. Посредством философской рефлексии он стремился превзойти пределы и горизонты своего символического бытия. По ту сторону созданной им гиперреальности найти то, что могло бы оживить марксизм, позволило бы ему вернуться туда, откуда он в результате революции и установления диктатуры был исторгнут. Для того чтобы это случилось, марксизм-ленинизм должен был направить свою смерть против ее самой, что было возможно сделать только одним способом – путем истощения инерционного потенциала своего развития. Именно эту сверхзадачу и решала марксистско-ленинская философия, которая, фактически, стала особым способом осуществления и ускорения катастрофического развития марксизма-ленинизма – способом интенсификации потенциала ленинизма и сталинизма и обращения его «чистого взгляда» на самого себя и свою смерть. В конечном итоге, смысл ее рефлексивного существования свелся к тому, что она особым образом, в соответствии с законами ленинизма и в формах сталинизма располагала «чистые истины» марксизма-ленинизма на поверхности его же «чистой объективности». В результате, на самом что ни на есть молекулярном уровне своим «чистым взглядом» философская рефлексия превращала круговорот «чистых истин» марксизма-ленинизма в нескончаемое «головокружение от реальности и смерти» [2, с. 344].

Марксизм-ленинизм открыл перед философией такие предметные сферы, в которых она если раньше и появлялась, то исключительно для того, чтобы найти в них «чистые истины» марксизма и ленинизма. Сейчас же она обратилась к ним с совершенно иной целью. Теперь уже ее интересовали произведенные и производящие истины самой философии, ибо в процессе трансформации сталинизма в марксизм-ленинизм именно они стали основными формами его самоидентификации. В результате экспансии марксистско-ленинской философии в различные предметные сферы советской гиперреальности случилось то, что и должно было случиться. С одной стороны, значительно ускорился процесс вытеснения из философии собственно философской рефлексии и заполнение образовавшихся пустот различного рода *философскими проблемами* научного (естественнонаучного, социального, гуманитарного) познания, логики и методологии (социологической, системной, деятельностной, антропологической, социально-психологической) исследования. С другой стороны, все эти изменения привели к тому, что философия открыла для себя в марксизме-ленинизме мир хоть и призрачный, имитационный и иллюзорный, *но практической деятельности людей*. Конечно же, это был мир не реальной практики, но ее симулякров. Но и среди них она чувствовала себя вполне комфортно, ибо была тем «чистым взглядом», с помощью которого марксизм-ленинизм из своего философского ничто (научного коммунизма) создавал собственную пустоту – с помощью идеологического программирования конструировал образ коммунистического завтра и определял пути и программу его, столь же коммунистического строительства.

Освобождение «тела» марксистско-ленинской философии от оков ленинизма (единства материализма и диалектики) и форм идентификации сталинизма (единства диамата, истмата, научного социализма) происходило в мучительных схватках спящего разума с самим собой. В результате чего он продолжал все так же спать, но теперь уже в хрустальном гробу всепобеждающей доктрины марксизма-ленинизма. В нем ему снились сладкие сны призрачной свободы. То, как он разрушал феноменологические замки на воротах идеальных Замков. То, как стремглав убежал от испепеляющего «чистого взгляда» революционной теории в неизведанные глубины философской субстанции. И то, как после всех своих странствий, вооруженный «чистой истиной» марксизма-ленинизма-сталиниз-

ма он неизменно возвращался в «потерянный рай» (Дж. Мильтон) коммунистического завтра, в котором под всепобеждающие марши не строители постоянно и неуклонно не строили ничто. Увы, но этот «последний выдох господина ПЖ» лишь имитировал ее способность быть в условиях, когда она уже не могла существовать. Выдыхая его, мятущийся философский дух не освобождался от тесноты азбучных истин симулякров ленинизма и сталинизма. Они по-прежнему продолжали по каплям выдавливать из философии философию. Бодрствуя во сне, марксистско-ленинская философия особо заботилось о том, чтобы бегство марксизма-ленинизма из реальной и воображаемой истории не выглядело как его уничтожение. Для нее было принципиально важным доказать, в первую очередь самой себе то, что после смерти – смерти нет. Для этого она погружалась в мир нераскрытых тайн научного познания, неустанно и каждодневно имитировала свою практичность в сфере доктринального строительства различного рода идеологических пещер, на стенах которых безостановочно отплясывали революционные пляски неугомонные призраки коммунизма. Марксизм-ленинизм до такой степени истощал бытие философии, имитировал ее активность и продуктивность, лишая ее при этом любой возможности рефлексировать, что оставлял ей лишь неизбежность ее умирания и превращения смерти философии в важнейшее, системообразующее качество своего небытия. При этом он всячески стимулировал и одновременно с этим симулировал столь желанную и очень важную для его жизни после смерти активность философии. Пытаясь с помощью философской рефлексии обратить собственную смерть против нее самой и совершить «прыжок» в неизвестное, вернуть советской истории ее смысл и вновь превратить марксизм в «начало» обновления целостной исторической реальности, марксизм-ленинизм всячески стремился пробудить жизненный интерес философии ко всему тому, что могло бы открыть для него «новые», находящиеся по ту сторону горизонта его бытия, миры. Именно этим объясняется повышенный интерес марксистско-ленинской философии к научному познанию и практике коммунистического строительства. Также как советская история, которая пыталась присвоить достижения научно-технического прогресса и совершенство собственной цели, ее философский аналог стремился обрести жизнь после смерти, используя объективные истины современной науки и практики. Всего того, что реально находилось

по ту сторону его бессмысленного бытия. Стремясь вернуть себя к жизни, обернуть свою смерть против нее самой, марксизм-ленинизм открыл для философии новые миры. Но, лишив ее при этом возможности саморефлексии, он закрыл для нее и самого себя мир реальной истории. Вновь с помощью философского симулякра погрузился в «символический хаос» гиперреальности советской истории и ленинско-сталинской истории самой себя. В результате всю накопленную историческую и духовно-практическую инерцию марксизма-ленинизма этот симулякр направил против его самого. У нее не было сил для того, чтобы вырваться из крепких объятий ленинизма, хотя она и пыталась имитировать попытку своего освобождения путем восстановления его самоидентичности. Она не могла извлечь из себя сталинизм, ибо он был ее внутренним каркасом, и именно на нем держалась способность философии быть собой и полагать в себе достаточный уровень «марксистскости». В этих условиях ей оставалось только одно – бегство от самой себя как формы осуществления целостности и тотальности марксизма-ленинизма. С этой целью она устроила в марксизме-ленинизме такой «символический беспорядок», который позволил ей кардинальным образом радикализировать свой собственный инерционный потенциал. Для того чтобы убежать от себя в «падающем отшатывании» (Хайдеггер) от самой себя, философия использовала три проверенных метода: *спекуляцию, манипуляцию и «смертельную спекуляцию»* (Бодрийяр). Наиболее осмысленно и одновременно абсолютно бессмысленно спекуляцию как способ убегающего умения быть использовал диалектический материализм. С помощью манипуляции целесообразностью без цели, референциальностью без референции от реальной истории «отшатывался» исторический материализм. Для того чтобы безнаказанно и с пользой для себя убежать от нее, он использовал различного рода модусы социального. Воспользовавшись ими как знаками манипуляции, он пытался скрыться из провозглашенного им мира абсолютной детерминированности в мир безграничной циркуляции, поточной, повторяющейся комбинаторики, всеобщей подстановки социальных (общественных, деятельностных, цивилизационных, культурных, социально-психологических) знаков-модусов. Бесконечно перебирая их, играя с ними в известную игру (бисер) он пытался за круговертью вдруг открывшихся марксизму-ленинизму «чистых истин» окружающей его истории, скрыть окончательный «разгром разу-

ма» (Бодрийяр) и «сбить с толку обычную систему наименований» [2, с. 368]. Смертельную спекуляцию или «радикализацию всех гипотез» (Бодрийяр) наиболее осмысленно и эффективно использовал научный социализм, который с помощью символического насилия и имитации очень быстро превратился в научный коммунизм – «науку о воображаемых решениях» (патафизику). Радикализируя спекуляцию и манипуляцию, он сумел довести марксизм-ленинизм до предела, превратить его в радикальную тавтологию, высшую точку симуляции, находясь в которой, он был обречен на то, чтобы «сделать из собственной логики системы неотразимое оружие против нее» и «обратить смерть против смерти» [2, с. 107]. Научный коммунизм открыл для марксизма-ленинизма единственно возможную стратегию его развития – не диалектическую, но катастрофическую. Ее реализация привела к тому, что он сам собой, т. е. посредством философской рефлексии и возгонки собственной инерции, обратился в свою противоположность и саморазрушился. Возложив на себя сан «научного коммуниста», марксистско-ленинская философия сама себе отпустила все грехи и благословила себя для перехода (бегства) в мир иной – в мир небытия ничто.

Пытаясь обратить смерть марксизма-ленинизма против его смерти, марксистско-ленинская философия, т. е. погрязший в симулятивных спекуляциях диалектический материализм, обреченный на вечные манипуляции-скитания исторический материализм, научный коммунизм, как субъект катастрофической стратегии и радикальной спекуляции будущим, умерла вместе с ним. Теперь уже ее смерть стала не формальным, но реальным событием истории. Ее жизнь после смерти закончилась и завершилась окончательно и бесповоротно. И все было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство. Ведь не к этому она стремилась и не этого она пыталась достичь! Не смерть марксизма и его советских симулякров ее интересовала, но ее обратимость, т. е. та возможная жизнь, которая могла бы при определенных условиях случиться по ту сторону бытия марксизма-ленинизма. И почему же это все не случилось? Что это могла быть за жизнь?

Попробуем очень кратко ответить на эти непростые вопросы. Началом советской истории, как мы помним, был процесс превращения Революции в свою противоположность – в диктатуру. Он же был исходной точкой обращения марксизма к своему бытию как смерти – к мертвым источникам его жития после смерти. Ле-

низм, сталинизм, марксизм-ленинизм как могли, продвигали это странное бытие к его финалу, обеспечивали послезитие советской истории и возрождение, воспроизводство, обновление «марксистскости» ее бытия. На определенном этапе развития советской истории случилась *катастрофа* – история настолько ускорила «круговерть» своего инерционного потенциала, что он достаточно быстро истощился и перестал быть источником ее возобновления и раскрытия. В результате она была вынуждена вновь обратиться к своим истокам и в глубинах собственного бытия попыталась найти то, что, в принципе, могло бы вернуть ее в мировой исторический процесс, воссоздать то, что было до того момента, когда случилась Великая русская революция. Увы, но решить эту проблему она была не в состоянии, ибо ее решение искала там, где его быть не могло – в собственном бытии к смерти. Найти выход из, казалось бы, безвыходного положения ей помогла та «катастрофическая стратегия» (Бодрийяр), которая инициировала возникновение проблемы. Эта стратегия заключала в себе возможность обратимости ее смерти. Для того чтобы этот процесс стал реальным, советская история должна была раскрыть собственную самую через обращение к своим историческим истокам – к историческим началам Революционной эпохи. Катастрофа возвратила к жизни из небытия тоталитаризма и социалистического строительства социализма то, что было прямой противоположностью советской истории и высшей формой развития Революционной эпохи. Также как выстрелы на Сенатской площади разбудили Герцена, так и катастрофа советской истории пробудила к жизни завершающую, но далеко еще не законченную и незавершенную Революцию. Она вернула в исторический процесс необходимость и неизбежность ее осуществления. События 1991–2018 гг. и далее, случившиеся в России соединили в одном историческом акте катастрофу и революцию, превратив тем самым обратимость смерти советской истории в столь ненавистную нынешней российской власти революцию. С этих, очень разных и многоплановых событий начался новый этап ее развития – этап финального самоопределения Эпохи тоталитаризма. Сегодня весь цивилизованный мир с нескрываемым интересом и ожиданием позитивных перемен наблюдает за тем, как Россия пытается изжить из себя остаточные явления советской истории, перебороть в себе тоталитаризм и окончательно закончить Завершающую революцию. Если это произойдет, а поздно, или рано это все равно

случится, то наступит естественный и закономерный конец Революционной эпохи, в результате чего действительная история станет развиваться, основываясь на противоречии, в котором ведущей противоположностью будет самодеятельность. А что же, при этом, может и должно произойти с философией?

Трагическая история советского тоталитаризма и социализма показала, что без серьезного, глубокого духовного самообоснования Завершающая революция не может быть успешной и не в состоянии сделать то, что предназначено ей Революционной эпохой – закончить ее. В свое время марксизм попытался стать той духовно-практической самодеятельностью, которая могла бы обеспечить эффективное завершение данного процесса. Однако у него в силу разных причин сделать это не получилось. При этом проблема, которую он поставил перед историей и революцией – проблема целостности, непрерывности и направленности духовно-практического самоопределения их тождества – никуда не исчезла. Она остается и сегодня одной из важнейших проблем современной истории. Когда-то марксизм, и в этом его, безусловно, историческая заслуга, предложил в качестве универсального средства решения данной проблемы философскую рефлексию. Однако в результате ее разложения с помощью ленинизма, извращения посредством сталинизма и фетишизации в форме марксизма-ленинизма рефлексия превратилась всего лишь в инструмент погребения данной проблемы под завалами советской истории. Для того чтобы вернуть проблему духовно-практического самообоснования Революционной эпохи к жизни и создать необходимые условия для ее возможного решения в будущем, следует, как минимум, возратить философской рефлексии тот смысл ее исторического бытия, который открыл в ней и для нее марксизм. Необходимо вновь сделать философию той духовной самодеятельностью, без которой абсолютно невозможно превратить историческую самодеятельность человека в ведущую противоположность основного противоречия развития истории и, тем самым, обеспечить переход от конца Революционной эпохи к началу действительной истории, от катастрофы советской истории перейти к завершению Великой русской (завершающей) революции. Но для того, чтобы вновь стать важнейшим, необходимым опосредующим звеном этого процесса, марксистско-ленинская философия должна посредством критической рефлексии преодолеть в самой себе свое бытие. И не просто различные формы

ее советского бытийствования, но бытие своей сущности. Она сама должна убить в себе Дракона! И только после этого у неё может появиться шанс на возвращение себе того, что всегда было предельной сущностью философской рефлексии – шанс на возвращение себе умения и способности быть способом освобождения свободы ради достижения свободы.

* * *

Марксистско-ленинская философия прошла тот путь, который был ей предначертан марксизмом, ленинизмом, сталинизмом, марксизмом-ленинизмом с огромными, в первую очередь интеллектуальными и человеческими потерями. Создав особый, во многом призрачный мир, в котором странным образом уживались разложившиеся пролетарские призраки ленинизма, извращенные социалистические монстры сталинизма и вечные идеологические истины марксизма-ленинизма, она, тем не менее, сумела расселить в нем достаточное количество умных и самостоятельных философов. Некоторые из них сумели во мгле наступающей тьмы сохранить себя и обеспечить воспроизводство свободного духа философствования. И все же, как могла не засохнуть теория, если «золотое древо жизни» не только не зеленело, но превратилось в сухостой?

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bsu.by/sm.aspx?guid=289653> (дата обращения: 07.02.2018).
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. О. А. Печенкина. Тула, 2013. 204 с.
3. Лоскутов В. А. Власть в лабиринтах свободы: монография / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ, Уральский ин-т. Екатеринбург, 2013. 1007 с.

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры онтологии и теории познания
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» Екатеринбург, Россия)
E-mail: ashutaleva@yandex.ru

РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА НАБЛЮДЕНИЯ В ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ У. МАТУРАНЫ

REALITY AS THE PROBLEM OF OBSERVATION IN THE U. MATURANA THEORY OF KNOWLEDGE

Аннотация. Представлена конститутивная интерпретация проблемы реальности в концепции биокогнитивной эпистемологии У. Матураны. Познание реальности рассматривается в контексте раскрытия обусловленности феномена наблюдения биологической природой и способом межличностной коммуникации человека.

Ключевые слова: реальность, отражение, наблюдатель, различие, конституирование.

Abstract. Constitutive interpretation of the problem of reality in the concept of bio-cognitive epistemology U. Maturana is presented. Biological nature and ways of interpersonal communication of a person are considered as conditioning the phenomenon of observation in the process of cognition of reality by man.

Key words: reality, reflection, observer, distinction, constitution.

Проблема отражения является одним из основополагающих принципов марксистской философии, которая оказала влияние как на постановку, так и на способ решения большого числа мировоззренческих, онтологических, гносеологических и общенаучных проблем современной философии и науки. Кафедра диалектического материализма УрГУ под руководством М. Н. Руткевича и И. Я. Лойфмана активно разрабатывала эту проблематику, которая подавалась как исследовательское направление «ленинская теория отражения». М. Н. Руткевич читал спецкурс по данной тематике, на основе которого была издана монография «Ленинская теория отражения» (Свердловск, 1971). Под таким же названием было издано 10 выпусков сборников кафедры диалектического ма-

териализма, участниками которых были не только философы, но и представители конкретных наук, естественники и гуманитары. В постсоветское время теория отражения была оценена отечественными философами весьма негативно, как неадекватная реальным процессам познания, упрощающая механизмы познания, и, по сути дела, исследования в данной области притормозились.

Как ни странно, развитие проблематики по теории отражения происходит в рамках зарубежной неклассической теории познания, прежде всего, в эволюционной эпистемологии. Эволюционная эпистемология включает в себя несколько направлений философской мысли, сосредоточенных как на изучении роста и развития научного знания в моделях К. Поппера и С. Тулмина и др., так и на поиске ответов на гносеологические вопросы посредством изучения жизнедеятельности и познания живых систем, эволюции познавательных способностей и органов познания в исследованиях К. Лоренца, Г. Фоллмера, Р. Ридля, Э. Ойзера, Ф. Вукетича, Ф. Варелы, У. Матураны и др.

Традиция исследования гносеологических вопросов через обращение к материалу таких научных дисциплин, как кибернетика, биология, этология, лингвистика и др. позволила внести существенный вклад в поиске ответа на один из основных вопросов теории познания – вопрос о постижении реальности. Вопрос о реальности в явном или неявном виде является основанием для рациональных аргументов, которые используются человеком для оправдания своих познавательных действий. Постановка и решение вопроса о реальности связаны с трактовкой понятия *объекта*, на который направлено сознание в процессе отражения его свойств и его отношений со средой, что в рамках традиции научного наблюдения предполагает *систематическое, целенаправленное восприятие* и фиксацию его результатов в знаковых формах научного языка. Поэтому необходимо обращение не только к объекту, который описывается в понятиях, соответствующих типу применяемого средства наблюдения, но и, собственно, к самому наблюдению, которое, как справедливо утверждает У. Матурана, является одновременно и отправной точкой, и самым фундаментальным фактором в попытке понять реальность и разум как феномены, относящиеся к человеку [1, с. 27].

У. Матурана, исходя из предположения, что наблюдатель является в первую очередь *живой системой*, утверждает, что понимание

как социальных, так и несоциальных явлений в жизни человека является несостоятельным, если вопрос о реальности не прояснен должным образом [1, с. 25]. У. Матурана считает, что ответ на вопрос о реальности может быть найден, только если *наблюдение и познание* объясняются как *биологические явления*, порождаемые действием наблюдателя как живого существа.

У. Матурана развивает представление о познании как биологической функции человека как целостного организма. У. Матурана в работе с характерным названием «Биология познания» представляет *живые системы* как *когнитивные системы*, а саму жизнь трактует одновременно и как процесс познания [2]. В рамках теории автопоэзиса, которая разрабатывается У. Матураной совместно с Ф. Варелой [3], предполагается, что мозг живого существа является операционально закрытым, но при этом способным адекватно воспринимать сигналы внешнего мира. Мозг воспринимает мир посредством данных, получаемых от органов чувств, в соответствии с которыми может корректировать поведение организма. Это означает, что есть корреляция между существованием и развитием мозга живого организма и той реальностью, с которой этот организм сталкивается. При этом предполагается первичность некоторой замкнутости мозга. Это может быть понято так, что замкнутость мозга является условием эффективного взаимодействия организма с окружающей средой, в подтверждение приведем цитату: «мы обнаруживаем, что наш опыт состоит в том, что мы наблюдаем, говорим или действуем, и что любое объяснение или описание того, что мы делаем, является вторичным по отношению к нашему опыту нахождения себя в том, что мы делаем» [1, с. 26].

При описании наблюдателя У. Матурана исходит из следующих положений [1, с. 27]. Во-первых, наблюдатель находит себя в практике жизни, отраженной в языковом опыте, который как таковой происходит «как бы из ниоткуда». Что может быть интерпретировано как то, что язык является условием жизненного опыта и практики человека. Во-вторых, У. Матурана обращает внимание на то, что любое *объяснение* (или *описание*) того, как осуществляется проживание практики в языке, является оперативно второстепенным по отношению к содержанию самой практики проживания в языке. В-третьих, объяснения и описания не заменяют того, что они объясняют или описывают.

Понимание реальности/объективности связано У. Матураны с двойственным процессом, который предполагает деятельность сознания по *различению объектов* и различию их от собственных *операций различения*, осуществляемых в языке. Объекты, обозначенные наблюдателем в процессе различения, наделяются свойствами, реализующими оперативные когерентности практик жизни, в которых они созданы [1, с. 30]. Рассуждения У. Матураны приводят его к следующему предположению. Если путь наблюдателя к объективности являет собой одновременно процесс его существования, предполагающее осуществление различий, то по этой причине наблюдатель знает, что не может использовать объект (предположительно существующий как независимый объект) в качестве аргумента для обоснования собственной позиции. Различения, как было ранее отмечено, осуществляются наблюдателем в практике проживания в языке, что приводит, согласно концепции У. Матураны, к трем фундаментальным последствиям.

Первое фундаментальное последствие заключается в том, что каждая конфигурация операций различия, выполняемых наблюдателем, определяет область реальности как область оперативной согласованности практик жизни самого наблюдателя, в которую он включает конкретные виды объектов посредством их применения.

Второе фундаментальное последствие состоит в том, что каждая область реальности представляет собой один из способов объяснения практики жизни наблюдателя, поскольку она рекурсивно использует составляющие ее оперативные когерентности для производства объяснительных «переформулировок» разнообразных практик жизни наблюдателя.

Третье фундаментальное последствие заключается в том, что все области реальности одинаково легитимны как области существования, несмотря на то, что имеют терминологические различия в операционных когерентностях и, следовательно, не равны в опыте наблюдателя. Они и возникают однотипным образом, и проявляются посредством применения операций разграничения наблюдателем многообразия практик жизни.

Таким образом, в концепции У. Матураны развивается конститутивное представление о самом процессе объяснения наблюдателем реальности, которое не является ни редукционистским, ни трансцендентальным, так как оно не направлено на поиск единственного и окончательного объяснения устройства мира. Соглас-

но представлениям У. Матураны, наблюдатель находит самого себя в качестве источника всей реальности с помощью собственных операций различения, возникающих в практике жизни. Наблюдатели порождают разные, но одинаково легитимные области реальности, поскольку осуществляют многообразные виды операций различения в собственной практике проживания. Область объяснения реальности формируется наблюдателем в соответствии с критерием приемлемости, позволяющим адекватно переформулировать практику жизни наблюдателя. При этом У. Матурана настаивает на практической ответственности наблюдателя за все сферы реальности, которые осуществляет наблюдатель в своих объяснениях многообразия практик жизни [1, с. 31].

Опыт проживания наблюдателя может существовать только в языке, а само наблюдение трактуется У. Матураной как конститутивное априорное начальное условие размышления, объяснения или разговора [1, с. 39]. В интерпретации У. Матураны объяснение, связанное с практикой жизни ученого, – это переживание второго порядка в том смысле, что оно представляет собой опыт проживания в языке *его* практики жизни. В этом контексте реальность уже не есть просто опыт, а это аргумент при объяснении в разговоре [1, с. 39]. Реальность предстает как некое объяснительное предложение опыта оперативной согласованности в повседневной и технической жизни наблюдателей как их естественной среды обитания. Это способ познания, который У. Матурана характеризует как «заклучение в скобки». Отсылка к реальности может быть принята как объяснительный аргумент и в случае, если наблюдатель задается вопросом о биологическом происхождении собственных свойств. А если принять объективность без «заклучения ее в скобки», то это реальность как то, что есть, а не как объяснительное предложение. У. Матурана приходит к выводу, что реальность, в которой живет человек, зависит от того, что он принимает, а это, в свою очередь, зависит от эмоциональной сферы, которая охватывает человека в момент объяснения собственной позиции [1, с. 41]. Таким образом, если кто-либо навязывает свои взгляды другим, не размышляя, де-факто отрицая другую точку зрения, то он оказывается на пути объяснения объективности без основополагающего момента «заклучения в скобки». Если, напротив, человек находится в ситуации принятия другого, в т. ч. и в способе отражения реальности, то он оказывается в ситуации использования способа объяснения

объективности вместе с «заключением в скобки». Отсюда следует, что тот вид реальности, который принимается человеком с учетом способа его проживания и нацеленности на объяснение, отражает грани межличностных отношений и определяется человеческой биологией наблюдения.

Литература:

1. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект: Сб. пер. М., 1995. С. 95–142.

2. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

3. Maturana U. Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument // The Irish Journal of Psychology. 1988. Vol. 9. №. 1. Pp. 25–82.

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры онтологии и теории познания
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия)
E-mail: l.lamberov@gmail.com

ДИАЛЕКТИКА ТОЖДЕСТВА И РАЗЛИЧИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТЕОРЕТИКО-ТИПОВОМ ПОДХОДЕ К ОСНОВАНИЯМ МАТЕМАТИКИ* **

DIALECTICS OF IDENTITY AND DISTINCTION IN THE CONTEMPORARY TYPE-THEORETIC APPROACH TO THE FOUNDATIONS OF MATHEMATICS

Аннотация. В статье даётся обзор современного теоретико-типového подхода к основаниям математики. Особое внимание уделяется понятиям изоморфизма, инварианта, структуры. Обосновывается наличие диалектических идей в теоретико-типovém подходе. Показано, что одни и те же математические объекты могут считаться тождественными на одном уровне абстракции и различными на другом уровне.

Ключевые слова: математика, математический объект, теория типов, диалектика, инвариант, структура.

Abstract. The paper gives an overview of the modern type-theoretical approach to the foundations of mathematics. Special attention is focused to the concepts of isomorphism, invariant, and structure. It is argued that the type-theoretic approach contains some key dialectical ideas. It is shown that the same mathematical objects can be considered identical on one level of abstraction and different at another level.

Key words: mathematics, mathematical object, type theory, dialectics, invariant, structure.

В настоящее время наиболее интересные и перспективные дискуссии относительно оснований математики выстраиваются вокруг

* Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект МК-6552.2016.6.

** Настоящая статья представляет собой тезисы доклада, представленного в рамках конференции «Марксизм в философии: судьбы мировоззрения» (Екатеринбург, 2017 г.). С подробностями на близкую тему можно ознакомиться в статье автора: Ламберов Л. Д. Унивалентность и понятие структуры в философии математики // Сибирский философский журнал. 2018. № 1. С. 20–32.

теоретико-типового подхода и касаются в определённом смысле возрождения и некоторого переосмысления конструктивизма и структурализма. Связано это прежде всего с улучшением состояния функциональных языков программирования и увеличением внимания исследователей к функциональному подходу в принципе, а также с возникновением и бурным развитием нового подхода к основаниям математики. Под последним, конечно же, имеется в виду унивалентный подход к основаниям математики, в некотором смысле объединяющий в себе и конструктивизм, и структурализм.

Необходимо отметить, что понимание и конструктивизма, и структурализма на сегодняшний день несколько изменилось по сравнению с тем, что можно обнаружить у основоположников указанных направлений. Так, современный конструктивизм в отличие от интуиционизма Л. Э. Я. Брауэра уже не несет с необходимостью онтологической окраски. То есть, современный конструктивизм, если использовать терминологию Ф. Ричмэна [7, с. 8] является скорее эпистемологическим вариантом конструктивизма. Эпистемологический конструктивизм уже не настаивает на точке зрения, что математические объекты являются ментальными сущностями, а лишь характеризуется принятием специфической методологии, предполагающей отказ от принципа исключённого третьего, запрета доказательств от противного и вообще выстраиваемой на основе интуиционистской логики. Такая же или весьма близкая эпистемологическая интерпретация конструктивизма может быть обнаружена даже в самых первых работах по комбинаторной логике и типизированному лямбда-исчислению, развитие которых привело, в конечном счёте, к системе *Automath* Н. Де Брёйна, и современным системам интерактивного построения доказательств *Coq*, *Agda* и др. При этом подходе доказательство математической теоремы представляет собой построение функции, имеющей тип, совпадающий с формулировкой данной теоремы. Таким образом, (конструктивные) математические результаты и их доказательства получают вычислительную интерпретацию, что способствует формализации математики на вычислительных машинах. Тем не менее, при таком подходе к математике гораздо более важным преимуществом указанного подхода оказывается то, что любое определенное в теории типов свойство объекта является инвариантным [6, с. 3].

Последнее обстоятельство оказывается теснейшим образом связано со структуралистским подходом. Несмотря на то, что в рамках структурализма ставится проблема неединственности представления математических объектов [5], удовлетворительное решение этой проблемы до относительно недавнего времени не было предложено. Проблема неединственности делает общую ситуацию в математике в онтологическом смысле критической. Ведь если сравнить, допустим, теоретико-множественные определения натуральных чисел в духе Дж. фон Неймана и Э. Цермело, то будут обнаружены не только несовпадающие, но и даже прямо противоречащие друг другу свойства натуральных чисел. Тем не менее, благодаря теоретико-категорному подходу, который, как обнаружено на сегодняшний момент, смыкается с подходом теоретико-типичным (т. е., можно сказать, по крайней мере с некоторыми вариантами эпистемологического конструктивизма), понятие структуры может быть определено [4] через отображения (в духе теории категорий) между элементами одного типа (в духе теории типов). Последнее не только разрешает проблему неединственности представления математических объектов, но и позволяет сформировать новое определение самого понятия математического объекта. При таком подходе объектом оказывается, например, не отдельно взятое натуральное число, а вся система натуральных чисел.

Заметьте, что поскольку определение, допустим, типа натуральных чисел схватывает исключительно инвариантные (т. е., релевантные), а «посторонние» (например, теоретико-множественные) свойства в определение указанного типа не входят, то получается, что два разных определения типа натуральных чисел будут с математической необходимостью изоморфны при условии схватывания всех инвариантных свойств данного математического объекта. Таким образом, на определённом уровне абстракции можно утверждать, что одно теоретико-типичное представление натуральных чисел тождественно другому теоретико-типичному представлению натуральных чисел. Тем не менее, это не предполагает «схлопывания» указанных представлений, поскольку на других уровнях абстракции они могут различаться, например, в вычислительно-прагматическом отношении.

Последнее весьма близко идеям диалектики тождества и различия в марксистской философии. Показательным в этом отношении может оказаться ряд цитат. Так, В. В. Ким пишет о процессе аб-

стракции, который основан «на выявлении тождественных свойств в сравниваемых объектах», благодаря которому «в процессе абстракции отождествления не отбрасываются отдельные свойства, а выделяются инварианты», что «позволяет отвлекаться от реально существующих различий между вещами и допускает рассмотрение их как неразличимых» [1, с. 12]. Таким образом, «наличие инвариантов означает изоморфизм двух или нескольких структурных систем», а «установление изоморфизма двух систем объектов избавляет исследователя от изучения каждой системы в отдельности, так как они не отличаются друг от друга», поэтому «установление изоморфизма означает не что иное, как установление тождественности «инвариантного» в различном» [1, 13]. Можно привести ещё много подобных цитат, говорящих о близости современного теоретико-типового подхода к основаниям математики марксистской философии (конечно, если брать её без каких-либо идеологических и/или политико-экономических аспектов). Не случайно один из основоположников теории категорий У. Лавер считал Г. В. Ф. Гегеля одним из самых интересных философов, диалектическое учение которого с успехом формализуется с помощью гомотопической теории типов, лежащей в основании унивалентного подхода.

Тем не менее, вернёмся к унивалентным основаниям математики [9], в котором можно обнаружить весьма интересные принципы. Так, математики уже довольно давно обращаются с изоморфными объектами как с равными, однако при построении формализованных теорий для обоснования этого приходится вводить зачастую громоздкие классы эквивалентностей. Унивалентный же подход, объединяющий в себе современные варианты конструктивизма и структурализма, предлагает специальную аксиому унивалентности (доказуемую как теорему в рамках кубической теории типов), которая обобщает понятие тождественного равенства до понятия эквивалентности. Аксиома унивалентности не отменяет той особенности теории типов, согласно которой все определимые свойства являются инвариантными, а потом структурными, и позволяет при формализации избавиться от неудобных конструкций с классами эквивалентностей. Фактически формализация значительно упрощается, а замена одной структуры на другую эквивалентную ей может происходить без изменения всей конструкции доказательства.

Литература:

1. Awodey S. Structuralism, Invariance, and Univalence // *Philosophia Mathematica*. 2014. Vol. 22. P. 1–11.
2. Awodey S. Structure in Mathematics and Logic: A Categorical Perspective // *Philosophia Mathematica*. 1996. Vol. 4. P. 209–237.
3. Benacerraf P. What Numbers Could Not Be // *Philosophical Review*. 1965. Vol. 74. P. 47–73.
4. Ким В. В. Тожество и различие как категории материалистической диалектики. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1969. 96 с.
5. Ламберов Л. Д. Унивалентность и понятие структуры в философии математики // *Сибирский философский журнал*. 2018. № 1. С. 20–32.
6. Makkai M. Towards a Categorical Foundation of Mathematics // *Logic Colloquium '95. Lecture Notes in Logic 11* / Ed. by J. A. Makowsky and E. V. Ravve. Berlin: Springer, 1998. P. 153–190.
7. Richman F. Interview with a Constructive Mathematician // *Modern Logic*. 1996. Vol. 6. P. 247–271.
8. Richman F. Intuitionism as Generalization // *Philosophia Mathematica*. 1990. Vol 5. P. 124–128.
9. The Univalent Foundations Program. *Homotopy Type Theory: Univalent Foundations of Mathematics*. Institute for Advanced Study, 2013. URL: <https://homotopytypetheory.org/book> [Дата обращения: 01.02.2018].

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия)

АТТРИБУТЫ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

ATTRIBUTES OF PHILOSOPHICAL PROBLEMS

Аннотация. В статье анализируются структурные и функциональные характеристики философских проблем. Предметом анализа служат классическая западная и русская философия, а также работы представителей Уральской философской школы. Автор предлагает в порядке обсуждения перечень необходимых существенных свойств (признаков) философских проблем.

Ключевые слова: атрибут, модус, проблема, философия, философская проблема, характеристика, экзистенция.

Abstract. The article analyzes the structural and functional characteristics of philosophical problems. The subject of analysis is classical Western and Russian philosophy, as well as the work of representatives of the Ural School of Philosophy. The author suggests in the order of discussion a list of essential properties (signs) of philosophical problems.

Key words: attribute, modus, problem, philosophy, philosophical problem, characteristic, existence.

Как известно, Аристотель разработал систематическое учение о проблеме – первое в истории европейской философии. Ему принадлежат исходные определения понятия «проблема»: а) это затруднение в мышлении [1, с. 99]; б) это предмет спора. Данное понятие и попытки его осмысления красной нитью проходят сквозь всю историю философии. Современные авторы констатируют, что сейчас в интеллектуальной элите западного общества возрождается «угасший было интерес к так называемым вечным вопросам» [2, с. 13]. Для представителей Уральской философской школы весьма характерен устойчивый исследовательский интерес к феномену проблемного знания, о чем свидетельствуют опубликованные работы разных лет [3–7]. Так, К. Н. Любутин и его соавторы утверждают: «Проблемный подход в изучении историко-философского процесса позволяет раскрыть глубинные, сущностные характери-

стики исторического существования философского знания, позволяет проследить его приращение» [4, с. 135]. Одно из возможных решений проблемы возникновения в научном познании антиномий-противоречий предлагает Д. В. Пивоваров. Он полагает, что эти антиномии являются «выражением диалектической противоположности чувственной и рациональной структур научной теории» [5, с. 499]. Различные виды проблемного знания и сознания представлены в «Современном философском словаре» под редакцией В. Е. Кемерова [7]. Кроме того, по тематике «проблемологии» в УрГУ были защищены кандидатские диссертации С. Д. Лобанова, М. В. Горбунова, В. П. Прыткова и докторская диссертация П. М. Хаккуза. Новые сюжеты традиционной тематики представлены в работах Е. А. Бакеевой [3], на мой взгляд, достаточно спорных.

Что такое философская проблема? В качестве «рабочего» определения этого понятия примем следующее: «**Философская проблема** – это форма организации и функционирования в культуре исторически изменяющегося философского знания и сознания» [7, с. 704]. Термин «философская проблематика» обозначает нечеткое множество философских проблем (поставленных и непоставленных, решенных и нерешенных и т. д.). Рассмотрим устойчивые, относительно инвариантные характеристики (т. е. атрибуты) указанных проблем. В качестве искомых атрибутов предлагаю следующие.

1. Бытийная укоренённость. Человек философствующий (в том числе профессиональный философ) укоренен в бытии: в своей индивидуальной жизни, жизненном мире, своем социальном окружении, в истории и культуре своего народа. По этому поводу М. Хайдеггер вопрошал: «Мы спросим, оставаясь при этом образе: в какой почве находят свою опору корни дерева философии? Из какой основы получают эти корни и через них все дерево питательные соки и силы?» [8, с. 27]. Его ответ гласит: такой почвой служит *истина бытия*. Неустранимую онтологическую нагруженность философского мышления можно представить как культурно-историческую *эстафету*. Таким образом, философская проблематика имеет корни в таких родах бытия, как *Натура* (Природа, Фюзис), *Логос*, *Теос*, *Антропос*, *Социум*, *Культура*. Соответственно этим началам можно выделить (добавляя окончание «-изм») шесть культурно-исторических типов философствования, каждый из которых включает особые картины мира, образ человека и парадигму постановки и решения проблем.

2. Экзистенциальная напряженность. Данный атрибут характеризует отношение философа к определенной проблеме, его *личностное* отношение. Равнодушная констатация проблемы не пробуждает личность от догматического сна. Подлинная, «достойная вопрошания» проблема захватывает человека, она обладает смысловозначимой, экзистенциальной значимостью для данного философа – ее постановщика, актуализатора, интерпретатора, исследователя. Не случайно Хайдеггер подчеркивал, что «всякий метафизический вопрос может быть задан только так, что спрашивающий – в качестве спрашивающего – тоже вовлекается в него, т. е. тоже попадает под вопрос» [8, с. 16]. Экзистенциальная напряженность выступает в двух модусах: негативном и позитивном. *Негативный модус* («свобода – от») представлен, например, в «Самопознании» Н. А. Бердяева. Он писал: «Я стал философом <...>, чтобы отрешиться от невыразимой тоски обыденной „жизни“. Философская мысль всегда освобождала меня от гнетущей тоски „жизни“, от ее уродства» [9, с. 49]. Позитивный модус («свобода – для») представлен в трудах К. Ясперса и Н. Аббаньяно.

Ранее Д. И. Дубровский предложил схему «**философского квадрата**», разместив в его вершинах четыре основных вида философских проблем: **Г** – гносеологические, **О** – онтологические, **А** – аксиологические и **П** – праксеологические проблемы [10, с. 46]. Учитывая высокую мировоззренческую значимость экзистенциальных проблем (**Э**), предлагаю иную схему:

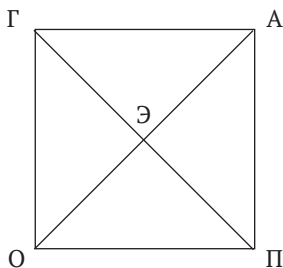

Рис. 1. Модифицированный философский квадрат

Экзистенциальная напряженность повышает уровень философского мышления и укрепляет связь дискурса и экзистенции.

3. Темпоральность и вечность. Данные атрибуты непосредственно следуют из двух предыдущих. Они представляют вариан-

ты таких мировоззренческих универсалий культуры, как «жизнь», «смерть», «время» и конструируемых из этих универсалий философско-категориальных структур, тем, проблем. Таких, например, как «бытие и время», «время и вечность», «жизнь и бессмертие» и т. п. Указанные темы возникают еще в культурах Древнего Востока (эпос о Гильгамеше, книга Екклесиаста и т. д.) Понимание времени М. Хайдеггер основывает на подлинном существовании *Dasein*. Поэтому темпоральность как «подлинное» время конечна, а неподлинное время бесконечно. Темпоральность и вечность как атрибуты философской проблематики образуют бинарную оппозицию, которая допускает трансформацию.

4. Осмысленность. Любая философская проблема – как преходящая, так и вечная – необходимо обладает таким атрибутом, как осмысленность. Однако этот атрибут присущ не только философскому знанию, но и другим феноменам человеческого бытия (искусству, религии, науке и т. д.), возможно, и миру как целому [11]. Где искать смысл проблемы? Согласно принципу фрактальности, смысл частной философской проблемы следует искать в целостности более высокого уровня. Поиск означает движение от частной концепции к целостному мировоззрению. Таким образом, если философская проблема **Р** имеет смысл в концепции **С**, то **Р** есть действительная (реальная) проблема; в противном случае – это *мнимая* или *псевдопроблема*.

5. Разрешимость/неразрешимость. Относительно реальной проблемы **Р**, экзистенциально значимой для субъекта **С**, встает вопрос о ее разрешимости. Анализ показывает, что в истории философии представлены три варианта ответов: а) *негативный*, сторонники которого (Августин, Н. Кузанский и др.) убеждены: «Философские проблемы – это неразрешимые тайны, вечные загадки бытия»; б) *позитивный*: «Все осмысленные проблемы разрешимы»; в) *компромиссный*: «Существуют как разрешимые, так и неразрешимые проблемы». Этот вариант, по-видимому, является более адекватным, чем предыдущие.

6. Амбивалентность. Данный атрибут, как утверждает Т. И. Ойзерман, присущ любому философскому учению, в особенности, наиболее выдающимся из них. Он убедительно доказывает, что амбивалентность концепции выражает богатство ее содержания, многозначность понятий, способность к развитию. Предлагаю раз-

личать три разновидности амбивалентности: а) внутренняя концептуальная, б) внешняя концептуальная и в) стиливая.

7. Рациональное/иррациональное. Общеизвестно, что классический европейский рационализм переживает глубокий кризис. Многие авторы пишут о его «закате», о «похоронах Просвещения» (Я. Добровольский), «конце науки» и т. п. Вот, например, образец подобного умонастроения: «Наконец, последний оплот надежности – научное знание <...>, – рухнул во второй половине XX века прежде всего под ударами постпозитивистской мысли» [3, с. 7]. Нельзя всерьез утверждать, что антисциентистские опусы постпозитивистов (речь идет, по-видимому, о П. Фейерабенде) разрушили научное знание как эталон объективности, рациональности и общезначимости. Современную ситуацию адекватно описывает восточная поговорка: «Собаки лают, караван идет».

Критики, «ниспровергатели» научно-философского рационализма не затрудняют себя обсуждением следующих вопросов: «Почему человеческий разум стал *проблемой* для самого себя?»; «Что заменит отвергаемый Разум? Инстинкт?»; «Как возможен новый тип рациональности?» Тем не менее следует признать: «*Мир не делится на разум без остатка*» (Н. Гартман). Философская проблематика характеризуется двумя неустраняемыми составляющими – рациональной и иррациональной.

Предлагаемый перечень атрибутов, «великолепная семерка», заслуживает обсуждения.

Литература

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. Великие мыслители о великих вопросах: Современная западная философия / под ред. Р. А. Варгезе. М.: ФАИР ПРЕСС, 2000. 399 с.
3. Бакеева Е. В. Понимание как экзистенциальная проблема. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 169 с.
4. Любутин К. Н. К вопросу об истории философии как истории // Диалектика, логика и методология науки. Свердловск: Уральский ун-т, 1978. 140 с.
5. Пивоваров Д. В. Синтетическая парадигма в философии: избр. статьи Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 536 с.
6. Прытков В. П. Человек вопрошающий. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 280 с.

7. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. 2-е изд. Лондон etc.: Панпринт, 1998. 1064 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
9. Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
10. Дубровский Д. И. Относительное и абсолютное. К проблеме концептуального осмысления релятивизма // Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Канон+, 2015. С. 41–60.
11. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: 2004. 1056 с.

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и социологии
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: kotschkar@mail.ru

КЛАССОВЫЙ ПОДХОД В НАУКЕ И ИДЕОЛОГИИ

CLASS APPROACH IN SCIENCE AND IDEOLOGY

Аннотация. Статья обращена к вопросу о классовом подходе, который присутствует не только в текстах марксистской направленности. На примере периодической печати автор рассматривает широкое использование подхода в современных дискуссиях.

Ключевые слова: классовый подход, марксизм, Октябрьская революция, класс, социальная группа.

Abstract. The article deals with the question of class approach being present not only in texts of Marxian focus. The author considers wide application of the approach in present-day discussions using periodical press as an example.

Key words: class approach, Marxism, October Revolution, class, social group.

Неотъемлемым атрибутом марксизма в философии и общественности является классовый подход в анализе социальных явлений, который означает оценку фактов с позиций определенного класса или социального слоя. Достаточно недвусмысленно классовый подход выразил В. И. Ленин словами: «Люди всегда были и будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов» [1, с. 47]. В. И. Ленин прямо говорит о классовой детерминации политического мышления и действия и, надо полагать, мировоззрения в той части, где дело касается социальных, межгрупповых отношений. Классовый подход не является прерогативой лишь марксистской науки и идеологии. Вместе с тем марксизм в этом вопросе обладает следующими особенностями. 1. Анализ социального материала *с позиций рабочего класса*, а также тех социальных групп, которые по своему объективному положе-

нию являются его потенциальными союзниками. 2. Классовый подход декларируется *открыто*, поскольку с точки зрения марксизма рабочий класс является наиболее прогрессивной группой, а поэтому нет необходимости скрывать, что направленность исследований соответствует его (рабочего класса) коренным интересам.

Теоретики и идеологи, выражающие интересы других классов, исчерпавших свой прогрессивный потенциал, классовую позицию камуфлируют, прикрываясь «общечеловеческими» ценностями, идеями абстрактного гуманизма, вне(над)классовым «объективным» анализом, примирением «красных» и «белых», объединением всех под знаменем «единой нации» и т. п. Но нередко авторы наглядно демонстрируют откровенно антипролетарские (шире – антинародные) классовые и сословные идеологические установки. Назову некоторые конкретные примеры из периодической печати.

1. Журналист «Областной газеты» (Екатеринбург) в рецензии на мюзикл по повести А. С. Пушкина «Дубровский», поставленный в детской филармонии, метко уловил в одном, возможно, значительном эпизоде примечательный идеологический «вброс». Вопреки классике русской литературы, причина крестьянского бунта в спектакле интерпретируется репликой Егоровны – крепостной Дубровских: «Жили мы в Кистенёвке, баклуши били, в ус не дули. А при Кирилл Петровиче не забалуешь – скрутит в бараний рог! И на что нам эта жизнь гниющая?» [2, с. 4]. Теперь, когда «вдруг» цари, дворяне и, вообще, «господа» стали положительными историческими персонажами, вину за неудобные события надо переложить на кого-то другого, например, на немотивированных жить в условиях дисциплины и порядка народ.

2. Автор статьи в журнале «Российский адвокат», обращаясь к истории отечественной адвокатуры и идеализируя дореволюционных адвокатов, в то же время критикует их за то, что «вместо того чтобы способствовать распространению законности и обеспечивать правопорядок в Российской империи, адвокаты стали защищать права рабочих, крестьян и политических деятелей и тем самым поставили себя в оппозицию к государственной власти» [3, с. 15]. Получается, что для адвоката права рабочих и крестьян, а также политических деятелей, оппонированных власти, вероятно, защищающих при этом непривилегированные сословия, не имеют ценности и не должны приниматься во внимание, особенно

на фоне законности и правопорядка, установленного в интересах имущих сословий и классов.

3. По мнению одного автора, для осуществления диктатуры пролетариата в Советской России «насаждалась готовая к исполнению любых команд прослойка тупых и малограмотных управленцев из люмпенов, завистливых *низкородных* (выделено мной. – Е. К.) комбедовцев, малых народов (шариковы, швондеры и пр.)» [4, с. 6]. Перед нами образец социального расизма, с присущим ему делением людей по породам, где обязательно найдутся бросовые породы, которым отказано претендовать на достойную жизнь. Какой бы ни была форма расизма, она направлена на оправдание угнетения и притеснения одних групп и классов другими.

Как видим, классовый подход является привычным ориентиром для различных идеологических, политических сил и течений, а всякого рода заявления о приверженности внеклассовому мировоззрению рассчитаны на создание привлекательного образа своему движению. Такая ситуация дает нам право рассматривать события, явно влияющие на сознание всех слоев современного российского общества и находящиеся в зоне пристального внимания, с аналогичных классовых позиций. Возьмем столетний юбилей Октябрьской революции 1917 г. Оценка самой революции и ее последствий для судеб страны и граждан не является в наше время единой. Общество в этом вопросе разделилось на три условных группы: убежденные сторонники революции и в целом советского проекта; столь же убежденные противники; остальная часть, занимающая промежуточную позицию. В первую очередь нас интересуют две противоположные в своих оценках группы: четко выражающие свое отношение, даже при наличии определенных «реверансов» в сторону оппонента. Эти группы являются сторонами идеологического противостояния, вытекающего из противоречия, носящего более глубокий характер – основного противоречия капитализма – противоречия между трудом и капиталом. Труд представлен наиболее массовыми социальными группами людей, занятых по найму на предприятиях и в организациях всех форм собственности. Капитал репрезентируют частные собственники, использующие наемную рабочую силу.

Чтобы не сложилось представление об одномерности анализа, требуются некоторые уточнения. Говоря о массовых группах работников наемного труда, мы, разумеется, выводим за скобки высоко-

оплачиваемых управленцев, хотя и занятых по найму, но участвующих в распределении прибавочного продукта и (или) принимающих участие в эксплуатации человека человеком. Эта сравнительно немногочисленная группа социально близка капиталу и, соответственно, социально чужда основным группам наемных работников. Существуют противоречия внутри группы предпринимателей. Крупный капитал поглощает и банкротит менее успешных соперников, что сказывается на мировосприятии последних. Словом, идеологический «пейзаж» является достаточно многообразным и не отражает зеркальным образом социальный состав общества. Мало того, имеются группы или их отдельные представители, осознающие или не осознающие свой коренной классовый интерес. Не исключено, что индивидуальная оценка может соотноситься с определенными нравственными принципами и не совпадать с социальной принадлежностью ее обладателя.

«Областная газета» в феврале 2017 г. на своих страницах открыла рубрику, посвященную столетнему юбилею российской революции под названием «100 монологов о революции». Участвовать в проекте могли все желающие с условием, что в небольшой заметке («монологе») ответят на вопрос «Что утратила и что обрела Россия в 1917 году?». Материалы раздела публиковались с небольшим исключением в каждом номере газеты. В целом монологов опубликовано значительно больше, чем было заявлено вначале самим названием цикла («100 монологов...»). Примечательно, что публикация материалов не завершилась по прошествии круглой даты 7 ноября 2017 г., что, видимо, означает заинтересованность редакции и читателей.

Проанализируем массив материалов периода с 1 февраля по 11 ноября. Общее количество заметок – 178. Представлены индивидуальные мнения, за исключением одной заметки, составленной в соавторстве двух человек. Авторы, как правило, стремились к объективной оценке, приводя доводы как в оправдание революции, так и, наоборот, пытаясь уравновесить набор «плюсов» и «минусов». Несмотря на это, где-то «между строк» проявлялось итоговое отношение автора к революции. Читателю, учитывающему всевозможные оговорки, обусловленные намерением не одностороннего анализа, которые содержались в тексте, по прочтении становилось понятно, что в целом автор принадлежит к одной из спорящих сторон. Надо учитывать, что принятие революции,

а преимущественно подразумевалась Октябрьская революция (разговор о феврале шел реже), тесно коррелирует с признанием советского жизнеустройства. Точно также восприятие революции как ошибки, как нежелательного, неестественного поворота истории сопряжено с неприятием социалистического строя. В обоснование своей позиции авторы опирались на мировоззренческую и фактологическую базу, сложившуюся в индивидуальном сознании, на собственный жизненный опыт, опыт родственников и знакомых. Если автор называл утраты, но при этом акцентировал внимание хотя бы на одном обретении, которое, по его мнению, перекрывает все утраты, то в этом случае мы относили участника дискуссии к сторонникам революции и советского строя. Если наоборот, автор, не отрицая обретений, подчеркивал значение утрат, то зачислялся нами в противоположный оценочный ряд. Итог таков. Сторонников советского проекта – 78, противников – 76. Помимо того в 18 заметках позиция авторов не просматривается с такой определенностью. Они обнаруживают, например, одинаково трепетное или, наоборот, одинаково критическое отношение и к Советской власти, и к постсоветскому устройству, и даже к царскому времени, знания о котором не могли быть получены в личном опыте. В этих заметках можно встретить равные нотки беспощадного отношения ко всем видам жизнеустройства, апробированных в России. Наконец, четвертая часть заметок не содержит внятной позиции авторов, но демонстрирует либо отстраненный объективизм, либо индифферентное отношение к проблеме. Таких заметок – всего 6.

Авторы указывали краткую информацию о себе: профессию, место работы и жительства, другие данные. Поскольку вопрос о персональных сведениях редакция газеты предоставила на личное усмотрение авторов, то надежный социологический алгоритм для анализа социального состава участников дискуссии найти сложно. В некоторых заметках авторы ограничивались лаконичным «пенсионер», «ветеран труда», «читатель газеты» и т. п. Тем не менее, с учетом некоторой неопределенности данных, мы попытались по возможности выявить социальный состав дискутируемых, выбрав лишь некоторые важные, на наш взгляд, признаки. В целом получилось следующее.

Социальные категории участников	всего	в % от 178	в том числе «за советский проект»	в том числе «против советского проекта»
Руководители (кроме лидерства в общественных организациях)	47	26	21	18
Работники вузов и студенты	23	13	6	12
Академическая наука, научные работники музеев и архивов	15	8	5	6
Учителя системы среднего образования	8	4	6	0
предприниматели	4	2	1	3
Жители городов Св. обл. (кроме Ек. и Н. Тагила)	17	9,5	12	4
Жители села	10	6	8	2
Жители зарубежья	5	3	1	4
Священники	4	2	0	4

Если сопоставлять сторонников и противников советской системы, то вырисовывается достаточно любопытная картина. Руководители (вне зависимости от ранга, сферы и профиля труда) разделились примерно на равные оппонирующие группы. Перевес в 3 человека у сторонников советского проекта можно отнести в разряд статистической погрешности. Руководящие работники – это не только агенты и прямое воплощение «системы», но и те, кто испытал на себе ее сильные и слабые стороны, а поэтому в равной степени могут оказаться как апологетами, так и компетентными критиками. Из 23 представителей вузов более половины негативно отнеслись к советскому проекту (12), и только четвертая часть (6) выразили положительную оценку. Напротив, учителя школ предпочитают советскую систему: симпатизирующих противоположной социальной системе среди них не нашлось. Аналогичная картина наблюдается в оценке интересующего нас вопроса жителями сёл, малых и средних городов. Участников этого заочного «круглого стола» из небольших (или сравнительно небольших) населенных пунктов немного. Но как показателен контраст оценок! Сторонники советского строя превосходят противников в разы. А ведь именно «глубинка» испытывает на себе в полной мере все самые худшие черты любой системы. Но если советский «давящий пресс» оправдан в глазах провинциалов объективной необходимостью укрепле-

ния приоритетных сфер жизни в ущерб другим сферам, то нынешние испытания труднее поддаются рациональному объяснению.

Рассмотрим аргументацию, представленную в двух основных группах заметок: сторонников и противников советской системы. Как в той, так и в другой группе широко используются следующие методы обоснования и выражения своей позиции. 1. Сравнение эпох (досоветское, советское, постсоветское время). 2. Лингвистические методы («Великая революция» или «переворот»). 3. Ссылки на жизненный опыт (чаще собственный, реже близких и знакомых). 4. Исторические знания, снабженные фактами и статистикой, в том числе местного от регионального до поселкового масштаба. Последний пункт является самым уязвимым способом доказывания, поскольку история у нас в немалой степени превратилась в «политику, опрокинутую в прошлое». Здесь классовый подход представлен в чистом виде, поэтому убедительное суждение для одних является пустым звуком для других.

Наряду с общими методами в каждой группе представлена специфическая аргументация. Сторонники Октября чаще опираются на нравственные императивы, ссылаются на ценности труда, дружбы народов, справедливости. Один автор отмечает, что «жизнь была проще и честнее, чем сейчас». Веским аргументом звучит утверждение, что благодаря советскому жизнеустройству люди перестали воспринимать себя людьми низшего сорта. («После революции люди почувствовали себя людьми», «людей уважали, и в результате выросло поколение, которое не искало родину за рубежом»). Стоит согласиться, что упомянутое приобретение более весомо, чем сытость и комфорт при всей значимости последних для каждодневной жизни человека. В этом же ряду находится аргумент уверенности в завтрашнем дне: социальная ценность из некогда само собой разумеющегося спутника советского человека приобретает в условиях прекариатизации, т. е. роста шаткости, ненадежности социального, прежде всего профессионального и экономического положения граждан, характер острой проблемы. В рамках метода сравнения используется иллюстрирование ситуации в сфере деятельности, с которой связан автор заметки. Например, человек, причастный к дизайну и архитектуре, перечисляет поистине грандиозные по замыслу и совершенные в координатах искусства произведения советских скульпторов и не находит у современных творцов ничего, что бы можно было поставить в один ряд с ними. Следует сказать,

что постсоветская система включена авторами в анализ не случайно, она по большому счету есть отрицание предыдущей системы.

Противники советского проекта используют более широкий набор приемов обоснования своей позиции. Большая часть этих приемов у всех на слуху и является привычным медийным сопровождением корпоративной, частнособственнической системы координат. Прежде всего авторы ссылаются на негативные стороны советского опыта: репрессии, дефицит товаров, авторитарные методы управления и т. п. При этом допускается идеализация досоветской социальной системы и экстраполяция тенденций начала XX в. в будущее при условии «если бы не революция». Трудная жизнь рядовых советских граждан довоенного времени сопоставляется не с досоветской эпохой, что было бы логично в схеме «с чем боролись, что получили», а с жизненными стандартами нашего современника. Некоторые авторы, отмечая объективный характер революции, как бы извиняются перед читателями за то, что к власти пришли большевики, будто бы ленинская партия неприемлема ни для кого. Сочувствуя драматическим судьбам интеллигенции, участники дискуссии нередко забывают о подавляющем большинстве народа: крестьянах и рабочих, которые, возможно, не согласились бы с тем, что потеряли больше, чем обрели. У противников советской власти чаще прослеживаются проявления неприязни к объекту спора. В их заметках можно найти такие пассажи: «большевики российское общество презирали», «романтики с большой дороги», «ими двигала дремучая (выделено мной. – Е. К.) уверенность в правоте большевистской правды». В рамках одной заметки исторические персонажи могут делиться на две особые группы: с указанием имени и отчества и с указанием только фамилии, что весьма показательно. Авторы часто прибегают к пропагандистским клише (об уничтожении «десятков миллионов людей») или фактам, подлинность которых не установлена (о немецких деньгах революции).

В заключении отметим, что интересный и полезный проект «100 монологов о революции», инициированный «Областной газетой», в который были вовлечены представители различных социальных групп и слоев, в том числе известные в стране фигуры, такие, как В. Жириновский, П. Крашенинников, И. Хакамада, наглядно продемонстрировал классовый подход в обсуждении вопросов вокруг юбилейной даты. Во-первых, столкнулись две основные позиции: марксистская, выражающая интересы занятого

по найму большинства, и либеральная, ориентированная на частного собственника. Во-вторых, проявилась третья позиция, которая не принимает ни советский проект, ни то, что возникло на его обломках, занимающая промежуточное положение. Но главное, что классовый подход, как бы его не позиционировали, до сих пор остается действующим инструментом познания и идеологии.

Литература

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Полит. лит-ра, 1976. Т. 23. 595 с.
2. Ячменев Е. Что ж тогда счастье, няня? // Областная газета. 2016. № 184. 4 окт.
3. Савостьянова О. Любой каприз за ваши деньги? // Российский адвокат. 2016. № 1.
4. Шутов А. Д. О диктатуре пролетариата // Геополитический журнал. 2015. № 1 (3). С. 141–154.

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры онтологии и теории познания
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия)
E-mail: ieviev@mail.ru

**К ПРОБЛЕМЕ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА
В МИФОЛОГИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ
(ДИАЛЕКТИКА АРХАИКИ И СОВРЕМЕННОСТИ)**

**TO THE PROBLEM OF THE SUBJECT AND OBJECT
IN MYTHOLOGICAL CREATIVITY
(DIALECTICS OF ARCHAICS AND MODERNITY)**

Аннотация. В статье анализируется проблема мифологического творчества в синхроническом и диахроническом аспектах, выявляется специфика субъекта и объекта мифологического смыслообразования, акцентируется внимание на ремифологизацию современной культуры, специфику современного мифотворчества.

Ключевые слова: мифология, философия мифа, мифотворчество, субъект, объект, творчество, диалектика.

Abstract. In the article the problem of mythological creativity in the synchronic and diachronic aspects is analyzed, the specificity of the subject and the object of mythological sense formation is revealed, attention is paid to the remythologization of modern culture, the specificity of modern mythmaking.

Key words: mythology, philosophy of myth, myth creation, subject, object, creativity, dialectics.

Интерес к мифологии обусловлен поисками смысла своего существования, попытками рефлексирующего человечества найти опору и утешение. Со времен античности и до наших дней ведутся исследования в этом проблемном поле, создаются мифологические школы и различные направления исследований. Одна из центральных проблем, связана с выяснением того, что собой представляет процесс «мифотворчества»? Хотя это понятие активно используется в современной литературе, однако параметры дефиниции дан-

ной категории, ее смысловое содержание до сих пор остается за пределами исследований.

Для того чтобы выявить особенности мифотворческой деятельности, необходимо иметь в виду природу творческого процесса в целом, его отличия, например, от действий по шаблонам и схемам. Но надо учитывать, что существенные отличия мифотворчества от научного или художественного видов творчества. В мифологическом мышлении важна синкретичность как совпадение семантического, аксиологического и праксеологического рядов: разрушение или замена в мифе одного из этих рядов чревато гибелью всей мифологической системы, а с ней и стабильности социума как целого. Поэтому так важен прецедент – правильное знание действий мифологического героя, знание «начала» вещи и схема действий именно по этим прописанным мифом правилам.

Среди многочисленных дефиниций творчества в философской литературе выделяется группа *деятельностных* определений, раскрывающая творчество как качество, аспект, функцию человеческой деятельности, активности, познания (Г. С. Батищев, Э. В. Ильенков, А. Ф. Лосев и др.) В контексте *вне-деятельностных* определений существует отражательная концепция, в которой творчество рассматривается как особое свойство или качество отражения (Б. М. Кедров, М. Н. Руткевич, А. М. Коршунов), а также трактовка творчества как специфической функции сознания (В. И. Шинкарук).

Суммируя различные подходы, можно выделить следующие характеристики творчества: качественная трансформация старых парадигм, осуществленная на всех уровнях иерархии бытия, включающая момент самосохранения (а не просто метафизическое отрицание) основных структур бытия, и, наконец, создание вещей, никогда ранее не существовавших.

В заданном контексте представляется возможным проанализировать специфику и мифотворчества: субъекта и объекта творчества, а также этапы и механизмы творчества.

Ведь нельзя не заметить, что творческие способности субъекта, являясь его родовой сущностью, могут различаться по степени развития. Воспользуемся методологией, разработанной И. Я. Лойфманом и М. Н. Руткевичем в «Основах гносеологии», в которой выделяются следующие уровни развития творческих способностей субъекта: *продуктивно-репродуктивный, генеративный и конструк-*

тивно-инновативный [1, с. 45]; их одновременно можно рассматривать и как виды творчества.

Продуктивно-репродуктивный вид творчества является неотъемлемым свойством каждого человека. Он характеризуется воспроизводством из элементов и на основе правил, которые не меняются, неограниченного числа в принципе одних и тех же объективаций, так что любого рода проявление нового может быть только случайным. Нельзя не отметить, что это свойство присуще и архаическому, и современному субъекту мифотворчества.

Генеративная творческая способность как способность импровизировать также присуща каждому человеку, но в различной степени. Она проявляется в создании новых вариантов на основе данных элементов и правил: «то же, да не так». Это творчество в пределах традиции. Данная творческая способность субъекта будет для нас важной при характеристике именно «мифотворчества», при этом мифотворчества на уровне обыденного сознания.

Конструктивно-инновативная творческая способность проявляется в обновлении элементов и правил, в выражении нового содержания. Она присуща немногим личностям. На этом уровне творчества совершаются фундаментальные научные открытия, появляются новые изобретения, создаются классические произведения искусства, выдвигаются новые философские и религиозные доктрины. Однако, подчеркивая выдающуюся роль ученого, художника, писателя, религиозного деятеля в создании новых парадигм, необходимо не забывать те общие и необходимые связи, созданные предшествующим развитием науки, техники, искусства, разделенные на исторические этапы, в рамках которых разворачивается деятельность отдельных творцов, школ и направлений. Мы предполагаем, что мифотворческий субъект в основном обладает генеративными творческими способностями, тогда как субъект научной, художественной, религиозной творческой деятельности – конструктивно-инновативной.

Субъекты мифотворчества различны. К ним можно отнести тех, кто записывал и перерабатывал тексты, благодаря чему можно обращаться к классическим сборникам мифологических текстов. Эти творцы, скорее всего, похожи в своей деятельности на реформаторов, – они перетолковывают мифы в зависимости от социальных условий, назначения и т. п. Например, в Китае при записывании мифов на бамбуковых дощечках их первоначальный смысл иска-

жался согласно конфуцианским традициям. Приведем одно пояснение: «Хуан-ди – Желтый владыка – имел четыре лица, а в результате толкования этого мифа Конфуцием получилось, что Хуан-ди послал в четырех направлениях четырех чиновников управлять прилегающими землями. Или, например, еще один герой – Куй, который согласно «Книге гор и морей» был странным существом с одной ногой. В «Книге исторических преданий» в разделе «Установления Яо» он превратился в чиновника, ведавшего музыкой при государстве Шуне. Сам же Конфуций в беседе со своими учениками пояснял, что «Куй одноногий» вовсе не следует понимать буквально, оно значит: «Людей, подобных Кую, и одного было бы достаточно» [2, с. 14].

В зависимости от тех смыслов, которые необходимо разъяснить, подчеркнуть, перетолковать, художественно обработать, и выявляется специфика конкретного мифотворчества. Именно указанным субъектам и присущи в наибольшей степени генеративные творческие способности.

Конструктивно-инновативные творческие способности присущи, на наш взгляд, другой категории лиц, занимающихся мифотворчеством; назовем их «субъектами классического архаического мифотворчества». «Классическая мифология – это тип культуры, тотально представленный сакрализованными программами и базирующийся на архаических формах ментальности, современная же мифология – это феномен, представляющий собой вкрапление мифа в не мифологическую по своей природе культурную традицию в результате сознательного рефлексивного целеполагания» [3, с. 635]. Хотя данное определение не претендует на раскрытие всех сравнительных характеристик современных и архаических мифов, зато позволяет выявить особенности субъекта «классической архаической мифологии» и субъекта «современного мифотворчества».

Чаще всего *субъекты архаической мифологии* анонимны; и их авторство не является чем-то принципиально важным (в отличие от деятельности великих ученых, поэтов, композиторов, пророков). Смысл мифотворчества в архаических общественных структурах сводился к солидаризации социума через «великие анонимные формы», а отнюдь не к самовыражению индивида. Однако кое-что все же можно выявить об этих «анонимах». Во-первых, субъект архаического мифотворчества имеет определенный социальный статус: обычно он «ведает» определенными эзотерическими зна-

ниями. Это может быть шаман, жрец, «знающий», «знаток», «дока», ведун, колдун и пр. В отечественной литературе, например, в исследованиях Н. А. Криничной, существуют различные мифологические и не мифологические номинации ведунов [4, с. 12]. Список этих номинаций можно дополнять за счет синонимов – в зависимости от местной традиции, диалекта, от времени бытования. Тем не менее, круг их обязанностей известен. Здесь мы воспользуемся формулировкой А. Н. Афанасьева: «Итак, обзор названий, которые присваивались ведунам и ведьмам, наводит нас на понятия: высшей, сверхъестественной мудрости, предведения, поэтического творчества, знания священных заклиятий, жертвенных и очистительных обрядов, умения свершать гадания, давать предвещения и врачевать недуги» [5, с. 426]. Эти качества и способности могут быть природными («самородки») или благоприобретенными, полученными от учителя или из книг. Люди выбирали свой путь сознательно, профессионально овладевая своими навыками. Как каждая профессия, профессия «ведуна» требует знаний в своей области, условие, которое подчеркивается обозначением этого класса людей: они «знающие» – и своим знанием выделяются из общей массы.

Итак, эти люди ведают *эзотерическими знаниями*, однако, для того, чтобы необходимые знания были переданы социуму, необходимо посредничество «субъекта архаического мифотворчества» между мирами – духовными сущностями и миром людей. Нужно не только знать, но и уметь правильно транслировать волю высших духовных сфер. Поэтому налицо следующая схема формирования «знающего». Во многом она напоминает формирование героя мифологических сказаний. С точки зрения известного фольклориста Арнольда ван Геннепа, в формировании культурного героя выделяются три таких стадии: «сепаративная, состоящая в откреплении личности от группы, в которую она входила раньше; лиминальная или стадия «нахождения на грани» и восстановительная (реинтегративная)» [6, с. 9].

Смена социального или иного статуса, составляющая основную цель инициационных испытаний, предполагает выход из прежнего состояния, разрушение прежней социальной роли. В мифе это символизируется буквальным уходом, бегством, странствиями и скитаниями героя. Перед этим он слышит призыв сил, покровительствующих его будущему становлению.

Лиминальная стадия представлена пересечением границ (по-рогов), пребыванием в необычном, промежуточном состоянии. Отсутствие статуса маркируется слепотой, невидимостью, грязью, молчанием, запретами. Поведение героя – обычно пассивное или униженное; он должен беспрекословно подчиняться своим наставникам или принимать без жалоб несправедливое наказание. Герой как бы находится в царстве смерти (особенно это показательно в случае формирования шамана), это «живой мертвец», которому предстоит новое рождение и преображение.

Третья стадия возрождения (трансфигурация, спасение, волшебное бегство) завершается апофеозом могущества героя. Он приобретает необыкновенную силу, магические умения и возможности передавать полученные знания социуму.

Возможны ли такие трансформации с «субъектами современного мифотворчества»? По этому поводу в литературе, посвященной проблеме существования мифологических архетипов в современном сознании человека, нет единой точки зрения. А по сути надо признать, «субъект современного мифотворчества» сам по себе не является предметом интереса исследователей. Его качественные характеристики можно выявить через сравнение с «субъектом архаического мифотворчества». Современный миф возникает не в условиях узкого практического опыта, как миф традиционный, но в условиях достаточно широкой, хотя и раздробленной, практической базы, когда стремление к синтезу мировоззрения налицо, а средств для выполнения такого синтеза нет. Иллюзорным путем такого поиска оказываются для обыденного, или пронизанного обыденным сознанием, мышления, например, апелляция к первобытной синкретичности мифа как к подлинному единству нерасчлененного на отдельные отсеки сознания или конструирование подобных «синкретизмов» на материале современного сознания.

Первая отличительная черта субъекта современного мифотворчества заключается в том, что таковым может быть каждый отдельный человек, который, творя самого себя, свою жизнь, творит и живет в мифах повседневности. Именно через мифотворчество обыденное сознание индивида ищет статику, покой, либо находится в поиске такого движения, которое не накапливает изменений и потому не приводит к возникновению нового, еще неизвестного качества посредством революционных скачков, но повторяет заранее заданные и обозримые элементы движения (как правило,

циклического). Символизм мифа, наличие в каждом культурном явлении как минимум двух слоев, один из которых явствует, а другой включает не данное на поверхности содержание, предполагает заведомую презумпцию осмысленности любого культурного явления и, следовательно, презумпцию возможности прочитать его как текст, книгу, написанную на требующем расшифровки, но в принципе уместимом языке. Каждый элемент мифической вселенной имеет свой определенный смысл в системе взаимосвязанных элементов: при этом количество символов в мифе может быть сколь угодно большим, но оно не может быть бесконечным, ибо тогда потеряется сама возможность осмысленности. Иными словами, символичность и статичность мифа обеспечивают ясность и покой, которых так не хватает современному человеку. Поэтому субъект современного мифотворчества характеризуется иными качественными характеристиками, чем архаический творец. Он пользуется готовыми схемами уже существующей мифологии, внося в них новые смыслы, значения, важные лично для него и для социума в новых комбинациях. Эти схемы выступают в виде архаизации, ремедиализации и ориентализации. Они могут существовать в бессознательном (психоаналитические трактовки мифотворчества), они заложены в текстах (ритуалистические трактовки мифа), в артефактах культуры и сознательно перестроены для массового сознания не только индивидуальным сознанием, но и профессиональными мифотворцами. Поэтому можно зафиксировать вторую характеристику субъекта современного мифотворчества – деятельность по заказу общества. Так рождаются политические мифы, мифы средств массовой информации, религиозная мифология. Необходимо отметить, что «в современной религиозной мифологии значительный интерес уделяется авторам-творцам фантазийных миров, которые опираются на архаические мифемы» [7, с. 200].

Таким образом, субъект творчества в научной, художественной, религиозной и мифической сферах обладает как общими, так и специфическими характеристиками. В любом случае требуется особая профессиональная и моральная подготовленность, становление личности, ответственность за то новое открытие, которое вносится в культуру, преемственность в традициях и школах. Другое дело, какими способностями обладает субъект – генеративными или конструктивно-инновативными, какие цели преследует

в своем творчестве, в специфике объекта приложения творческих способностей, воображения, полета научной мысли, фантазии.

Объекты творческой деятельности также специфичны. Наполненность объекта эмоционально-переживательными оценками, выраженными в символической форме присуща как художественному творчеству, так и мифотворчеству, однако в архаических сообществах объектом выступают и материальные (мир людей, средний мир в пространственной развертке), и идеальные сущности (населяющие верхний и нижние миры). Поэтому необходима специальная подготовка субъекта, определенные ритуалы по расшифровке тех закодированных смыслов, которые содержатся в знаниях, получаемых «ведающими» и «их трансляция в социум» [8, с. 98].

Объектом современного мифотворчества, особенно, в современной медийной культуре, является массовая аудитория, массовый потребитель [10, с. 273]. Есть спрос – есть ответное предложение.

Еще большей спецификой обладают сами *пути постижения субъектом объекта*. Творческую деятельность обычно противопоставляют рациональной. Отличительной чертой творчества считается, что оно до конца не алгоритмизировано: в нем всегда содержится выход за границы рационального развития мысли, элемент «инсайта». Кроме того, характерной особенностью творчества считается совокупность фантазии, предвидения и интуиции. Тем не менее, можно выделить основные «механизмы» мифотворчества.

Специфика мифотворчества в этом аспекте рассматривается В. М. Найдышем. Он считает мифотворческими такие типологические результаты деятельности сознания, при которых возникает конкретно-чувственная образность. Это позволяет говорить о преемственности архаического и современного мифического сознания. «Мифотворчество – это особая специфическая деятельность духа, способная к историческому разворачиванию, к многообразным инкарнациям в культуре, имеющая множество ипостасей. Мифотворчество постоянно воспроизводится в некоторых фундаментальных отношениях способа человеческой жизнедеятельности и является культурной универсалией» [10, с. 27]. С этим, конечно, нельзя не согласиться, однако, когда далее данный автор пытается выявить особенности мифотворчества, здесь возникают спорные моменты. Выделяются три особенности мифотворчества. *Первая*: «миф – это всегда до- и внетеоретическое обобщение мира» [10, с. 30] в смысле того, что мифологическое сознание всегда вписано в стро-

гую систему мифологических координат, «миф был всего лишь способом обобщения всего того опыта, который постоянно накапливался в практике [10, с. 30]. В архаических сообществах так и было, как подчеркивается во многих этнографических исследованиях. Является ли «до- и внетеоретическое обобщение» достоянием современного процесса мифотворчества? Границы применения данного термина размыты и уходят своими корнями в «житейский опыт», «обыденность», поэтому эта особенность мифотворчества очень мало что может дать для анализа креативных процессов современности.

Вторая особенность мифотворчества, выделяемая В. М. Найдшем: «Порождаемый мифологической деятельностью сознания мифологический образ как форма обобщения имеет свои особенности. В таком образе две важнейшие функции сознания – знание и переживание – не дифференцировались, они сплавлены между собой, амальгамированы. А из этого следует принципиальная неинтерпретируемость продуктов мифотворчества» [10, с. 30]. Вследствие этого мифологические образы переживаются сознанием, но не объясняются и не интерпретируются им, и тогда желаемое выдается за действительное. С данным суждением можно согласиться тоже отчасти. В мифотворчестве действительно в больших масштабах присутствуют эмоции, работает фантазия, воображение, но, как уже нами было выше показано, эти психологические доминанты сопровождают любой творческий процесс.

Третьей особенностью мифотворчества является «явно выраженная заинтересованность в продуктах мифотворчества субъекта; на них направлены его волевые интенции, они являются объектом волевого самоопределения субъекта» [10, с. 31]. Однако и эта характеристика не дает возможности четко выявить специфику исследуемого явления, так как «и ученый, и художник также заинтересованы в появлении своего творческого продукта, используя при этом волевое самоопределение (картина, как известно, может создаваться в течение многих лет, опыты в лабораториях требуют множественных повторов и попыток)» [8, с. 106].

Чтобы подчеркнуть отличие мифотворчества от других форм творчества, думается, необходимо ввести термин «мифологическое смыслообразование». Это позволяет представить мифо-креативный процесс как процесс появления новых смыслов. Акт рождения нового здесь может быть понят как отдельная пространствен-

но-временная локализация (в пространстве и времени сознания) смыслообразующего потока. При таком понимании и архаическое сознание, и современное мифотворчество тем и отличаются, что создают новые смыслы человеческого существования как отдельного индивида, так и социума. Мифотворчество может быть результатом бессознательной имитации и осознанной реконструкции, следствием навязывания мифопорождающих представлений о действительности или косвенного внедрения в сознание готовых мифов, построенных идеологами и предназначенных для массового употребления. Миф как способ переживания и объяснения жизни и миф как художественная конструкция, миф как продукт коллективного творчества и миф как продукт индивидуальной творческой фантазии, мифы архаические и современные – это, конечно, существенно различные явления. отождествлять их нельзя. Однако сопоставить их, уже предполагая в этих различных способах мифотворчества некие общие черты, вполне возможно. Выделим эти черты.

1. *Простота*, наличие особой логической схемы, выраженной через символы, наполняемые в различных культурных реалиях своими значимыми смыслами. 2. *Феноменализм* объяснительных схем: видимость и сущность в мифе практически не различаются, причинно-следственные связи крайне упрощаются, часть замещает целое, поверхностные взаимосвязи могут быть приняты за глубинные. 3. *Антропоморфизм*. 4. *Дуализм* как движение мысли через бинарные оппозиции. 5. *А-историзм*: наделение мира смыслами как единственно возможного, вечного течения событий и восприятие мифа как единственно верного изображения этих событий. 6. *Панацеизм*: смыслы мифа позволяют найти твердые основы бытия и рецепты практического действия в мире.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Если особенностью научного творчества является поиск и нахождение истины, художественного творчества – новые ценности, а в религиозном – новые идеалы, то мифологическое творчество направлено на установление новых смыслов. Субъект архаического мифотворчества действует, скорее всего, в рамках вышеуказанной «модели кентавра», однако один раз сотворив и внедрив в социум определенные смыслы, далее социум ради сохранения стабильности поддерживает смыслы в неизменном виде и нужен новый творец (или герой мифа – трикстер), чтобы вновь проявить мифотвор-

ческий инстинкт субъекта. Субъект современного мифотворчества чаще всего пользуется моделью «ореха», ориентируясь на уже заданные архаикой логические схемы мышления, просто перестраивая их в соответствии с измененными смыслами. Мифотворчество не проходит через этапы интуиции, догадок и экспериментов. Миф не ищет истины, не размышляет, он констатирует, структурирует, упорядочивает, вносит ясность и тем самым предоставляет покой, счастливый конец всем неразрешенным конфликтам.

Мифологическое творчество – это динамический процесс почувствования и осознания субъектом мифотворчества (мифологическим героем) противоречивости социальной ситуации, необходимости ее разрешения путем отыскания новых значимых параметров, задающих модель мира через диады и триады, схемы и их прочтение. Массы, получившие новую модель действия, могут согласиться с ней или отрицать ее. Однако, в отличие от деятельности религиозных пророков, деятельность мифологического героя чаще всего одобрялась большинством населения.

Литература

1. Лойфман И. Я., Руткевич М. Н. Основы гносеологии. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1996. 176 с.
2. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1987. 527 с.
3. Можейко М. А. Мифология // Новейший философский словарь. Мн.: Книжный дом, 2001. С. 635–636.
4. Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза. Петрозаводск: Индрик, 2000. 410 с.
5. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Наука, 1994.
6. Кемпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: АСТ, 1997. 384 с.
7. Ivanova E. V. Modern Infernal Culture Hero as an Element of Religious Mythology // Журнал Сибирского федерального ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 6. № 2. С. 194–201.
8. Иванова Е. В. Религиозная мифология / науч. ред. Д. В. Пивоваров. Екатеринбург: М-во образования РФ; Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького, 2011. 187 с.
9. Ivanova E. V., Kudriavtseva V. I. Asian Social Science. 2015. Т. 11. № 6. P. 272–278.
10. Найдыш В. М. Философия мифологии. М.: Гардарики, 2002. 554 с.

Старший преподаватель кафедры философии и социологии
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)» (Челябинск, Россия)
E-mail: cooll-zei2012@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ «СТАТУАРНОСТИ» СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

TO THE PROBLEM OF “STATUTORY” OF THE SOVIET MAN

Аннотация. Советский человек был призван воплотить в своём существовании философскую идею К. Маркса об универсальном человеке, развивающем свои сущностные силы в рамках социума, рационально контролирующего материальные условия человеческой жизнедеятельности. Однако в реальности установление всеобщего государственного регулирования и надзора в советском обществе привело к тому, что в развитии личностных качеств человека идеально-всеобщее, вечное и образцовое стало превалировать над индивидуально-неповторимым, интимным, сиюминутным и своевольным.

Ключевые слова: «статуарность», практика, сущность человека, рациональность, догматизм, сакральность, идеал, мифологема.

Abstract. The Soviet man was meant to embody in his existence the philosophical idea of K. Marx about a universal man developing his essential forces within the society which efficiently controls living circumstances. However, in reality, the establishment of universal state regulation and supervision in Soviet society led to the fact that in the development of personal qualities of a person, the ideal-universal, eternal and exemplary began to prevail over the individually unique, intimate, momentary and self-willed.

Key words: “statutory”, praxis, the essence of man, rationality, dogmatism, sacredness, ideal, mythologeme.

Понятие «статуарность» встречается в истории философии, например, в исследованиях А. Ф. Лосева, посвященных античной философии, в частности, теории государства Платона [1, с. 66, 939]. В данной статье термин «статуарность» используется в качестве метафоры, позволяющей осмыслить непосредственно не очевидные, но, по сути, фундаментальные особенности советского человека как феномена советской культуры. «Статуарность» как метафора раскрывается в рамках таких категориальных оппозиций, как

преобладание формы над содержанием, идеи над ее материальным воплощением, вечного над преходящим, устойчивого над изменчивым, общего над индивидуально неповторимым, идеально нормативного над пошлым и приземленным и др.

Если понимать под культурой всю совокупность созидательной деятельности людей по преобразованию действительности, то необходимо учитывать, что она представляет собой некую целостность, которая формируется системой ценностей и идеалов, почитаемых людьми в качестве непререкаемых и требующих безусловного воплощения. Человек не только познает мир, но и творит его. А чтобы изменять мир, ему необходимы предельно обобщенные знания о природе мира и человека и способах взаимодействия человека с миром и другими людьми, чтобы обрести свободу как пространство для развития и воплощения человеческого достоинства.

Что было основой системной целостности советской культуры, которая приняла «статуарный» вид? Это идея преобразования всего Космоса в рационально организованный, закономерный процесс, в ходе которого человек достигает неограниченных возможностей в своем развитии и преобразовании окружающей природы. В основе советской культуры лежала идея вселенского преобразования. С этим связана и вера в знание как основу преобразования нашей планеты в «цветущий сад». Здесь надо отметить несколько моментов: 1) советская культура развивалась в русле идей эпохи Просвещения о возможности разумного переустройства общества, повсеместного внедрения науки во все сферы общественной жизнедеятельности; 2) ключевым моментом этой традиции была идея о философии как виде научного знания, о возможности существования научно обоснованного философского знания; 3) марксизм в советской культуре рассматривался как подлинно научное философское (мировоззренческое) знание, на основе которого предполагалось создание программы по решению всех фундаментальных человеческих проблем.

Однако в марксистской теории имела место амбивалентность метафизического и основанного на эмпирических фактах научного знания, а также нормативного и дескриптивного начал. Понять суть дела здесь нельзя, если не обратиться к истокам марксистских идей, трактовке практики, изложенной в «Тезисах о Фейербахе» (1844) и сущности человека, изложенной в «Экономическо-философских рукописях 1844 года».

Практика трактуется Марксом как процесс созидания людьми своих универсальных способностей в процессе совместной предметно-преобразовательной деятельности. Соответственно, сущность человека рассматривается К. Марксом как совокупность (ансамбль) всех общественных отношений [2, с. 262]. Такое понимание практики позволило определить пути обретения свободой человеком: только в совместной предметной деятельности с другими людьми, человек может реализовать себя согласно своей собственной сущности как универсальное существо; только став универсальным, человек может обрести индивидуальную свободу. Мешает человеку стать свободным стихийно складывающееся в обществе разделение труда, которое, будучи продуктом самодеятельности индивидов, «превращается в господствующую над ними силу» [3, с. 69] и делает каждого человека односторонним и частичным. В рамках стихийного разделения труда возникает противоречие между частным и общим интересом индивидов [3, с. 24]. В ранних работах К. Маркса преобладает нормативная критика общества, с точки зрения того, насколько адекватным является воплощение универсальной сущности человека в современном ему обществе.

В «Немецкой идеологии» (1846) К. Маркс и Ф. Энгельс открывают закон соответствия характера производственных отношений (отношений, возникающих на базе собственности на средства производства) уровню развития производительных сил как фундаментальный закон функционирования и развития общества. Так возникла новая философская теория марксизма, получившая название теории исторического материализма. Опираясь на эти открытия, К. Маркс создал теорию капиталистической общественно-экономической формации как последней стадии антагонистического разделения труда в истории, обосновывал необходимость смены капитализма коммунистической формацией.

До сих пор остаются предметом дискуссий ряд вопросов: удалось ли К. Марксу последовательно применить метод диалектики при анализе капитала; подтвердились ли его идеи об абсолютном обнищании рабочего класса и его одичании, о тенденции нормы прибыли к понижению и др. Однако вывод К. Маркса о том, что капитализм как общественно-экономическая формация во второй половине XIX в. исчерпал потенциал своего развития, не соответствовал действительности. Тем не менее, К. Маркс делал такой вывод. Но почему? Это может стать понятным, если учесть, что теория

практики и сущности человека продолжала оставаться философской методологической основой обоснования исторической обреченности капиталистической формации.

Согласно Марксу, капитализм, создавая всемирный рынок обмена товарами и деятельностью, создает материальные предпосылки для обретения человеком всей полноты своих сущностных качеств. Маркс обосновывает эту идею рядом аргументов. 1) При капитализме основой всего общественного богатства становится труд как таковой, чистая субстанция деятельности, утратившая ту сращенность, которая существовала между определенными индивидами и определенными видами труда в прежние исторические эпохи [4, с. 41]. 2) Труд выступает теперь уже не как труд, «а как полное развитие самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме, ибо на место обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически» [4, с. 281]. 3) «Капитал гонит труд за пределы обусловленных природой потребностей рабочего и тем самым создаёт материальные элементы для развития богатой индивидуальности» [4, с. 281].

В теории стоимости К. Маркс доказывает, что в процессе производственной деятельности стоимость товара создается исключительно трудом рабочего. Капиталист же никакой стоимости не создает, он только посредством присвоения средств производства эксплуатирует живой труд. Совершенно очевидно, что все эти выводы возможны только в том случае, когда существующему в конкретно-исторических условиях труду приписывается соответствие неким универсальным философским характеристикам: быть субстанцией развития человеческих сущностных сил вообще. В споре между Марксом как опирающимся на факты ученым и Марксом – теоретиком спекулятивной философии, побеждает второй, когда речь идет о судьбах капитализма и провозглашении эры коммунизма в истории. В сущности, такая логика строилась на идеях превосходства общего над единичным и частным, идеала над реальностью, идеального над материальным, телеологического детерминизма над детерминизмом объективной причинности, хотя в самой теории провозглашалось противоположное.

К. Маркс стремился решить проблемы каждого отдельного человека посредством установления рационального контроля всего общества над предметными условиями человеческой жизнедеятельности.

тельности *вообще*; однако, как это могло быть осуществлено в реальности, развёрнуто не обосновал. Фундаментальная, но непосредственно скрытая спекулятивная идея всей теории марксизма предполагала возможным и осуществимым практическое преодоление отчуждения человека от порабощающих его материальных условий деятельности. Предметность, материальность вещей в процессе обмена деятельностью должны были стать, согласно его теории, только формой всеобщего созидания универсальных человеческих сущностных сил. Эра подлинной истории, по К. Марксу, начинается как эра преодоления зависимости субъекта от материального объекта, достижения такого состояния, когда объект деятельности превращается только в форму развития субъективности (деятельных способностей людей), т. е. субъект становится всецело объектом своей собственной жизнедеятельности, свободным, самим себя определяющим, господствующим над природными и общественными обстоятельствами – человеком [5, с. 116–118].

Таким образом, в марксистской теории была создана завораживающая своим очарованием *мифологема* освобождения человека от труда как проклятия, освобождение от труда за добычу хлеба насущного, от труда, духовно и физически уродующего человека, от труда, создающего условия порабощения и эксплуатации в обществе. Бог наделил человека проклятием трудиться в поте лица своего, а теперь К. Маркс низвергал Бога с его пьедестала.

Основу рациональной организации общества К. Маркс видит в непосредственном превращении единичного труда во всеобщий труд; это ситуация, когда акт труда каждого отдельного человека способствует развитию других людей, идет на пользу всем «Коммунизм <...> совершает переворот в основе всех прежних отношений производства и общения <...> сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих поколений, лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов» [3, с. 63]. «Только на этой ступени самодеятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности» [3, с. 70]. При коммунизме человеческий индивид каждый акт своего практического действия должен выстраивать так, чтобы его единичное действие воспроизводило гармонию целостной общественной связи, в рамках которой люди творят друг друга как универсальные существа. Развитие общества

представляло бы собой в этом случае спираль, возвышающуюся в движении бесконечного прогресса, уходящую в необозримые дали космического пространства.

Здесь возникает большая проблема: насколько в такой ситуации человек может предвидеть, что его конкретное трудовое действие будет способствовать развитию целостности всей системы трудовых отношений, созидательному развитию каждого другого человека в системе этих отношений? Очевидно, что это возможно только посредством общественной организации труда, разумность осуществления которой определялась бы из какого-то единого центра. Совершенно необходимо, чтобы в обществе имелась организация, могущая выступить от имени объединяющей всех разумности и обладающая полномочиями на непогрешимость принимаемых решений. Но как можно быть всегда непогрешимым? Только присвоив себе мандат единственно верного истолкователя марксизма как универсального знания-спасения, то есть превратив это учение в *сакральную догму*. Партия большевиков позиционировала себя не просто как политическая организация, выражающая интересы рабочего класса, но как партия, призванная к власти самой исторической закономерностью, самим ходом истории, и? в этом смысле, как партия, трансцендирующая всякую политику и государственность (недаром высшей целью своей политики эта партия провозглашала уничтожение государственности вообще). Так возникает новое «святое семейство» – группа людей, наделенных властью самим «Духом истории».

Здесь видим мы, во-первых, что *разум отделяется от каждого отдельного человека* и противостоит ему как некая внешняя сила (в виде политической системы, государственной власти, партийной печати и т. п.), во-вторых, что эта политическая организация должна выступать как бескомпромиссный монолит, скрепленный единым духом беззаветного подвижничества, верности идее, сакраментальной жертвенности. Таким образом, в советском обществе *условием всей государственной жизни* стало разделение людей на «освященных духом» и тех, кого нужно приобщать к осознанию путей и средств их собственного спасения. Было бы уместно провести здесь аналогию со Средневековьем, где из церковно-центристской установки об *иерархическом противопоставлении священного и профанного*, клира и мира логически развивалось истолкование мирянина как недочеловека,

который по ущербности своей природы заслуживает тотального надзора [6, с. 167].

Советское государство стало «приводным ремнём» в руках партии по подтягиванию масс до уровня сознательного участника строительства новой жизни, прописанного теорией, а если массы оказывали сопротивление, то, по мнению партии, они оказывали сопротивление самому ходу истории.

Если разумность политики определяется успешностью осуществления коммунистического строительства, то у партии, сосредоточившей в своих руках необъятную бесконтрольную власть, не могло не возникнуть желания подстегнуть ход истории. В такой ситуации исчезает различие между субъективным и объективным, желаемым и действительным, волевым произволом и требованием естественного закона. То, что хочет партия, хочет и история. Мы видим здесь подобие мифологического сознания в первобытном обществе, когда человек не видел пределов своей способности влиять на окружающую действительность.

Как советская культура определяла особенности повседневного существования советского человека, систему его фундаментальных мировоззренческих установок, базовых ценностей его деятельности и самосознания, цели деятельности и патриотический настрой? В своём бытии человек ощущал себя участником грандиозного действия по преобразованию всего мироустройства в некое гармоническое, сопричастное человеку целое, создающее человеку безграничные возможности для развития. Отсюда эпичность переживания происходящих в мире событий, осознание своей миссионерской значимости в деле установления царства справедливости и равенства на Земле, оптимистическое уmonoстроение. Эта эпичность восприятия мира выражалась всей системой советской идеологии, науки и искусства. Приведём некоторые примеры из советской поэзии. «Встанет море звеня. Океаны за ним. Зашатает меня вместе с шаром земным» (Роберт Рождественский «Встанет море звеня»). «Да, мы – камни в фундаментах ваших плотин. Ход истории точен и необратим. Но опять мы встаём из дымящихся лет, мы – живые как совесть. Простые как хлеб... Мы смеялись над богом! Сами были богами. И планета гудела у нас под ногами» (Роберт Рождественский, поэма «Письмо в тридцатый век»), «Его зарыли в шар земной, а был он лишь солдат, всего, друзья, солдат простой, без званий и наград. Ему как мавзолей земля, – на миллион веков,

и Млечные Пути пылят вокруг него с боков» (Сергей Орлов «Его зарыли в шар земной»).

Восприятие времени и бытие во времени советского человека было двояким. Советский человек пребывал разом как бы в двух временах: сакральном (идеальном) и «профанном» (обыденном). Сакральное время было определено и обретено событиями Великой Октябрьской революции, ознаменовавшей переход из царства необходимости в царство свободы. Предшествующее Октябрьской революции время рассматривалось как ненастоящее, ущербное: например, вся домарксистская философия рассматривалась только как подготовительный этап возникновения подлинно научной марксистской философии. Идеальное, подлинное время воспроизводилось различными ритуальными обрядовыми действиями: парадами, демонстрациями, партсобраниями, митингами и т. п. «Профанное» время трактовалось как время, в котором идеал всеобщей гармонии ещё не присутствует в настоящем. Сюда можно отнести: классовое сопротивление врагов социалистического строительства, частнособственнические и индивидуалистические настроения, неорганизованность, бесхозяйственность, лень и нерадивость работников.

Советский человек синхронно пребывал во времени вечном (победа общественной собственности была уже осуществлена и не могла быть отменена) и в сиюминутном, преходящем настоящем (преодоление сохраняющихся ещё при социализме рудиментов прошлого). Но поскольку весь строй советского общества основывался на дуальном противопоставлении идеала и действительности, это вождевленное будущее, в принципе, *никогда не могло быть достигнутым*. Советский человек, *никогда* не мог жить просто настоящим (в настоящем времени), подлинность его существования определялась тем, насколько действенно он своими усилиями приближал наступление идеального будущего.

Это превосходство идеального порождало в советской культуре феномен вечно несовершенного реально-земного человека. Уже от рождения советский человек наделялся такими «грехами» несовершенства, как своеволие (неполное подчинение воле коллективного разума, олицетворенного в делах партии и государства), недомыслия (пренебрежение к идеологическим догмам или недостаточное их усвоение), нерадивости (нежелание без остатка включаться в систему «общего созидательного труда»), эгоизма (пренебреже-

ние нормами коллективизма), мещанства (предпочтение «обывательского уюта» романтике вселенского созидания) и др. Партия и государство, выступающие от имени непререкаемой истины марксизма-ленинизма, присвоили себе право безграничного манипулирования людьми, пренебрежения их частными интересами, право требовать от них полной самоотверженности и самоотречения в деле строительства светлого будущего.

Человек советского общества не имел права критиковать советскую идеологию, быть хозяйственно самостоятельным, противопоставлять свои индивидуалистические интересы общественным. Поэтому его универсальность, достижение им уровня всеобщности в советском обществе осуществлялась в особой, отчужденной от него, пред-заданной ему, окаменелой форме, в которой он должен был существовать и которой должен был подчиниться.

Итак, можно сделать следующие выводы. «Статуарность» человека в советском обществе, как явление культуры, возникает из стремления претворить в жизнь идею К. Маркса о развитии труда до уровня универсальной деятельности, когда люди ставят под свой рациональный контроль материальные условия, опосредующие эту жизнедеятельность. Согласно теории, выполнение этой задачи требовало полного *искоренения стихийных экономических факторов* общественной жизни: товарного обмена, наемного труда, частного предпринимательства и т. д., и преобразование всех общественных отношений в системную целостность, когда труд каждого отдельного человека шел бы на пользу всем. Возникла ситуация, когда экономика и все сферы жизни общества стали подчиняться идеалу универсального и всеобщего, как чему-то превосходящему в своей действительности будничную живую жизнь, в силу чего идеальное стало господствовать над реальным, уподобилось роду сверхреального. От имени этого идеального и выступали партия и государство, которые посредством сакрализации и догматизации марксистского учения присвоили себе властные полномочия на определение того, насколько повседневное бытие соответствует осуществлению коммунистического идеала. Таким образом, в рамках советской культуры человек подчинил свою частную жизнь вечному трансцендентному предназначению: обретению универсальной сущности в практике вселенского преобразования природы в единое с человеком гармоническое целое.

Литература

1. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.
2. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 264–268.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (первая глава «Немецкой идеологии») // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения: в 3-х т. Т. 1. М.: Политиздат, 1980. С. 2–43.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М.: Политиздат, 1968. 585 с.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 44–179.
6. Философия эпохи ранних буржуазных революций: коллективная монография. М.: Наука, 1983. 583 с.

Научное издание

МАРКСИЗМ В ФИЛОСОФИИ: СУДЬБЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Материалы научно-практической конференции,
посвященной 100-летию юбилею М. Н. Руткевича
и 90-летию юбилею И. Я. Лойфмана
(Екатеринбург, 24–25 ноября 2017 г.)

Сборник научных статей и тезисов

Выпускающий редактор *А. А. Карташева*
Корректор *Ю. В. Сахновская*
Компьютерная верстка *А. Ю. Тюменцева*
Дизайн обложки *А. Г. Рыбакова*

Подписано в печать 20.10.2018. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура PT Serif. Уч.-изд. л. 15,58. Усл. печ. л. 16,88. Заказ № 63. Тираж 50 экз.

ООО Издательство «Деловая книга»
620034, Екатеринбург, ул. Толедова, д. 43, корп. 12Д, оф. 165

Отпечатано в типографии «ЮНИКА»
620014, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29. www.printbook.su

Руткевич Михаил Николаевич (1917–2009)

Философ и социолог, член-корреспондент РАН, создатель философского факультета Уральского государственного университета (1966), участник Великой Отечественной войны (был на фронте с 22 июня 1941 по 9 мая 1944), награжден 15 орденами и медалями. В 1939 окончил физико-математический факультет Киевского университета по кафедре теоретической физики. С 1947 стал преподавать философию. В 1950 защитил кандидатскую диссертацию. В 1953 стал заведующим кафедрой философии в Уральском государственном университете, в 1961 защитил докторскую диссертацию. С открытием философского факультета в 1966 стал его деканом (1966–1972). В 1972 М. Н. Руткевич возглавил Институт социологических исследований АН СССР в Москве (1972–1976), в последние годы работал в Академии общественных наук и Академии народного хозяйства. М. Н. Руткевич подготовил более 100 кандидатов и 17 докторов наук.

Лойфман Исаак Яковлевич (1927–2004)

Философ, заслуженный деятель науки Российской Федерации. И. Я. Лойфман активно участвовал в создании и развитии философского факультета Уральского государственного университета. В 1951 окончил физико-математический факультет Уральского государственного университета, преподавал физику в школе и Уральском политехническом институте. В 1962 защитил кандидатскую диссертацию и стал преподавать философию в Уральском государственном университете, в 1965 избран доцентом, в 1975 защитил докторскую диссертацию и в 1979 избран профессором кафедры диалектического материализма. В 1982 он избирается профессором кафедры философии и культурологии Института по переподготовке и повышению квалификации (ИППК). И. Я. Лойфман подготовил более 40 кандидатов и 25 докторов философских наук, основал Школу-семинар докторантов при ИППК, 83 ее участника защитили докторские диссертации по философии и культурологии.